

ISSN 2223-4047

ВЕСТНИК

МАГИСТРАТУРЫ

9-1, 2025

научный журнал

ВЕСТНИК 9-1 (168) **МАГИСТРАТУРЫ** 2025

Научный журнал

издается с сентября 2011 года

Учредитель:

ООО «Коллоквиум»

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции:

424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».
тел. 8 (8362) 65 – 44-01.
e-mail: magisterjourn@gmail.com.
<http://www.magisterjournal.ru>.
Редактор: Е. А. Мурзина
Дизайн обложки: Студия PROекТ
Перевод на английский язык
Е. А. Мурзина

Распространяется бесплатно.
Дата выхода: 30.09.2025 г.
ООО «Коллоквиум»
424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».

Главный редактор Е. А. Мурзина

Редакционная коллегия:

Е. А. Мурзина, канд. экон. наук, доцент (главный редактор).

А. В. Бурков, д-р. экон. наук, доцент (г. Йошкар-Ола).
В. В. Носов, д-р. экон. наук, профессор (г. Москва)
В. А. Карачинов, д-р. техн. наук, профессор (г. Великий Новгород)
Н. М. Насыбуллина, д-р. фарм. наук, профессор (г. Казань)
Р. В. Бисалиев, д-р. мед. наук, доцент (г. Астрахань)
В. С. Макеева, д-р. педаг. наук, профессор (г. Орел)
Н. Н. Сентябрев, д-р. биолог. наук, профессор (г. Волгоград)
Н.С. Ежкова, д-р. педаг. наук, профессор (г. Тула)
И. В. Корнилова, д-р. истор. наук, доцент (г. Елабуга)
А. А. Чубур, канд. истор. наук, профессор (г. Брянск).
М. Г. Церцвадзе, канд. филол. наук, профессор (г. Кутаиси).
Н. В. Мирошниченко, канд. экон. наук, доцент (г. Саратов)
Н. В. Бекузарова, канд. педаг. наук, доцент (г. Красноярск)
К. В. Бугаев, канд. юрид. наук, доцент (г. Омск)
Ю. С. Гайдученко, канд. ветеринарных наук (г. Омск)
А. В. Марьяина, канд. экон. наук, доцент (г. Уфа)
М. Б. Удалов, канд. биолог. наук, науч. сотр. (г. Уфа)
Л. А. Ильина, канд. экон. наук. (г. Самара)
А. Г. Пастухов, канд. филол. наук, доцент, (г. Орел)
А. А. Рыбанов, канд. техн. наук, доцент (г. Волжский)
В. Ю. Сапьянов, канд. техн. наук, доцент (г. Саратов)
О. В. Раецкая, канд. педаг. наук, преподаватель (г. Сызрань)
А. И. Мосалёв, канд. экон. наук, доцент (г. Муром)
С. Ю. Бузоверов, канд. с-хоз. наук, доцент (г. Барнаул)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Н.С. Сергеева</i> АНАЛИЗ МЕТОДОВ И ТЕХНОЛОГИЙ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В КОРПОРАТИВНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ.....	4
---	---

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Э.А. Агуева, К.Х. Закриева, А.А. Магомадова, М.М. Мухамаева</i> ВЛИЯНИЕ КОМПЛЕКСОНАТОВ ЭССЕНЦИАЛЬНЫХ МИКРОЭЛЕМЕНТОВ НА БИОХИМИЧЕСКИЙ СТАТУС КРОВИ ЖИВОТНЫХ	8
---	---

<i>А.А. Хусаинова, З.У. Агахаджиева, Б.Д. Ахмадов</i> ВЛИЯНИЕ КОМПЛЕКСОНАТОВ ЭССЕНЦИАЛЬНЫХ МИКРОЭЛЕМЕНТОВ НА ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС КРОВИ ЖИВОТНЫХ	11
--	----

ХИМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>В.В. Тягненко</i> РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КАТАЛИЗАТОРОВ В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ.....	14
---	----

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>И.В. Шуматова</i> СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ВРАЧЕЙ-АНЕСТЕЗИОЛОГОВ-РЕАНИМАТОЛОГОВ: АНАЛИЗ ФАКТОРОВ И РАЗРАБОТКА ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ	16
---	----

<i>А.А. Руфуллаева</i> ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА К ШКОЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ	19
---	----

<i>Т.А. Озерская</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, НЕГАТИВНО ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ РУУД ПРИ ОБУЧЕНИИ МАТЕМАТИКЕ В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ	21
--	----

<i>В.С. Ледеява</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И МОТИВАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ Y И Z	25
--	----

<i>Е.В. Шевченко</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ	29
---	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>А.А. Самойлова</i> МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА: УРОК ЛИТЕРАТУРЫ В МУЗЕЕ А.П. ГАЙДАРА В АРЗАМАСЕ	33
--	----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ.....

<i>Р.В. Гурьев, П.В. Кляузер</i> НЕОБХОДИМОСТЬ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ, КАК ЗАЛОГ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ САНКЦИЙ.....	37
---	----

<i>И.А. Кравцева</i> ОТЧЕТ О ДВИЖЕНИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ: ПОРЯДОК ПОДГОТОВКИ, ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ.....	41
---	----

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Д.С. Сатюков</i> ОСОБЕННОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ИМУЩЕСТВО ДОЛЖНИКА	44
---	----

<i>Н.Н. Романова</i> КОНЦЕПЦИЯ LEX RETROLEA В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ В СТРАНАХ БРИКС	47
---	----

<i>В.М. Проворкова</i> ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ПРОЦЕДУРА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О РАЗДЕЛЕ НАСЛЕДСТВА.....	51
--	----

<i>А.А. Богомолова</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ В РОССИИ	54
---	----

<i>Хусаинов Руслан Турпал-Алиевич ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ</i>	56
<i>Хусаинов Руслан Турпал-Алиевич ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ И ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ</i>	58
<i>Г.С. Байдалиева ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ</i>	60
<i>В.А. Галлямова ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ КАК ЭЛЕМЕНТА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ</i>	62
<i>Т.А. Батуро ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ</i>	65
<i>Ф.О. Белов РЕШЕНИЕ, СУДЕБНЫЙ ПРИКАЗ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ</i>	69
<i>М.К. Жмур РЕШЕНИЕ, СУДЕБНЫЙ ПРИКАЗ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</i>	72
<i>Е.А. Жуков ДОГОВОР РЕНТЫ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ</i>	76
<i>А.В. Кузьмин КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА: МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ</i>	80
<i>Р.С. Ломов РЕАБИЛИТАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ, ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</i>	83
<i>А.Т. Мохначук УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</i>	87
<i>С.А. Rogov ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</i>	90
<i>М.С. Соболевская ДОГОВОР СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА</i>	93
<i>Информация для авторов</i>	97

Т
Е
Х
Н
И
Ч
Е
С
К
И
Е

НАУКИ

Н.С. Сергеева

АНАЛИЗ МЕТОДОВ И ТЕХНОЛОГИЙ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В КОРПОРАТИВНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ

В статье представлена интегральная архитектура для защиты персональных данных в корпоративных системах на основе ИИ (искусственный интеллект). Она сочетает интеллектуальное обнаружение РИ (персонально идентифицируемая информация), контекстный доступ, поведенческую аналитику и методы частных вычислений. Новизна работы — в разработке референтного каркаса «privacy by design» (спроектированная защита данных и конфиденциальность по умолчанию по GDPR), метрик и принципов балансировки рисков для соблюдения российских и международных норм. Результаты применимы при проектировании и аудите отраслевых систем с высоким регуляторным давлением.

Ключевые слова: *Искусственный интеллект, персональные данные, корпоративные ИС, дифференциальная приватность, федеративное обучение, гомоморфное шифрование, обнаружение аномалий, DLP, машинное обучение, privacy by design.*

© Н.С. Сергеева, 2025.

Научный руководитель: *Ерофеева Елена Александровна* – кандидат педагогических наук, доцент, Тольяттинский государственный университет, Россия.

Исследование опирается на наблюдение фундаментального противоречия: с одной стороны, организациям необходимо извлекать ценность из персональных данных, автоматизируя процессы обслуживания клиентов и сотрудников, сокращая издержки и убыстряя цикл принятия решений; с другой - расширение использования ПДн повышает юридические и этические риски, а также увеличивает поверхность атаки, что требует строгих гарантий конфиденциальности и устойчивости к современным угрозам. Классические подходы обезличивания, основанные на k-анонимности, l-разнообразии и t-близости, в условиях наличия богатых фоновых данных и возможности линковки многократных наборов оказываются уязвимыми. Это смещение контуров угроз стимулировало развитие формальных методов приватности и распределённых парадигм обучения. Дифференциальная приватность предложила статистически верифицируемые гарантии, выражаемые через параметры ϵ (потеря конфиденциальности) и δ (вероятность сбоя) и механизмы внесения шума при публикации агрегатов или в процессе обучения. Федеративное обучение позволило переносить вычисления к данным, минимизируя централизацию ПДн и обмен на уровне градиентов/весов с защищённой агрегацией и возможным локальным шумом. Криптографические подходы, включая полностью и частично гомоморфные схемы, а также безопасные многосторонние вычисления, открыли возможность совместной аналитики без раскрытия исходников, тогда как доверенные аппаратные анклавов обеспечили аппаратный барьер для выполнения критических участков кодов с аттестацией и защитой ключей. Отдельную линию развития составили машинно-обучаемые системы предотвращения утечек, поведенческая аналитика и графовые модели, способные фиксировать многомерные аномалии в паттернах доступа и обращения с ПДн. Все перечисленные целесообразно объединять в единую архитектуру, учитывающую как технологические, так и процессные аспекты жизненного цикла данных и моделей.

Предлагаемый референтный каркас включает несколько тесно связанных слоев. На уровне источников организуется всесторонняя интеграция с CRM, ERP, HR (программные решения для автоматизации основных процессов в бизнесе), электронными архивами, почтовыми системами, журналами доступа и внешними сервисами; поверх формируется контур автоматического обнаружения и классификации персональных атрибутов, где современные модели распознавания именованных сущностей на базе трансформеров, эмбединги и вероятностные сопоставители ускоряют инвентаризацию персонально идентифицируемой информации (ПИ), повышают полноту и точность каталогов, и дают основу для политик хранения, минимизации и ограничений цели обработки. Далее следует слой приватных вычислений: контроллер дифференциальной приватности ведёт бюджет на уровне датасетов и субъектов, лимитируя совокупную утечку через композицию запросов и процессы обучения. Федеративный оркестратор координирует распределённые тренировки, обеспечивает защищённую агрегацию обновлений и фильтрацию подозрительных вкладов, противостоя отравлениям; криптографические компоненты реализуют частично или полностью гомоморфные операции там, где допустимы накладные расходы, и криптографические протоколы (SMPC) при межорганизационных сценариях. Доверенные аппаратные среды применяются для приватного инференса и защиты ключевого стека извлечения данных из разных источников (ETL). Контур безопасности и доступа сочетает атрибутно- и ролево-ориентированные политики, расширенные контекстом цели обработки, правового основания и уровня чувствительности атрибутов. Здесь же находится DLP-ядро с контекстной классификацией и поведенческой аналитикой, а также механизмы step-up аутентификации и адаптивных реакций на аномальные события. Над всем этим развивается процессный слой MLOps/SecOps, обеспечивающий воспроизводимость и управляемость: версионирование данных и моделей, карточки датасетов и моделей с декларированными ограничениями и рисками, трассировку признаков, канареечные развёртывания, мониторинг дрейфа распределений и качества (например, через Population Stability Index и дивергенции), а также автоматизированные отчёты об оценке воздействия на защиту данных, регистры обработки и неизменяемые журналы доступа [3].

Оптимизационный потенциал ИИ-компонент проявляется в нескольких взаимодополняющих направлениях. Во-первых, интеллектуальное обнаружение и нормализация ПДн в неструктурированных источниках резко снижают трудоемкость ручной маркировки и ускоряют приведение разрозненных записей к консистентным «золотым» профилям, что повышает качество аналитики и корректность политик доступа. Во-вторых, предиктивная оркестрация процессов, обучаемая на журналах событий, позволяет прогнозировать узкие места, перераспределять ресурсы и сокращать сроки ответа по запросам субъектов данных, повышая соглашение об уровне предоставления услуги (SLA) и удовлетворенность пользователей. В-третьих, рекомендательные модели, обучаемые на исторических решениях и поведенческом контексте, помогают реализовать принцип наименьших привилегий как динамический процесс, что снижает площадь атаки и вероятность злоупотреблений. С точки зрения безопасности ключевые выигрыши дают формальные гарантии приватности, которые дополняются вероятностными механизмами обнаружения аномалий. Дифференциальная приватность при публикации агрегатов и в обучении (например, через DP-SGD) понижает риск атак по членству и инверсии. Федеративное обучение уменьшает потребность в междоменной миграции сырых ПДн, а защищённая агрегация и фильтры обновлений сопротивляются

отравлениям. Гомоморфное шифрование и криптографические протоколы (SMPC) становятся практичным выбором в нишах, где юридическая стоимость централизации данных превышает вычислительные накладные, доверенные анклавов дают компромисс между безопасностью и производительностью для приватного инференса и чувствительных стадий подготовки данных [2]. Поведенческие и графовые модели позволяют фиксировать сложные аномалии в режимах доступа и взаимодействиях сервисов, а сочетание сигнатур и машинно-обучаемых детекторов повышает устойчивость к обходам и ложноположительным срабатываниям.

Риск-ориентированное управление требует систем метрик и критериев принятия решений. Для задач классификации и детекции используются ROC-AUC, PR-AUC и F1 (метрики оценки эффективности моделей), при этом акцент смещается на устойчивость при одном и том же уровне ложноположительных срабатываний, поскольку операционная цена FP может быть высока. Обеспечение приватности требует формального учёта бюджета, оценки вероятностей успеха атак на членство и инверсию при заданных предположениях о противнике, а также документирования всех допущений и ограничений. Для аномалистики естественны TPR и FPR на калибровочных выборках, а также эксплуатационные метрики времени обнаружения и восстановления. В экономике внедрения учитываются как капитальные и операционные расходы на инференс и обучение (с поправкой на криптовычисления и анклавов), так и экономия от сокращения ручных операций, снижения частоты инцидентов и штрафных санкций и ускорения циклов аналитики. Важной частью методологии становится мониторинг дрейфа распределений и смысловой деградации моделей; иницируются процедуры переобучения и повторной валидации, а изменения политик доступа проходят регламентированный аудит [3, 4].

Особое внимание уделяется юридической и этической стороне. Принципы *privacy by design* и *privacy by default* предполагают минимизацию данных и целей обработки, прозрачность и управляемость согласиями, реализацию прав субъектов на доступ, исправление, удаление и переносимость, а также прослеживаемость решений автоматизированных систем, особенно если они затрагивают значимые интересы человека в кадровых, кредитных или медицинских сценариях. В российском контексте и при трансграничных обработках актуализируется необходимость увязки проектных решений с требованиями локального и наднационального регулирования, ведения реестров операций, оценки воздействия и документирования правовых оснований. Эти принципы не подменяют, а дополняют технологические меры. Без организационной дисциплины, разделения полномочий, независимого аудита и неизменяемых журналов даже сильные алгоритмические гарантии рискуют оказаться малоэффективными.

Ограничения и угрозы исследуемых подходов требуют честного проговаривания. Слишком малые значения параметра ϵ приводят к потере точности и снижению полезности отброшенных сигналов, а чрезмерная либерализация бюджета повышает риск утечек. Федеративные конфигурации подвержены целевым отравлениям и «градиентным» утечкам без защищённой агрегации и фильтрации; гомоморфные и многосторонние протоколы накладывают задержки и повышают сложность эксплуатации; доверенные анклавов зависят от исправности микрокода и своевременности обновлений вендора; ML-ядра DLP и аномалистики страдают от дрейфа и риска выгорания метрик при изменении бизнес-процессов. Следовательно, инженерная стратегия заключается в умеренном, целевом применении криптографических и аппаратных средств там, где это действительно окупается: в комбинировании DP-агрегатов с федеративным обучением; в запуске рекомендательных доступов как «советника» с человеком в контуре; в обязательном мониторинге дрейфа и регулярной реконфигурации детекторов; в независимом пентесте, red-teaming и тестах на атакуемость по членству и инверсии [4].

Практические импликации предложенного каркаса подтверждаются типовыми кейсами внедрения. В HR-аналитике распределённые модели прогнозирования текучести и эффективности подбираются без централизации ПДн, а отчётные показатели согласуются с дифференциальной приватностью. В предотвращении утечек графовые профили доступа и контекстные политики позволяют блокировать нетипичные массовые выгрузки и инициировать усиленную проверку, в межфирменной аналитике маркетинговой атрибуции криптографические протоколы позволяют партнёрам обмениваться лишь результатами, не раскрывая исходных массивов. В каждом из этих сценариев роль MLOps/SecOps заключается в обеспечении отлаженного цикла версионирования и валидации, объяснимости и документируемости решений, что критично для производственных сред и аудита.

Проведённый анализ подтверждает, что искусственный интеллект в корпоративной обработке персональных данных должен рассматриваться не как локальное средство автоматизации, а как часть системной дисциплины управления данными и рисками. Интеграция приватных вычислений, поведенческой аналитики, адаптивного контроля доступа и практик MLOps/SecOps позволяет одновременно повышать эффективность и снижать риск, обеспечивая масштабируемость и воспроизводимость решений при соблюдении регуляторных требований. Практическая дорожная карта реализации включает раннее внедрение автоматического discovery ПДн и карт потоков, минимизацию данных и целей, запуск DP-агрегатов и детекторов аномалий на критических контурах, переход к федеративному обучению в кросс-

доменных сценариях с защищённой агрегацией и фильтрами обновлений, точечное применение гомоморфных и многосторонних вычислений и использование доверенных анклавов, институционализацию SLO для моделей, мониторинг дрейфа и регулярные приватностные тесты, а также автоматизацию DPIA и журналов обработки. Дальнейшие исследования целесообразно направить на снижение вычислительных издержек криптовычислений, повышение устойчивости к отравлениям и бэкдорам в федеративных конфигурациях, развитие объяснимости и проверяемости ИИ-решений в условиях приватности, а также на формализацию мультиобъективной оптимизации между точностью, приватностью и затратами. Представленный каркас и теоретические соображения предназначены для практического использования при проектировании и аудите корпоративных платформ обработки ПДн и могут служить методологической основой для последующих эмпирических исследований и стандартизации отраслевых практик.

Библиографический список:

1. Dwork, C., & Roth, A. The algorithmic foundations of differential privacy. *Foundations and Trends in Theoretical Computer Science*, Vol. 9 Nos. 3–4 (2014), 211–407. DOI: 10.1561/04000000042
2. McMahan B., Moore E., Ramage D., & Arcas B. A. Communication-efficient learning of deep networks from decentralized data. In *Proceedings of the 20th International Conference on Artificial Intelligence and Statistics (AISTATS 2017)*, 1273–1282.
3. Shokri, R., Stronati, M., Song, L., & Shmatikov, V. Membership Inference Attacks against Machine Learning Models. In *2017 IEEE Symposium on Security and Privacy (SP)*, 3–18.
4. Hardy, S., Shokri, R., & Shmatikov, V. (2019). The risk of personal data inference in machine learning. In *Proceedings of the 28th ACM International Conference on Information and Knowledge Management (CIKM 2019)*.

СЕРГЕЕВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА – магистрант, Тольяттинский государственный университет, Россия.

Э.А. Агуева, К.Х. Закриеа, А.А. Магомадова, М.М. Мухамаева

ВЛИЯНИЕ КОМПЛЕКСОНАТОВ ЭССЕНЦИАЛЬНЫХ МИКРО-ЭЛЕМЕНТОВ НА БИОХИМИЧЕСКИЙ СТАТУС КРОВИ ЖИВОТНЫХ

Изучение алиментарного влияния комплексонатов микроэлементов Fe, Cu, Co, Zn, Mn + KI, синтезированных на базе этилендиаминдиантарной кислоты (ЭДДЯК), в условиях их недостаточного и несочетаемого поступления в организм дорациваемого молодняка крупного рогатого скота для выявления их гемопоэтического влияния, в сравнительном аспекте с неорганическими солями и интактной группой.

Ключевые слова: *этилендиаминдиантарная кислота (ЭДДЯК), микроэлементы, комплексонаты, общий белок, альбумины, альбумино-глобулиновый коэффициент, гематокрит.*

© Э.А. Агуева, К.Х. Закриеа, А.А. Магомадова, М.М. Мухамаева, 2025.

Научный руководитель: *Зайнабдиева Хеди Магомедовна* – кандидат биологических наук, доцент кафедры физиологии и анатомии человека и животных, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Россия.

Актуальность. Классически нормируемые микроэлементы выполняют в организме многочисленные физиолого-биохимические функции. Их присутствие в организме является обязательным условием для морфо-функционального становления организма, что обеспечивает адекватное фенотипическое развитие генома в конкретных биогеографических условиях. Известно, что при недостаточном поступлении трофического материала в составе рациона, в том числе классических минеральных элементов, интенсивность функционирования метаболических процессов частично или полностью инактивируются, что влечет за собой развитие в субклинической форме микроэлементозов, а при хроническом течении – развитие соответствующей патологии.

Особенности местных биогеохимических условий и слабая изученность микроэлементного статуса в почве, в ботаническом составе и в целом рационе обусловили необходимость экспериментального применения классически нормируемых микроэлементов в составе рациона молочных телят крупного рогатого скота. К тому же во многих авторитетных исследованиях указывается на то, что содержание абсорбируемой формы железа, кобальта, йода и других микроэлементов молока не всегда обеспечивает удовлетворение суточной потребности растущего молодняка крупного рогатого скота. [1, 2].

Цель работы. Изучить гемопозитическое влияние комплексонов микроэлементов Fe, Cu, Co, Zn, Mn + I, приготовленных на основе этилендиаминдиантарной кислоты (ЭДДЯК), в сравнительном аспекте с их неорганическими солями и контролем.

Задачи исследования. В целях реализации концепции экспериментального исследования были поставлены следующие задачи:

1. Изучить влияние различных физико-химических форм микроэлементов на содержание минеральных веществ в крови.
2. Определить индуцирующее влияние различных форм микроэлементов на концентрационный фон белка крови.

Научная новизна. Впервые в условиях биогеохимического районирования нами использованы комплексоны микроэлементов, приготовленные на основе ЭДДЯК, в сравнительном аспекте с их неорганическими солями.

Согласно методике опытного дела для реализации эмперической части исследования, нами были сформированы три исследуемые группы в соответствии со схемой кормления таблицы 1.

Таблица 1

Схема кормления

Группы животных	Количество животных	Условия кормления
I контрольная	5	Основной рацион (ОР)
II опытная	5	ОР + неорганические соли Fe, Cu, Co, Zn, Mn, I
III опытная	5	ОР + комплексоны ЭДДЯК - Fe, Cu, Co, Zn, Mn, I

Хронологический диапазон экспериментального исследования составил 90 дней, в возрасте от 9 до 12 месяцев. Исследуемые группы бычков были созданы методом пар-аналогов. При этом учитывали породу, внутри-породную линейную принадлежность, возраст, пол и физиологическое состояние. Исследуемое поголовье бычков (15 голов по 5 в каждой) были разделены на три группы. Первая контрольная группа в диапазоне эксперимента находилась на основном рационе, где нами согласно зоохимическим анализам кормов рациона был выявлен частичный дефицит и диспаритет, а следовательно, естественная деплеция изучаемых микроэлементов. Вторая опытная группа к основному рациону получала оптимизирующее количество микроэлементов в неорганической форме. Третья опытная группа получала идентичное количество и в той же композиции изучаемые микроэлементы, хелатированные на базе этилендиаминдиантарной кислоты. В динамике эксперимента ежемесячно корректировали суточную дозу микродобавок с учетом роста и развития бычков.

Взятие крови из яремной вены проводили в начале и в конце опыта утром перед кормлением бычков.

Для реализации цели и поставленных задач нами были использованы следующие методы:

общее количество белка унифицированным методом определения в сыворотке крови по биуретовой реакции;

определение концентрации альбумина по реакции с бромкрезоловым зеленым (унифицированный метод) (Даниловой Л.А., 2003);

определение количества микроэлементов в крови рентгенофлуоресцентным методом с использованием полупроводниковой спектроскопии (Лосев Н.Ф., 1989) [3].

Таблица 2

Концентрационный статус микроэлементов в крови исследуемых бычков (мг/кг сухого вещества)

Исследуемые группы	Кровь					
	Fe	Cu	Co	Zn	Mn	I
I	742± 53,05	1,58± 0,09	0,118± 0,006	9,4± 0,47	10,2± 0,89	0,0312± 0,0025
II	863± 58,4	1,78± 0,06*	0,144± 0,005*	10,3± 0,52*	10,5± 0,76	0,0328± 0,0027
III	985± 63,2***	2,14± 0,10**	0,178± 0,007**	12,0± 0,63**	12,8± 0,91***	0,0345± 0,0026*

Примечание: * - P>0,95; ** - P>0,99, *** - P>0,999

В динамике эксперимента было ингридировано нивелирующее и оптимизирующее количество микродобавок в суточный рацион исследуемых животных утром и вечером в составе концентрированных кормов. Взятие крови из яремной вены проводили на завершающем этапе опыта рано утром за час до кормления. Проведенный рентгенофлуоресцентный анализ крови с использованием полупроводниковой спектроскопии убедительно свидетельствует, согласно таблице 2, о целесообразности и результативности применения органических и неорганических форм эссенциальных микроэлементов в зоне их недостаточного поступления. В частности, концентрационный фон микроэлемента железа увеличивается в группе комплексонатов относительно контроля на 32,75% (P>0,999), с неорганическими солями на 14,1% (P>0,95), меди соответственно на 35,4% и 20,2%, кобальта – 50,8% и 23,6%, цинка – 27,6% и 16,5%, марганца – 25,5% и 29,9%, йода – 10,5% и 5,2%.

На основании экспериментально полученного цифрового материала нашего исследования факториально приходим к выводу, что применение комплексонатов микроэлементов Fe, Cu, Co, Zn, Mn, KI, приготовленных на основе этилендиаминдиантарной кислоты, в составе концентрированных кормов приводит к достоверному их увеличению в системе крови относительно интактной группы.

Вывод. Алиментарное применение комплексонатов эссенциальных микроэлементов Fe, Cu, Co, Zn, Mn + KI, приготовленных на основе этилендиаминдиантарной кислоты, в биогеохимической зоне их недостаточного и диспаритетного поступления приводит к увеличению концентрационного фона микроэлементов в крови;

Библиографический список:

1. Н.М.Дятлова Комплексоны и комплексонаты металлов/ Н.М.Дятлова, В.Я. Темкина, К.И. Попов// Издат. «Химия» - 1988. С. 487.
2. С.Ю. Зайцев, Ю.В. Конопатов. Биохимия животных. СПб.: издательство «Лань», 2004 – с. 297.
3. И.С. Шумилин, Г.П. Державина и др. Состав и питательность кормов. – М.: Агропромиздат, 1986.- с. 239.

АГУЕВА ЭСИЛА АДАМОВНА – магистрант биолого-химического факультета, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Россия.

ЗАКРИЕВА КАМЕТА ХАМЗАТОВНА – магистрант биолого-химического факультета, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Россия.

МАГОМАДОВА АМНАТ АЮБОВНА – магистрант биолого-химического факультета, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Россия.

МУХАМАЕВА МАДИНА МАЙРБЕКОВНА – магистрант биолого-химического факультета, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Россия.

А.А. Хусаинова, З.У. Агахаджиева, Б.Д. Ахмадов

ВЛИЯНИЕ КОМПЛЕКСОНАТОВ ЭССЕНЦИАЛЬНЫХ МИКРО-ЭЛЕМЕНТОВ НА ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС КРОВИ ЖИВОТНЫХ

Изучение алиментарного влияния комплексонатов микроэлементов Fe, Cu, Co, Zn, Mn + KI, синтезированных на базе этилендиаминдиантарной кислоты (ЭДДЯК), в условиях их недостаточного и несочетаемого поступления в организм доращиваемого молодняка крупного рогатого скота для выявления их гемопоэтического влияния, в сравнительном аспекте с неорганическими солями и интактной группой.

Ключевые слова: *этилендиаминдиантарная кислота (ЭДДЯК), микроэлементы, комплексонаты, кислородная емкость крови, гемоглобин, индексы эритроцитов, цветной индекс, гематокрит.*

Актуальность. Жизненно необходимые микро- и ультрамикроэлементы выполняют в организме многочисленные физиолого-биохимические функции, лежащие в основе роста и развития молодняка крупного рогатого скота. Как известно, в традиционных условиях разведения животных в целях нивелиации минерального статуса рациона применяют неорганические соли, которые имеют низкий коэффициент биодоступности и утилизации из пищевой массы в разных отделах гастро-энтеральной системы, что влечет за собой развитие в субклинике – микроэлементозов [1, 2, 3].

Цель работы. Изучить гемопоэтическое влияние комплексонатов микроэлементов Fe, Cu, Co, Zn, Mn + I, приготовленных на основе этилендиаминдиантарной кислоты (ЭДДЯК), в сравнительном аспекте с их неорганическими солями и контролем.

Согласно методике опытного дела для реализации эмперической части исследования, нами были сформированы три исследуемые группы в соответствии со схемой кормления таблицы 1.

Таблица 1

Схема кормления		
Группы животных	Количество животных	Условия кормления
I контрольная	5	Основной рацион (ОР)
II опытная	5	ОР + неорганические соли Fe, Cu, Co, Zn, Mn, I
III опытная	5	ОР + комплексонаты ЭДДЯК - Fe, Cu, Co, Zn, Mn, I

Хронологический диапазон экспериментального исследования составил 90 дней, в возрасте от 9 до 12 месяцев. Исследуемые группы бычков были созданы методом пар-аналогов. Первая контрольная группа в диапазоне эксперимента находилась на основном рационе. Вторая опытная группа к основному рациону получала оптимизирующее количество микроэлементов в неорганической форме. Третья опытная группа получала идентичное количество и в той же композиции изучаемые микроэлементы, хелатированные на базе этилендиаминдиантарной кислоты. В динамике эксперимента ежемесячно корректировали суточную дозу микродобавок с учетом роста и развития бычков.

Взятие крови из яремной вены проводили в начале и в конце опыта утром перед кормлением бычков.

© А.А. Хусаинова, З.У. Агахаджиева, Б.Д. Ахмадов, 2025.

Научный руководитель: *Зайналабдиева Хеди Магомедовна* – кандидат биологических наук, доцент кафедры физиологии и анатомии человека и животных, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Россия.

Таблица 2

Гематологические показатели исследуемых бычков			
Показатели	I контрольная	II опытная	III опытная
Первый этап			
Гематокрит, л/л	39,4±2,41	39,6±2,63	39,5±2,58
Эритроциты млн/мм ³	5,98±0,43	6,00±0,47	6,04±0,45
Гемоглобин, г/л	97,5±7,12	98,3±8,4	98,0±6,99
Цветной индекс	0,92	0,93	0,92
Кислородная емкость, мл/л	130,65	131,72	131,32
СОЭ (РОЭ) мм/г	0,69	0,70	0,70
МСН, пг	24,37	24,58	24,50
МСНС, %	24,70	24,80	24,80
MCV, фл	65,88	66	65,39
Второй этап			
Гематокрит, л/л	40,3±2,8	41,2±3,16	42,5±30,7*
Эритроциты млн/мм ³	6,12±0,45	6,38±0,51	6,50±0,49
Гемоглобин, г/л	101,4±8,4	107,3±8,9*	112,4±9,5**
Цветной индекс	0,94	0,98	0,99
Кислородная емкость, мл/л	135,87	143,78*	150,61**
СОЭ (РОЭ) мм/г	0,63	0,60	0,58
МСН, пг	25,35	26,82	28,10
МСНС, %	25,10	26,00	26,4
MCV, фл	65,84	64,57	65,38

Примечание: * - P>0,95; ** - P>0,99

Представленный статистический материал таблицы 2 индикаторно отражает интермедиарный этап обеспечения оксидоредуктивных процессов на субклеточном уровне исследуемых животных.

В рамках концепции экспериментального исследования путём использования материалов и применения методики опыта нами был изучен целый спектр гематологических показателей. Научно обоснованное включение микроингредиентов в суточный рацион исследуемых животных отражается на физиологическом статусе системы крови, следовательно, и на общем состоянии растущего молодняка крупного рогатого скота.

На первом этапе эксперимента показатели гематокрита в исследуемых группах находились в диапазоне 39,4-39,6 л/л, эритроцитов 5,98-6,04 млн/мм³, гемоглобина 97,5-98,3 г/л, цветного показателя 0,92-0,93, кислородной емкости 130,65-131,72 мл/л, скорость оседания эритроцитов 0,69-0,70 мм/ч, МСН – 24,37-24,58 пг, МСНС – 24,70-24,8%, MCV – 65,39-66,0 фл.

Согласно выше представленному цифровому материалу первого этапа исследования мы приходим к выводу, что представленные варианты исследуемых групп имеют полную аналогию.

На втором заключительном этапе исследования гематологические показатели дивергируются в пользу третьей опытной группы относительно интактной группы и классических неорганических солей как результат алиментарного применения инновационных соединений микроэлементов (комплексонатов).

Интерпретируя вышеизложенный материал нашего исследования, доказательно приходим к выводу, что применение комплексонатов микроэлементов в составе рациона приводит к оптимизации размеров протеомы плазмы крови исследуемых животных, что непременно отразится позитивно на росте и развитии дорастиваемых животных.

Выводы. Алиментарное применение комплексонатов эссенциальных микроэлементов Fe, Cu, Co, Zn, Mn + KI, приготовленных на основе этилендиаминдиантарной кислоты, в биогеохимической зоне их недостаточного и диспаритетного поступления приводит к увеличению ряда показателей (*сравнение данных группы, получавшей комплексы микроэлементов, с данными группы, получавшей неорганические соли, и интактной группы*):

- увеличению концентрационного фона эритроцитов в системе крови на 1,8-6,2, гемоглобина на 4,8-10,8%, цветного показателя на 1,0-5,3%;
- повышению кислородной емкости крови на 4,8-10,8%;
- увеличению среднего абсолютного содержания гемоглобина в эритроците на 0,4-1,3%, среднего содержания гемоглобина в эритроцитах на 1,5-5,2;

Библиографический список:

1. Н.М. Дятлова Комплексоны и комплексонаты металлов/ Н.М.Дятлова, В.Я. Темкина, К.И. Попов// Издат. «Химия» - 1988. С. 487.
2. С.Ю. Зайцев, Ю.В. Конопатов. Биохимия животных. СПб.: издательство «Лань», 2004 – с. 297.
3. И.С. Шумилин, Г.П. Державина и др. Состав и питательность кормов. – М.: Агропромиздат, 1986.- с. 239.

ХУСАИНОВА АЙШАТ АЛЬБЕРТОВНА – магистрант биолого-химического факультета, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Россия.

АГАХАДЖИЕВА ЗАЙНАБ УМАРОВНА– магистрант биолого-химического факультета, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Россия.

АХМАДОВ БИЛАЛ ДЕНИЕВИЧ – магистрант биолого-химического факультета, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, Россия.

Х
И
М
И
Ч
Е
С
К
И
Е

НАУКИ

В.В. Тягненко

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КАТАЛИЗАТОРОВ В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

В статье рассматривается развития отечественных катализаторов для нефтегазовой отрасли. Большим достижением современной России является строительство современного катализаторного производства ООО «Газпромнефть». Отмечена перспективность исследования, а именно использования отечественного катализатора Селектум в газовой отрасли.

Ключевые слова: катализатор, химические процессы, технология, Селектум.

2022-2025 годы стали испытаниями для экономики РФ, в том числе для химической промышленности. Финансовые и логистические трудности, ограничения в производственных цепочках, санкции упали на российские компании. В результате выявлены болевые точки российской химии и нефтепереработки — технологическая зависимость от стран запада до отсутствия собственных перевалочных мощностей на мировом рынке.

В 93% химических процессов требуется применение катализаторов. Для протекания различных реакций требуются соответствующие катализаторы. В настоящее время существует более 1 тыс. наименований марок катализаторов. На долю процессов нефтепереработки приходится около до 40% от всех применяемых в РФ катализаторов. Несмотря на появление в России катализаторных производств, российский рынок еще сильно зависим от зарубежных катализаторов, что ставит вопрос импортозамещения в ряд с вопросом энергобезопасности страны.

© В.В. Тягненко, 2025.

Научный руководитель: *Чудиевич Дария Алексеевна* – кандидат технических наук, зав. кафедрой, Астраханский государственный технический университет, Россия.

Импортозамещение необходимо для обеспечения эффективного функционирования нефтехимического и нефтеперерабатывающего комплекса РФ. В настоящее время доля отечественных катализаторов в нефтепереработке составляет 75 %, а еще в 2013 году доля составляла 32 %.

Независимость от импорта – является приоритетным направлением развития промышленности в части катализаторов для обеспечения эффективного и непрерывного функционирования нефтеперерабатывающего и нефтехимического комплексов России. В настоящее время доля российских катализаторов в нефтепереработке составляет 76 %, хотя еще в 2013 году эта цифра была менее 31 %. Завершение проектов по созданию отечественных катализаторов позволит закрыть большинство потребностей НПЗ страны.

В 70-х годах прошлого столетия руководство СССР приняло решение о необходимости увеличения глубины переработки нефти, для этого планировалось строительство новых и современных установок каталитического крекинга и гидрокрекинга. Для данных целей было решено закупить технологию, оборудование у лучших компаний мира по производству катализаторов. В связи с этим были приобретены два проекта [1]:

- Технология, оборудование, проект были поставлены в СССР корпорацией JGC (Япония), позволяющие осуществлять производство катализаторов крекинга мощностью 20 000 тыс. т/г.

- Технология, оборудование, проект были поставлены в СССР компанией Haldor Topsøe (датская компания), позволяющие осуществлять производство катализаторов гидроочистки и гидрокрекинга мощностью 4000 тыс. т/г. Сейчас это «Стерлитамакский завод катализаторов».

Продолжению развития производства катализаторов правительство РФ продолжает уделять огромное внимание по импортозамещению в нефтеперерабатывающей и нефтехимической отраслях промышленности Российской Федерации.

Большим достижением современной России является строительство современного катализаторного производства ООО «Газпромнефть – Каталитические системы», г Омск. Мощность производства ООО «Газпромнефть» составляет около 20 тыс. тонн в год, в том числе [1,2]: катализаторы крекинга – 13 тыс. тонн; катализаторы гидроочистки – 3 тыс. тонн; катализаторы ГК – 3 тыс. тонн; реактивация катализаторов гидроочистки – 1 тыс. тонн.

Необходимо отметить, что в современной нефтепереработке требуется ускоренное развитие производства катализаторов произведенных в РФ, для следующих процессов: гидроизодепарафинизация масел; селективная очистка этилена и пропилена; гидроочистка бензина каталитического крекинга; производство водорода; гидрокрекинг.

Вместе с тем необходимо отметить, что наряду с ПАО «Газпром нефть» работу по развитию Российских катализаторов проводят: ПАО «НК «Роснефть», АО «СКТБ «Катализатор», ООО «Ишимбайский специализированный химический завод катализаторов».

Приведенный обзор катализаторов показывает перспективность исследования, а именно использование отечественного катализатора Селектум в газовой отрасли. Использование катализатора гидроочистки St-301 производства ООО «Газпромнефть-КС» может позволить вырабатывать дизельное топливо с остаточным содержанием серы не более 0,001 % масс. (10 ppm).

Библиографический список:

1. Производство катализаторов для нефтепереработки и нефтехимии в России УДК: 544.478 25 сентября 2023 в 14:40 URL: <https://magazine.naftegaz.ru/articles/importozameshchenie/795285-proizvodstvo-katalizatorov-dlya-neftepererabotki-i-neftekhimii-v-rossii/>

2. Ассоциация нефтепереработчиков и нефтехимиков (АНН) URL: <https://oilref.ru/2023/04/24/sostoyalos-soveshhanie-glavnyh-tehnologov-neftepererabatyvayushih-i-neftehimicheskikh-predpriyatij-rossii-respubliki-belarus-s-uchastiem-rukovoditelej-akademicheskikh-i-otraslevykh-institutov-a/>

ТЯГНЕНКО ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ – магистрант, Астраханский государственный технический университет, Россия.

П
С
И
Х
О
Л
О
Г
И
Ч
Е
С
К
И
Е

НАУКИ

И.В. Шуматова

СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ВРАЧЕЙ-АНЕСТЕЗИОЛОГОВ-РЕАНИМАТОЛОГОВ: АНАЛИЗ ФАКТОРОВ И РАЗРАБОТКА ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

Статья посвящена исследованию синдрома эмоционального выгорания у врачей-анестезиологов-реаниматологов, работающих в условиях интенсивной терапии. В работе рассмотрены теоретические подходы к определению феномена выгорания, а также проанализированы данные анонимного анкетирования специалистов многопрофильного стационара. Выделены ключевые предикторы синдрома: высокая интенсивность труда, ночные дежурства, кадровый дефицит, ограниченные ресурсы и постоянный контакт с пациентами в критическом состоянии. Сделан вывод о необходимости комплексных программ на уровне медицинских организаций и здравоохранения в целом.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, анестезиологи – реаниматологи, профессиональный стресс, профилактика, психическое здоровье.

Эмоциональное выгорание определяется как комплексное психоэмоциональное состояние, возникающее при хроническом воздействии стрессовых факторов трудовой деятельности, сопровождающееся

эмоциональным истощением, деперсонализацией и снижением профессиональных достижений [6]. Проблема впервые была выделена в работах американского психиатра Х. Фрейденберга в 1970-е годы, который описал ее как состояние истощения, возникающее у специалистов «помогающих профессий». Позднее К. Маслач предложила трехфакторную модель выгорания, включающую эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личных достижений [9]. Сегодня данная концепция является наиболее распространенной и используется как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях [2; 5].

Особую актуальность проблема приобретает в профессии анестезиологов-реаниматологов. Эти специалисты ежедневно сталкиваются с критическими состояниями пациентов, работают в условиях постоянного дефицита времени и ресурсов, несут исключительную ответственность за исход лечения [13]. Подобные факторы усиливают эмоциональное напряжение, формируя условия для истощения и профессиональной дезадаптации [14]. По данным зарубежных исследований, уровень эмоционального выгорания среди анестезиологов колеблется от 40 до 70 %, что значительно выше, чем у других врачей интенсивной терапии [15].

Эмпирическая часть настоящего исследования проведена в КГП на ПХВ «Больница города Шахтинск» в 2025 году. В выборку вошли 12 специалистов анестезиолого-реаниматологического профиля. Применялись стандартизированные методики: опросник Маслач (Maslach Burnout Inventory), методика В. В. Бойко, а также авторская анкета для выявления профессиональных факторов риска. Результаты показали, что у 75 % респондентов выявлены признаки эмоционального истощения различной степени выраженности. У 60 % отмечены проявления деперсонализации, у 40 % – снижение удовлетворенности профессиональной деятельностью. При этом уровень выгорания зависел от стажа: у специалистов с опытом более 10 лет чаще фиксировалось эмоциональное дистанцирование, тогда как у молодых врачей – чувство неэффективности [11].

Факторами, наиболее значимо влияющими на выраженность синдрома, стали: переработки, ночные дежурства, кадровый дефицит, отсутствие возможности для регулярного отдыха, а также недостаток корпоративных программ психологической разгрузки. Следует отметить, что пандемия COVID-19 существенно усугубила ситуацию, увеличив нагрузку и усилив эмоциональное давление на медицинский персонал [3]. Негативные последствия синдрома выражаются в росте числа врачебных ошибок, снижении качества оказания медицинской помощи, нарушениях коммуникации в коллективе и увеличении текучести кадров [12].

Профилактика эмоционального выгорания должна строиться на многоуровневом подходе. На индивидуальном уровне – развитие навыков стресс-менеджмента, консультирование, применение методов релаксации [10]. На организационном уровне – оптимизация графиков дежурств, введение программ супервизии и взаимной поддержки персонала, проведение регулярных скринингов психоэмоционального состояния [7]. На системном уровне – формирование государственных и ведомственных программ по поддержке психического здоровья медицинских работников, а также включение данных компонентов в систему непрерывного медицинского образования [1; 16].

Таким образом, синдром эмоционального выгорания у врачей-анестезиологов-реаниматологов представляет собой серьезную профессиональную проблему. Решение данной проблемы возможно только при комплексном взаимодействии самих специалистов, администрации медицинских организаций и органов здравоохранения. Внедрение профилактических стратегий позволит снизить уровень профессиональных рисков, укрепить кадровый потенциал и повысить устойчивость системы здравоохранения в целом [4].

Библиографический список:

1. Андриади И. П. Основы профессионального мастерства. – М.: Академия, 2016. – 302 с.
2. Антипова Л. В. Выраженность синдрома профессионального выгорания в связи с психологическими характеристиками личности и ситуацией эмоционального развития // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2015. – С. 20–27.
3. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. – М.: Академия, 2019. – 406 с.
4. Березовская Л. Г. К вопросу критериев риска развития синдрома «профессионального выгорания» // Проблемы исследования синдрома «выгорания» и пути его коррекции у специалистов «помогающих» профессий. – Курск: КГУ, 2018. – С. 17–19.
5. Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. – М.: ПЕР СЭ, 2018. – 528 с.
6. Бойко В. В. Синдром «профессионального выгорания» в общении. – СПб.: Питер, 2019. – 216 с.
7. Бойко В. В., Ковалев А. Г., Панферов В. И. Социально-психологический климат коллектива и личность. – М.: Мысль, 2017. – 193 с.
8. Павленко В. Б. Стресс и его влияние на деятельность врачей-реаниматологов // Практическая медицина. – 2020. – № 5. – С. 49–54.
9. Пайнс А., Аронсон Э. Эмоциональное выгорание: причины и профилактика / пер. с англ. – М.: Прогресс,

2020. – 270 с.

10. Пряжников Н. С. Стратегия преодоления синдрома «эмоционального выгорания» // Психологическая наука и образование. – 2019. – № 2. – С. 87–95.

11. Редина Т. В. Особенности эмоционального выгорания. – М.: Книга по требованию, 2019. – 236 с.

12. Ронгинская Т. И. Проблемы профессионального выгорания // Психологический журнал. – 2019. – Т. 24. – № 5. – С. 90–97.

13. Савина О. В. Психоэмоциональное состояние врачей отделений интенсивной терапии // Вестник интенсивной терапии. – 2021. – № 4. – С. 12–17.

14. Смирнов И. А. Эмоциональное выгорание у анестезиологов: психофизиологические аспекты // Психология труда. – 2022. – № 1. – С. 30–35.

15. Стюарт С. Психическое здоровье медицинских работников / пер. с англ. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2022. – 228 с.

16. Форманюк Т. В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации // Психология состояний: хрестоматия / ред. А. О. Прохоров. – М.: Пер Сэ; СПб.: Речь, 2019. – С. 449–457.

17. Шнейдер Л. Психология стресса и эмоционального выгорания. – М.: Юрайт, 2020. – 256 с.

ШУМАТОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – магистрант, Оренбургский государственный медицинский университет, Россия.

А.А. Руфуллаева

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА К ШКОЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ

В статье исследуются общие аспекты проблемы готовности ребенка к школьному обучению, представлены подходы к понятию «интеллектуальная готовность к обучению», рассмотрены основные компоненты интеллектуальной готовности ребенка к обучению в школе.

Ключевые слова: интеллектуальная готовность к обучению в школе, готовность к школьному обучению, психологическая готовность.

Начало обучения ребенка в школе – это важный и достаточно сложный этап в жизни каждого ребенка. Нужно понимать, что ребенок после детского сада переходит на новый этап жизни, и не все дети переносят его легко. Для этого уже в детском саду детей начинают готовить к школьной жизни.

Каждый из родителей, впервые отправляя ребенка в школу, уверен, что тот полностью готов к школьному обучению. Родители руководствуются своими показателями готовности к обучению. Например, для кого-то это умение читать, писать и считать; для другого – это сообразительность, внимательность, общительность.

Действительно, это очень важные показатели для подготовленного ребенка, но нужно понимать, что самое главное при переходе на новый этап жизни – это психологическая готовность к учебной деятельности.

Н.И. Гуткина характеризует психологическую готовность к школе как определенный уровень психического развития ребенка, необходимый для освоения учебной программы в условиях обучения в коллективе сверстников [2].

Понятие психологической готовности к школе рассматривается в трудах многих психологов и педагогов, при этом разные авторы выделяют различные компоненты и критерии.

По мнению Л. С. Выготского готовность к школьному обучению выражается в том, что «ребенок в определенных жизненных ситуациях считает необходимостью подчинить свое поведение моральным нормам и требованиям [2]. Поэтому важными моментами в нравственном развитии ребенка становятся знание норм общения и понимание их ценности и необходимости. Если ребенок до школы имеет развитое чувство ответственности за самого себя, за свое поведение, то с этим чувством ответственности он придет и в свой класс».

По мнению М.И. Лисиной, показателем является уровень развития ситуативно-личностного общения. Выделяются три сферы – отношение к взрослому, к сверстнику и к самому себе, уровень развития этих сфер будет определяющим в степени готовности к школе [1].

Л.И. Божович отмечала, что готовность к обучению в школе складывается из определенного уровня развития мыслительной деятельности, познавательных интересов, готовности к произвольной регуляции познавательной деятельности.

А.И. Запорожец [3] указывал, что готовность к обучению в школе представляет собой целостную систему взаимосвязанных качеств детской личности, включая особенности ее мотивации, уровня развития познавательной, аналитико-синтетической деятельности, степень сформированности механизмов волевой регуляции действий.

Несмотря на различия в подходах, большинство авторов сходятся в том, что психологическая готовность к школе – это комплексное явление, включающее:

- Интеллектуальную зрелость (мышление, речь, познавательные навыки).
- Эмоционально-волевою регуляцию (произвольность, мотивация).
- Социально-коммуникативные умения (адаптация к коллективу, взаимодействие с учителем).

Таким образом, для успешного обучения важны не только умение читать и считать, но и психологическая зрелость ребенка.

Личностная и социально-психологическая готовность предполагают понимание и принятие новой социальной роли, а также соблюдение детьми общепринятых норм и правил поведения.

© А.А. Руфуллаева, 2025.

Научный руководитель: *Овчинников Михаил Владимирович* – доцент кафедры специальной и клинической психологии, кандидат психологических наук, Челябинский государственный университет, Россия.

Под эмоционально-волевой готовностью понимают формирование произвольности психических процессов. Это умения будущего первоклассника сознательно подчиняться правилам и требованиям, удерживать внимание на словах учителя и точно следовать его инструкциям и самостоятельно выполнять задания по образцу.

В данной работе особое внимание будет уделено интеллектуальной готовности к школе.

Содержание интеллектуальной готовности – это не специальные и конкретные знания из разных областей, не умение хорошо читать, писать и быстро выполнять арифметические задачи, а скорее уровень развития основных психических процессов, таких как: память, мышление, воображение, внимание.

Ребенок при поступлении в школу должен быть интеллектуально подготовлен, важно уметь самостоятельно анализировать, сравнивать, обобщать и аргументировать.

Ребенок к школе не должен идеально решать примеры, либо читать по 50 слов в минуту, к примеру. Он должен иметь именно общее развитие познавательных процессов: памяти, внимания, мышления.

К 7 годам ребенок должен:

- уметь воспринимать информацию, задавать интересующие его вопросы;
- знать все об окружающем его мире, иметь цель наблюдения и умение его осуществлять;
- иметь свою точку зрения на некоторые вещи, уметь высказываться, делать выводы;

В целях интеллектуальной подготовки родители должны осуществлять развитие всех этих качеств путем применения различных на всестороннее развитие ребенка.

Например, для развития критического мышления нужно обсуждать с ребенком прочитанные книги, фильмы, события, развивать навык общения, умения формулировать мысли и делать выводы, анализировать информацию. С ребенком нужно именно разговаривать.

Для стимулирования творческого мышления очень эффективны развивающие игры, например, игры-головоломки: LEGO, пазлы, квесты.

Достаточно эффективен метод сочетания игровых и учебных форм занятий. С помощью игровых занятий ребенок получает необходимые знания, легче усваивает новый материал, формирует представления, учится играть и взаимодействовать. Это способствует воспитанию личности ребенка: умственное, трудовое, нравственное, эстетическое и физическое. Дидактические игры способствуют самостоятельному решению различных мыслительных задач через представления о предметах окружающего мира, ребенок с помощью игр обогащает словарный запас, развивает разговорную речь.

Игры можно поделить на:

- предметные – это игры с народно-дидактической игрушкой, мозаикой. К дидактическим игрушкам относятся пирамидки, погремушки, матрешки. Все что можно потрогать руками, подержать, разобрать и собрать.

- словесные игры – для развития речи. Такие игры развивают кругозор, словарный запас, развивают саму речь.

- настольные игры – это игры, которые развивают мыслительные процессы, скорость реакции. К ним относятся лото, шахматы, домино, пазлы и пр. Также это игры на бумажных носителях: головоломки, сканворды, кроссворды.

Таким образом, в работе по формированию интеллектуальной готовности детей к обучению в школе необходимо использовать разные методы в комплексе, правильно сочетать их между собой.

Эффективным методом формирования интеллектуальных способностей дошкольников является использование игровых методов. В игровой форме сам процесс мышления протекает быстрее, активнее, т.к. игра – неотъемлемая часть дошкольного детства. В игре развивается память, мышление, внимание и логика.

Библиографический список:

1. Пономарева, Е. В. Готовность к обучению в школе в научных исследованиях / Е. В. Пономарева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 35 (273). — С. 145-149. — URL: <https://moluch.ru/archive/273/62181/> (дата обращения: 14.08.2025).
2. Гуткина Н. И. Психологическая готовность к школе. 4-е изд., перераб. и дополн. – СПб.: Питер, 2004. - 208 с: ил. – (Серия «Учебное пособие»). ISBN 5-94723-625-7
3. Запорожец А.В. Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста: Сб. ст./Под ред. Леонтьева А.Н. и Запорожца А.В.–М.: Международный Образовательный и Психологический Колледж, 1995. - 144с.: ил.
4. Лисина М.И. Общение со взрослыми и психологическая подготовка детей к школе. – Калинин, 1987. – 132 с. - URL: [https://psychlib.ru/mgppu/LOv-1987/LOv-136.htm#\\$p1](https://psychlib.ru/mgppu/LOv-1987/LOv-136.htm#$p1) (дата обращения: 31.08.2025).
5. Божович Л. И. Б 76 Личность и ее формирование в детском возрасте. (Психологическое исследование.) М., «Просвещение», 1968.

Т.А. Озерская

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, НЕГАТИВНО ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ РУУД ПРИ ОБУЧЕНИИ МАТЕМАТИКЕ В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ

В статье рассматривается актуальная проблема формирования регулятивных универсальных учебных действий (РУУД) в контексте обучения математике учащихся основной школы. Даны понятие универсальных учебных действий (УУД) как ключевого компонента Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС). Определяется сущность и значение УУД для современного образования. Приводятся виды и характеристики регулятивных универсальных учебных действий (РУУД). Подробно анализируются возрастные особенности и практические аспекты формирования УУД на разных уровнях общего образования – в младшей и средней школе.

Основное внимание уделено анализу психологических факторов, присущих учебной деятельности (УД), которые препятствуют успешному развитию навыков целеполагания, планирования, контроля и коррекции. Выявлены и систематизированы ключевые негативные факторы: математическая тревожность, низкая самооэффективность, внешняя мотивация, когнитивная перегрузка и негативный прошлый опыт. Определены их проявления в учебном процессе и предложены возможные направления их нивелирования через изменение образовательной среды, методов преподавания и системы оценивания. Статья имеет теоретико-прикладной характер и может быть полезна исследователям в области педагогической психологии, методистам и учителям математики.

Ключевые слова: формирование УУД, РУУД, учебная деятельность, математическая тревожность, самооэффективность, мотивация, основная школа, психологические факторы, обучение математике, универсальные учебные действия, ФГОС, метапредметные результаты, начальная школа, основная школа.

Введение. Современная парадигма образования, отраженная в Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС), сместила акцент с простой трансляции знаний и умений на развитие личности учащегося, его способности к саморазвитию и непрерывному обучению. Центральным элементом этого подхода стала концепция универсальных учебных действий (УУД). Формирование РУУД является важнейшей задачей образовательного процесса, обеспечивающей школьникам не только освоение конкретных дисциплин, но и «умение учиться», что становится ключевой компетенцией в условиях быстро меняющегося мира.

Среди всех групп УУД регулятивные действия (РУУД) занимают особое место, поскольку обеспечивают организацию учащимся своей учебной деятельности. К ним относятся целеполагание, планирование, прогнозирование, контроль, коррекция, оценка и саморегуляция.

Математика как учебный предмет обладает уникальным потенциалом для развития РУУД благодаря своей структурированности, логичности и необходимости точного выполнения алгоритмов. Однако на практике учителя часто сталкиваются с тем, что у значительной части учащихся основной школы (5-9 классы) данные действия сформированы слабо. Это проявляется в неумении ставить учебные задачи, планировать ход решения, адекватно оценивать полученный результат и исправлять ошибки.

Для начала выясним, что такое УУД, в чём заключается сущность и значение формирования РУУД, рассмотрим их виды.

Универсальные учебные действия (УУД) определяются как совокупность способов действий учащегося, обеспечивающих его способность к самостоятельному усвоению новых знаний и умений, включая организацию этого процесса.

© Т.А. Озерская, 2025.

Научный руководитель: *Бакурова Татьяна Петровна* – кандидат педагогических наук, доцент, Омская гуманитарная академия, Россия.

Значение УУД заключается в следующем:

- Обеспечение успешности обучения: УУД создают условия для самостоятельного и эффективного усвоения новых знаний, умений и компетенций, включая организацию собственной учебной деятельности.

- Формирование «умения учиться»: Ученик становится субъектом обучения, способным ставить цели, искать пути их достижения, контролировать и оценивать процесс и результаты своей деятельности.

- Развитие личности: УУД направлены на развитие познавательной, эмоционально-волевой и личностной сфер школьника.

- Интеграция образовательного процесса: УУД носят надпредметный, метапредметный характер, что позволяет объединять знания из разных областей в целостную картину мира.

- Социальная адаптация: Способность к саморегуляции, планированию, сотрудничеству и эффективной коммуникации, формируемая через УУД, является основой для успешной социализации и адаптации в будущей профессиональной деятельности.[8]

В соответствии с ФГОС, выделяются четыре основные группы УУД:

1. Личностные: обеспечивают ценностно-смысловую ориентацию учащихся (умение соотносить поступки и события с этическими принципами, знание моральных норм) и ориентацию в социальных ролях и межличностных отношениях.

2. Познавательные: включают общеучебные, логические действия, а также постановку и решение проблем.

3. Коммуникативные: обеспечивают социальную компетентность и учет позиции других людей, умение слушать и вступать в диалог, участвовать в коллективном обсуждении проблем.

4. Регулятивные универсальные учебные действия (РУУД): обеспечивают организацию учащимся своей учебной деятельности.[3]

Регулятивные УУД (РУУД) являются системообразующими для всей учебной деятельности. К ним относятся:

- Целеполагание – постановка учебной задачи на основе соотнесения того, что уже известно и усвоено, и того, что еще неизвестно.

- Планирование – определение последовательности промежуточных целей с учетом конечного результата; составление плана и последовательности действий.

- Прогнозирование – предвосхищение результата и уровня усвоения знаний, его временных характеристик.

- Контроль – сличение способа действия и его результата с заданным эталоном с целью обнаружения отклонений и отличий.

- Коррекция – внесение необходимых дополнений и корректив в план и способ действия в случае расхождения эталона, реального действия и его продукта.

- Оценка – осознание уровня и качества усвоения; способность к самооценке на основе критериев успешности учебной деятельности.

- Волевая саморегуляция – способность к мобилизации сил и энергии, к волевому усилию для преодоления препятствий.[4]

Особенности формирования УУД в младшей школе.

Начальная школа является ****фундаментальным этапом**** для формирования УУД. В этом возрасте закладываются основы учебной деятельности, поэтому работа носит системный и последовательный характер.

- Преобладание игровых и наглядно-действенных методов. Формирование РУУД происходит через игры с правилами, дидактические игры, работу по образцу и алгоритму.

- Поэтапная отработка действий. Учитель организует деятельность, где дети учатся ставить простые цели («что нужно сделать?»), составлять элементарный план («с чего начнем?»), сравнивать свой результат с образцом (контроль).

- Внешняя поддержка и инструктаж. Широко используются памятки, алгоритмы, схемы, графические организаторы (например, «лист планирования», «карта самоконтроля»), которые являются внешней опорой для регуляции.

- Формирование самооценки. Начинается с оценки учителя, затем через критериальное оценивание (совместная выработка критериев оценки работы) и рефлексивные вопросы («Что у тебя получилось хорошо?», «Что можно улучшить?») формируется адекватная самооценка.[1]

Пример: На уроке математики при решении задачи учитель предлагает алгоритм: «1. Внимательно прочитай задачу. 2. Найди условие и вопрос. 3. Составь краткую запись...». Следование этому алгоритму – основа для формирования планирования и контроля.

Особенности формирования УУД в средней школе.

В основной школе происходит усложнение и интериоризация (переход во внутренний план) УУД. Ведущей деятельностью становится общение и проектная деятельность, что открывает новые возможности для развития регулятивных действий.

- Усложнение учебных задач. Задачи носят проблемный, исследовательский характер, что требует от учащихся самостоятельной постановки целей, выдвижения гипотез и планирования их проверки.

- Рост доли самостоятельности и ответственности. Ученики самостоятельно планируют этапы выполнения крупных проектов, исследовательских работ, контролируют сроки и корректируют свою деятельность.

- Развитие прогнозирования и коррекции. Учащиеся учатся предвидеть трудности, оценивать ресурсы (время, материалы, информацию) и заранее вносить коррективы в свои планы.

- Рефлексия как основа саморазвития. Рефлексия становится более глубокой: анализируются не только результаты, но и примененные способы деятельности, причины успехов и неудач, происходит пересмотр своих подходов к обучению.

- Межпредметная проектная деятельность становится главным инструментом формирования РУУД. Выполняя проект по истории, биологии и технологии одновременно, ученик вынужден осуществлять сложное планирование, распределять время, координировать действия с командой, что комплексно развивает все компоненты регулятивных действий.[2]

Ниже приведён перечень основных психологических факторов, негативно влияющих на формирование РУУД:

1. Математическая тревожность как барьер для саморегуляции.

Математическая тревожность – это состояние напряженности, беспокойства и страха, возникающее у человека при выполнении математических вычислений и решении задач. Это один из наиболее деструктивных факторов.

Влияние на РУУД:

На этапе целеполагания и планирования: Тревожный ученик стремится избежать деятельности, связанной с математикой. Он не ставит реальных учебных целей, а его план (если он вообще составляется) направлен не на решение задачи, а на минимизацию дискомфорта (например, списать, угадать ответ).

На этапе контроля и коррекции: Высокий уровень тревоги блокирует когнитивные процессы. Учащийся не может критически оценить ход своих мыслей, так как его внимание сфокусировано на эмоциональной реакции («я опять не справлюсь», «это слишком сложно»). Ошибка воспринимается не как точка роста, а как личностная неудача, что делает процесс коррекции психологически болезненным и избегаемым.[5]

2. Низкая самоэффективность в математике.

Самоэффективность – это вера человека в свою способность организовать и выполнить действия, необходимые для достижения желаемых результатов в конкретной области.

Влияние на РУУД:

Ученик с низкой самоэффективностью заранее уверен в неудаче. Это приводит к отказу от сложных задач, требующих планирования и долгих усилий («я все равно не смогу это решить»).

Целеполагание становится неадекватным: цели либо занижены («решу только самый простой пример»), либо отсутствуют.

Контроль осуществляется поверхностно, так как неуверенный ученик не доверяет собственным суждениям и часто полагается на внешние источники (ответ в конце учебника, подсказка одноклассника) без глубокого анализа.

3. Доминирование внешней мотивации.

Для успешного формирования РУУД ключевым фактором является внутренняя мотивация, связанная с интересом к процессу решения задачи, познавательной потребностью. Однако в основной школе часто доминирует внешняя мотивация (оценки, давление родителей, избегание наказания).

Влияние на РУУД:

Деятельность ученика направлена не на овладение способами действия, а на получение положительной оценки. В таком случае «планирование» подменяется поиском кратчайшего пути к правильному ответу (списать, подогнать решение под результат).

«Самоконтроль» и «коррекция» теряют смысл, так как главный критерий – это внешняя оценка учителя, а не внутреннее ощущение правильности выполненного действия.[6]

4. Когнитивная перегрузка и дефицит ресурсов внимания.

Математические задачи, особенно в геометрии и алгебре, требуют удержания в памяти большого количества условий, правил и промежуточных результатов.

Влияние на РУУД:

Все регулятивные действия требуют значительных затрат оперативной памяти и внимания. Если ученик весь свой когнитивный ресурс тратит на непосредственные вычисления и удержание условий задачи, у него просто не остается умственных ресурсов для полноценного «планирования» стратегии решения, отслеживания соответствия плану (контроля) и внесения изменений (коррекции). Деятельность становится импульсивной, хаотичной.[7]

5. Негативный прошлый опыт и фиксированная установка на способности.

У учащихся, неоднократно испытывавших неудачи в математике, формируется устойчивое представление о том, что их способности являются фиксированными и неизменными.

Влияние на РУУД:

Такой ученик воспринимает любую сложную задачу как угрозу своему эго («если я не решу, значит, я глупый»). Это полностью блокирует развитие РУУД, так как их суть – в управлении деятельностью по преодолению трудностей. Зачем планировать и прилагать усилия, если результат предопределен «природными способностями»?[6]

Заключение и рекомендации.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что формирование регулятивных УУД при обучении математике – это не только методическая, но и глубоко психологическая задача. Негативное влияние рассмотренных факторов (математической тревожности, низкой самооценки, внешней мотивации, когнитивной перегрузки и фиксированной установки) создает серьезные барьеры на пути к становлению самостоятельной, осознанной учебной деятельности.

Для преодоления этих барьеров необходима системная работа на уровне образовательной среды:

1. Создание психологически безопасной атмосферы: Снижение страха ошибки через внедрение формативного оценивания, акцент на процессе решения, а не только на результате, поощрение усилий и настойчивости (формирование «установок на рост»).

2. Дифференциация и дозирование сложности: Задачи должны быть посильными, но не слишком простыми, чтобы избежать как когнитивной перегрузки, так и скуки. Использование поэтапной поддержки, которая постепенно уменьшается по мере роста компетентности ученика.

3. Развитие метакогнитивных навыков: Явное обучение стратегиям планирования, самоконтроля и коррекции. Использование графических организаторов, чек-листов, алгоритмов самопроверки.

4. Смещение акцента с внешней на внутреннюю мотивацию: Создание проблемных ситуаций, использование проектных и игровых методов, раскрытие практической и эстетической стороны математики.[9]

Таким образом, учет и целенаправленное нивелирование негативных психологических факторов учебной деятельности является необходимым условием для успешного формирования регулятивных УУД и, как следствие, достижения современного качества математического образования в основной школе.

Библиографический список:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. Утвержден приказом Минпросвещения России от 31.05.2021 N 286.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Утвержден приказом Минпросвещения России от 31.05.2021 N 287.
3. Асмолов А.Г., Бурменская Г.В., Володарская И.А. и др. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий. М.: Просвещение, 2010.
4. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: АСТ, 2011.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Academia, 2005.
7. Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б. Формирование мотивации учения. М.: Просвещение, 1990.
8. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий / Под ред. А.Г. Асмолова. — М.: Просвещение, 2010.
9. Хуторской А.В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по-разному? М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005.

ОЗЕРСКАЯ ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант, Омская гуманитарная академия, Россия.

В.С. Ледяева

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И МОТИВАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ Y И Z

В статье рассматривается комплексное взаимодействие психологического благополучия, эмоционального интеллекта и мотивации достижения успеха у представителей поколений Y (миллениалы) и Z (центениалы). Анализируются специфические социально-психологические условия формирования этих поколений, которые детерминируют различия в их ценностных ориентациях, эмоциональных стратегиях и паттернах достиженческой активности. Теоретически обосновывается положение о том, что для миллениалов характерна внешне обусловленная мотивация достижения, тесно связанная с социальным одобрением, в то время как для центениалов доминирует внутренняя мотивация, сопряженная с экзистенциальным поиском смысла и автономии. Эмпирические данные, представленные в статье, демонстрируют качественные различия в структуре их психологического благополучия и использовании компонентов эмоционального интеллекта. Делается вывод о необходимости учета выявленных поколенческих особенностей в практике психологического консультирования, коучинга и управления персоналом.

Ключевые слова: психологическое благополучие, эмоциональный интеллект, мотивация достижения, поколение Y, миллениалы, поколение Z, центениалы, поколенческие различия.

Современная психология все чаще обращает свой взор к анализу межпоколенческих различий как значимого фактора, определяющего траекторию личностного и профессионального развития [7]. Поколения Y (родившиеся приблизительно в 1985–2000 годах) и Z (родившиеся после 2000 года) вступили в активную социальную жизнь в качественно различные исторические периоды, что наложило отпечаток на их базовые психологические установки. Исследование специфики взаимосвязи таких конструктов, как психологическое благополучие (ПБ), эмоциональный интеллект (ЭИ) и мотивация достижения, представляется не только академически релевантным, но и практически значимым для оптимизации взаимодействия с данными когортами в различных сферах.

Психологическое благополучие, в трактовке К. Рифф, представляет собой многомерный конструкт, включающий автономию, компетентность, личностный рост, позитивные отношения, цель в жизни и самопринятие. Эмоциональный интеллект понимается как способность к идентификации, пониманию и управлению собственными эмоциями и эмоциями других людей. Мотивация достижения успеха отражает устойчивую потребность личности добиваться высоких результатов в значимой для нее деятельности.

Поколение Y формировалось в эпоху экономического оптимизма, глобализации и бурного развития цифровых технологий, которые воспринимались как инструмент. Для них характерны ориентация на немедленное вознаграждение, командная работа, ценность обратной связи и гибкого графика. В отличие от них, поколение Z – это первое по-настоящему цифровое поколение, для которого онлайн- и офлайн-реальности неразделимы. Их социализация проходила в условиях экономической нестабильности, что сформировало прагматизм, стремление к безопасности, индивидуализм и высокую ценность уникального персонального опыта [4].

Социализация поколения Y проходила под влиянием нарратива бесконечного прогресса, где глобализация открывала безграничные горизонты, а цифровые технологии позиционировались как демократичный инструмент для их покорения. С точки зрения психологии развития, это сформировало у миллениалов специфический тип социального оптимизма и веру в линейную траекторию «усилие — вознаграждение» [5]. Основным психологическим конструктом здесь становится «проектная идентичность», описанная Эриксоном и переосмысленная в современном контексте. Идентичность миллениала не является статичной; она конструируется и постоянно пересматривается через серию профессиональных и личных проектов. Ориентация на немедленное вознаграждение и обратную связь является не столько

проявлением нетерпеливости, сколько механизмом валидации этой текущей идентичности. Каждый успешный проект, каждая позитивная оценка извне подтверждают состоятельность их «Я-концепции», которая в условиях глобальной конкуренции ощущается как хрупкая [8]. Ценность командной работы и гибкого графика проистекает из этой же парадигмы. Команда воспринимается не как иерархическая структура, а как сетевая проектная группа, мобильный ресурс для достижения цели. Гибкий график является не привилегией, а условием для постоянной оптимизации личной эффективности в этом непрерывном потоке проектов.

Таким образом, их психологический мир выстроен вокруг логики эффективности и валидации, где технологии служат катализатором и усилителем человеческих возможностей, но не замещают саму человеческую природу взаимодействий. В отличие от своих предшественников, поколение Z с самого начала было погружено не в инструментальную, а в онтологически новую цифровую среду. Для них онлайн-пространство – это не сервис, а жизненный контекст, «метавселенная», в которой разворачивается значительная часть их экзистенциального опыта. Это порождает феномен «расширенной идентичности», где цифровое «Я» является не проекцией, а неотъемлемой и равноправной частью целого [3]. С психологической точки зрения, это приводит к стиранию жестких границ между публичным и частным, реальным и виртуальным, что требует формирования более гибких и сложных механизмов саморегуляции и самозащиты. Экономическая нестабильность, наблюдавшаяся ими с детства, стала катализатором развития «прагматического мировоззрения». Их прагматизм – это не просто расчетливость, а глубинная установка на безопасность и управляемость собственной жизни в непредсказуемом мире [1]. В отличие от миллениалов, верящих в линейный прогресс, центениалы мыслят нелинейно, сценариями, всегда имея «План Б». Это формирует их индивидуализм, который следует понимать не как эгоизм, а как гипертрофированную ответственность за построение собственной жизненной траектории в условиях отсутствия внешних гарантий [7]. Стремление к уникальному персональному опыту является прямым следствием этой установки. В мире, где материальные блага ненадежны, а цифровые копии бесконечны, подлинная ценность смещается в сферу аутентичных, эмоционально насыщенных переживаний. Их идентичность строится не на успешных проектах, как у миллениалов, а на коллекции уникальных опытов, которые и составляют нарратив их «Я». Этот нарратив является экзистенциальным якорем в гибридном, текучем мире, позволяющим сохранить целостность личности. Таким образом, их психологический профиль характеризуется диалектическим единством прагматичного контроля над внешними обстоятельствами и глубокого внутреннего поиска аутентичности и смысла, пронизывающего оба пласта их реальности – цифровой и физической. Проведем сравнительный анализ основных психологических характеристик [6].

Таблица 1

Специфика психологических профилей поколений Y и Z

Критерий	Поколение Y (Миллениалы)	Поколение Z (Центениалы)
Доминирующий тип мотивации достижения	Внешне-внутренний, ориентированный на карьерный рост, общественное признание и статус.	Внутренний, сфокусированный на самореализации, личных ценностях и создании персонального бренда.
Структура психологического благополучия	Акцент на «позитивных отношениях» и «цели в жизни», которая часто связана с профессиональными достижениями.	Акцент на «автономии» и «личностном росте» как экзистенциальной ценности, «самопринятии» с учетом собственной уникальности.
Профиль эмоционального интеллекта	Высокое развитие социальных навыков (эмпатия, установление контактов). Стремление к гармонии в коллективе.	Высокое развитие самоконтроля и управления эмоциями в цифровой среде. Склонность к интровертированным формам коммуникации.
Отношение к неудачам	Неудача воспринимается как временная трудность, требующая больших усилий и поддержки извне.	Неудача – это источник данных для анализа и итерационного улучшения стратегии («fail fast, learn faster»).

Анализ представленных данных позволяет выдвинуть ряд аргументированных положений. Мотивация достижения у миллениалов в значительной степени опосредована социальным контекстом. Их стремление к успеху часто коррелирует с желанием получить одобрение референтной группы – руководителя, коллег, общества в целом. Это порождает феномен «синдрома отличника», когда внутреннее благополучие становится зависимым от внешних оценок [5].

У центениалов же мотивация носит более интровертированный и ценностно-обусловленный характер. Успех для них – это не столько вертикальный карьерный рост, сколько возможность заниматься осмысленной деятельностью, соответствующей их личным интересам и убеждениям, что напрямую связано с компонентом «автономия» в структуре их ПБ. Что касается эмоционального интеллекта, то здесь

наблюдается парадоксальная картина. Миллениалы, будучи более социально ориентированными, демонстрируют высокую компетентность в сфере межличностных отношений, однако могут испытывать трудности с управлением собственным эмоциональным выгоранием в погоне за успехом [4]. Поколение Z, проводящее значительную часть жизни в цифровом пространстве, развило уникальные навыки эмоционального самоконтроля и кибер-эмпатии, но при этом может сталкиваться с дефицитом навыков глубокого эмпатического контакта в реальном общении. Их ПБ в большей степени зависит от способности создавать и поддерживать позитивные отношения в условиях гибридной коммуникации [1].

Миллениалы, чье становление пришлось на эпоху коллективных проектов и раннего сетевого взаимодействия, развили в себе высокоэффективные, но зачастую внешне ориентированные навыки социального эмоционального интеллекта. Их компетентность в сфере межличностных отношений базируется на развитой эмпатии, понимаемой как способность точно улавливать эмоциональные состояния и ожидания других. Этот навык становится инструментом построения карьеры и социальных связей, однако его оборотной стороной является тенденция к экстернализации внутренних опор [8]. Эмоциональные ресурсы миллениала нередко становятся «заемным капиталом», инвестируемым во внешние объекты – работу, проект, одобрение коллег. Постоянная необходимость соответствовать высоким социальным ожиданиям и поддерживать имидж успешного и вовлеченного профессионала приводит к систематическому подавлению собственных негативных эмоций, таких как усталость, разочарование или сомнения. Внутренний эмоциональный опыт начинает восприниматься как угроза социальной эффективности, что ведет к его вытеснению и игнорированию [5]. В результате, при виртуозном управлении групповой динамикой, миллениал может демонстрировать выраженную некомпетентность в распознавании и удовлетворении собственных эмоциональных потребностей, что является прямой дорогой к синдрому эмоционального выгорания, характеризующемуся глубоким экзистенциальным истощением, когда ранее значимые достижения теряют всякую ценность.

Для поколения Z, чья личность формировалась в условиях перманентной онлайн-присутственности, эмоциональный интеллект приобрел принципиально иную архитектуру. Ключевым для них становится интраперсональный компонент – способность к рефлексии, самоконтролю и управлению собственными аффективными состояниями, однако эта способность оттачивается в специфической среде цифровых коммуникаций. Они выработали феномен «кибер-эмпатии» – навык считывания эмоциональных подтекстов через текст, эмодзи, стиль цифрового общения, что является адаптивным механизмом для навигации в социальных сетях и мессенджерах. Однако эта форма эмпатии носит дискретный и опосредованный характер; она эффективна для поддержания легких, низкоинтенсивных контактов в гибридной среде, но оказывается недостаточной для построения глубоких, уязвимых связей в реальном общении, требующем непрерывного, спонтанного и целостного эмоционального обмена [6].

Психологическое благополучие центениала оказывается, таким образом, зависимым от успешности преодоления фундаментального разрыва между развитым внутренним миром, защищенным цифровыми интерфейсами, и требованиями офлайн-коммуникации. Их вызов – не в управлении выгоранием от избытка социальности, как у миллениалов, а в интеграции фрагментированного эмоционального опыта. Им необходимо научиться транслировать сложность своего внутреннего мира, включая уязвимость и неопределенность, в реальное взаимодействие, что является необходимым условием для установления тех самых «позитивных отношений», которые составляют ядро психологического благополучия по Риффу. Их сильная сторона – осознанность в отношении собственных границ – становится препятствием, когда требуется эмоциональная самораскрытие, не гарантирующее немедленного взаимопонимания и поддержки, привычных для курируемого цифрового пространства [3]. Их благополучие напрямую связано с развитием навыка трансляции высокой интраперсональной чувствительности в область межличностных отношений, что представляет собой задачу экзистенциального уровня – соединение цифровой и аналоговой ипостасей собственного «Я». Психологическое благополучие представителя поколения Y в контексте достижений строится на балансе между профессиональными успехами и качеством социальных связей. Для поколения Z фундаментом ПБ является чувство личной свободы, постоянное обучение и цифровая идентичность, а социальные отношения становятся более избирательными и сетевого типа [2].

Таким образом, проведенный анализ подтверждает наличие системных различий в проявлении и взаимосвязи психологического благополучия, эмоционального интеллекта и мотивации достижения у поколений Y и Z. Миллениалы демонстрируют модель, в которой успех и благополучие достигаются через социальную интеграцию и адаптацию к существующим системам. Центениалы же выстраивают свою траекторию на принципах автономии, ценностного индивидуализма и интеграции цифрового опыта в структуру личности. Понимание этих различий имеет важное практическое значение [5]. Для эффективной работы с миллениалами является создание прозрачной системы карьерного роста, регулярная позитивная обратная связь и культивирование корпоративного духа. В случае с поколением Z наиболее продуктивной оказывается стратегия, предполагающая предоставление автономии, акцент на смыслах и

целях деятельности, а также создание возможностей для непрерывного обучения и реализации творческих проектов. Дальнейшие исследования в данном направлении могут быть сосредоточены на изучении динамики этих конструкторов по мере взросления поколения Z и их вхождения в зрелый возраст.

Библиографический список:

1. Власов Н.А. Понятие сознания в отечественной психологии начала XX в // Системная психология и социология. – 2024. – № 3 (51). – С. 97-102.
2. Власов Н.А., Мазилев В.А. Понятие предмета в отечественной эмпирической психологии // Ярославский педагогический вестник. – 2025. – № 1 (142). – С. 129-139.
3. Ганьшина П.И. Адаптация рекрутинговых стратегий с учетом поколенческих различий: от молчаливого поколения до поколения Z // Innovations and tendencies of state-of-art science. Proceedings of LIH International Multidisciplinary Conference. Rotterdam, Nederland, 2025. – С. 28-34.
4. Гребенникова О.В. Проблема удовлетворенности жизнью в контексте социализации подростков поколения Z и поколения Альфа // Новые психологические исследования. – 2025. – Т. 5. – № 2. – С. 109-129.
5. Гусева Е.П. Духовная психология Б.В. Холчева как представителя философско-психологической школы Г.И. Челпанова // Гуманитарное пространство. – 2022. – Т. 11. – № 3. – С. 426-438.
6. Клецина И.С. Психология гендерных отношений // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». – 2023. – № 2. – С. 14-22.
7. Левицкая А.Н. Портрет современного российского предпринимателя: от поколения X к поколению Z // Современный менеджмент и экономика: проблемы и перспективы развития. Сборник трудов национальной научно-практической конференции специалистов, учёных, аспирантов и студентов с международным участием. Санкт-Петербург, 2025. – С. 136-141.
8. Яковлева А.С. Понятие социализации в гуманитарных отраслях знаний // Молодой ученый. – 2022. – № 32 (427). – С. 93-95.

ЛЕДЯЕВА ВИКТОРИЯ СЕРГЕЕВНА – магистрант, Донской государственный технический университет, Россия.

Е.В. Шевченко

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ

В данной статье рассматривается актуальная проблема интернет-зависимости в подростковой среде. Целью работы является анализ и сопоставление ключевых психологических особенностей подростков, демонстрирующих высокий, средний и низкий уровень зависимости от интернет-пространства. На основе теоретического анализа доказываем, что интернет-зависимость не является изолированным феноменом, а тесно связана с такими личностными характеристиками, как уровень самооценки, тревожность, развитость коммуникативных навыков и особенности мотивационно-потребностной сферы. Выявлено, что подростки с высоким уровнем зависимости характеризуются комплексом психологических проблем, включая уход от реальности как форму компенсации социальной дезадаптации. Практическая значимость работы заключается в определении мишеней для психологической профилактики и коррекции деструктивного поведения в сети.

Ключевые слова: интернет-зависимость, подростковый возраст, психологические особенности, самооценка, тревожность, мотивация, коммуникация, личностные черты, девиртуализация.

Современный подросток формируется в уникальной социальной ситуации, где цифровая среда стала неотъемлемой частью процесса социализации и личностного становления [8]. Однако тотальная интеграция интернета во все сферы жизни породила и серьезные психологические риски, среди которых ведущее место занимает феномен интернет-зависимости. С клинико-психологической точки зрения, интернет-зависимость (или патологическое использование интернета) понимается как поведенческая аддикция, характеризующаяся компульсивным стремлением к онлайн-активности и значительным дистрессом при невозможности доступа к сети. Подростковый возраст, являясь сензитивным периодом для формирования идентичности и одновременно периодом повышенной уязвимости, создает особо благоприятную почву для развития подобных деструктивных сценариев взаимодействия с цифровым миром.

Проведенный анализ позволяет выделить три условные группы подростков, различающиеся не только по количеству времени, проводимому в сети, но и по глубине интеграции виртуального пространства в их психическую реальность.

Подростки с низким уровнем интернет-зависимости демонстрируют наиболее гармоничный психологический профиль. Интернет для них выступает преимущественно инструментом – источником информации, средством поддержания социальных связей и организации досуга. Их мотивационная сфера отличается сбалансированностью: онлайн-активность не подменяет собой реальные интересы и общение [6]. Для этих подростков характерна адекватная, устойчивая самооценка, низкий уровень личностной и ситуативной тревожности. Они успешно функционируют в системе реальных социальных отношений, обладая развитыми коммуникативными навыками и способностью к эмпатии. Их идентичность формируется в результате апробирования различных социальных ролей как в онлайн, так и в офлайн-среде, что не создает между ними кардинального разрыва.

Для группы со средним уровнем интернет-зависимости характерно нарастание амбивалентности в отношении цифрового пространства. Виртуальная среда начинает приобретать черты компенсаторного механизма. Мотивация смещается в сторону поиска социального признания и самореализации, которые по каким-либо причинам затруднены в реальной жизни [2]. В этой группе отмечается неустойчивая, часто заниженная самооценка, что делает подростков чувствительными к оценкам извне, будь то лайки под фотографией или комментарии в дискуссии. Наблюдается умеренно повышенный уровень тревожности, особенно социальной, связанной со страхом несоответствия ожиданиям референтной группы [3]. Коммуникативные навыки начинают демонстрировать признаки деформации: легкость онлайн-общения может контрастировать с нарастающими трудностями в прямом межличностном контакте.

© Е.В. Шевченко, 2025.

Научный руководитель: *Гришина Анастасия Васильевна* – к.п.н доцент, Донской государственной технической университет, Россия.

Данный статус представляет собой динамическое и внутренне конфликтное состояние, которое можно охарактеризовать как стадию психологической транзycji, где цифровая среда становится функциональным заместителем дефицитарных сторон социального бытия личности.

Центральным психологическим механизмом здесь является формирование гибридной идентичности. В отличие от тотальной экстернализации, наблюдаемой при высокой зависимости, у данной группы происходит параллельное существование «Я-реального» и «Я-виртуального». Однако эти модусы не интегрированы, а находятся в состоянии постоянного диалектического напряжения. Виртуальное «Я» зачастую конструируется как идеализированная проекция – более уверенная, остроумная и социально успешная версия самого себя [7]. Этот процесс не является сугубо деструктивным; он выполняет важную психодинамическую функцию поиска и апробирования новых идентификаций, которые оказались блокированы в реальном социальном контексте, например, из-за застенчивости, физических особенностей или статуса в группе сверстников. Проблема возникает тогда, когда поддерживание этой идеализированной проекции начинает требовать все больше психических ресурсов и становится основным источником самоуважения [1].

Мотивационная структура приобретает амбивалентный компенсаторный характер. Подросток оказывается в ловушке двух мотивационных векторов. С одной стороны, сохраняется потребность в аутентичных, глубоких связях и достижениях в реальном мире. С другой – онлайн-среда предлагает суррогатные, но более доступные и контролируемые формы их удовлетворения. Восприятие цифрового пространства становится двойственным: оно одновременно является и «ресурсом», и «искушением». Это порождает внутренний конфликт и хроническое чувство вины, так как время, проведенное в сети, начинает ассоциироваться с упущенными возможностями в офлайне, что, в свою очередь, подталкивает к дальнейшему уходу в онлайн для снятия этого неприятного аффекта [4].

На уровне аффективной регуляции формируется специфическая зависимость от цифрового подкрепления. Неустойчивая самооценка, базирующаяся на внешних источниках, делает подростка крайне уязвимым к логике социальных сетей, где признание проявляется в виде лайков, репостов и подписчиков. Это создает режим «эмоциональных качелей»: каждая новая порция позитивной обратной связи временно повышает самооценку, но ее отсутствие или, тем более, негативная реакция воспринимается как катастрофическое подтверждение собственной несостоятельности. Таким образом, вместо стабилизации самооценки ее основа становится еще более хрупкой и ситуативной. Это поддерживает высокий уровень фоновой социальной тревожности, которая теперь проецируется и на цифровое взаимодействие, приобретая форму страха «проявиться неидеальным».

Ключевым следствием является диссоциация коммуникативных компетенций. Легкость онлайн-общения обусловлена его редуцированностью: наличием буфера времени для формулирования ответа, возможностью контроля над самопрезентацией (исправление сообщений, тщательный подбор фотографий), отсутствием невербальных сигналов, требующих мгновенной и часто неосознанной обработки. Постоянная практика в такой «облегченной» среде ведет к деградации навыков полноценного межличностного контакта в реальности, где необходимо одновременно считывать интонацию, мимику, позу, управлять собственным невербальным поведением и гибко реагировать на непредсказуемость живого диалога. В результате формируется порочный круг: трудности в офлайн-общении повышают ценность онлайн-коммуникации, интенсивное использование которой, в свою очередь, усугубляет исходные трудности, создавая нарастающий разрыв между двумя социальными «языками» [9]. Таким образом, средний уровень зависимости – это не статичное состояние, а критическая точка бифуркации, зона повышенного психологического риска, где личность балансирует между интеграцией цифрового опыта как одного из ресурсов развития и сползанием в патологическую зависимость, где виртуальное «Я» окончательно подменяет собой работу по становлению целостной личности в реальном мире.

Высокий уровень интернет-зависимости свидетельствует о глубокой личностной дезадаптации. Для этих подростков виртуальная реальность становится доминирующей жизненной средой, подменяющей собой действительность. Мотивация носит сугубо компенсаторный и уходный характер: интернет используется как способ бегства от психологического дискомфорта, скуки, одиночества и проблем в реальном мире. Психологический портрет этой группы отличается высокой личностной тревожностью, склонностью к депрессивным реакциям, резко заниженной самооценкой и выраженными трудностями в коммуникации. Формируется так называемая «клиповая» идентичность, фрагментированная и неустойчивая, зависящая от контекста конкретной онлайн-платформы. Происходит синдром девиртуализации – болезненный переход из виртуального состояния в реальное, сопровождающийся раздражительностью, апатией и чувством опустошенности [3].

Данный феномен представляет собой системный личностный кризис, в рамках которого интернет-среда выполняет не просто компенсаторную, а конструктивную функцию, активно формируя новый, альтернативный модус существования личности.

Глубинная личностная дезадаптация здесь заключается не в уходе от реальности как таковой, а в последовательном построении и инвестировании психической энергии в иную, виртуальную реальность, которая начинает выполнять функции психологического «протеза» для дефицитарной структуры «Я» [7].

В основе этого процесса лежит механизм тотальной экстернализации идентичности. Неспособность сформировать целостное и ценностное самоощущение в контексте сложных и требовательных офлайн-взаимоотношений приводит к переносу этого процесса в цифровое пространство. Подросток конструирует свою идентичность не через интроспекцию и усвоение социальных ролей в прямом взаимодействии, а через внешние, зачастую готовые, шаблоны, предлагаемые онлайн-платформами. Это порождает «контекстуально-зависимую идентичность», которая радикально меняется при переходе из социальной сети в многопользовательскую игру или на форум. Каждый такой цифровой «аватар» является не развитием одной личности, а реакцией на специфические требования виртуального микросоциума, что ведет к нарастающей фрагментации и «клиповости» самовосприятия. Внутренний мир становится сборкой из внешних, ситуативных образов, лишенных единого стержня [6].

Параллельно происходит фундаментальная трансформация мотивационно-потребностной сферы. Регуляция поведения смещается с внутренней (интересы, цели, ценности) на внешнюю, основанную на принципе немедленного подкрепления.

Лайки, комментарии, внутриигровые достижения, постоянный поток нового контента создают мощный режим переменного подкрепления, наиболее эффективный для формирования стойких поведенческих паттернов. Мозг подростка адаптируется к этому гиперстимулирующему окружению, в результате чего обыденная реальность, требующая отсроченного вознаграждения, терпения и усилий, воспринимается как «серая», «медленная» и эмоционально бедная. Это порождает феномен ангедонии – неспособности испытывать удовольствие от ранее приятных офлайн-занятий.

Синдром девиртуализации, таким образом, является не просто дискомфортом, а острым абстинентным состоянием, свидетельствующим о глубоких нейропсихологических перестройках. Резкий переход от высокостимулирующей, предсказуемой и контролируемой цифровой среды к непредсказуемой и сложной реальности вызывает психофизиологический стресс.

Префронтальная кора, ответственная за контроль импульсов и регуляцию эмоций, оказывается перегруженной после длительного периода «автоматического» существования в сети. Это проявляется в аффективной лабильности, раздражительности и когнитивной «затуманенности». Чувство опустошенности является прямым следствием истощения психических ресурсов, которые были интенсивно исчерпаны в процессе непрерывной обработки онлайн-информации и поддержания виртуальных идентичностей [2].

Таким образом, высокий уровень интернет-зависимости можно рассматривать как форму дезаппетивного копинга, которая эволюционировала в устойчивое личностное состояние. Это не бегство в чистом виде, а миграция в среду, которая предоставляет иллюзию целостности, контроля и социальной включенности, в то время как реальная личность подвергается системной деградации из-за отсутствия необходимости в развитии ключевых психологических функций: эмпатии, толерантности к фрустрации, произвольной регуляции и построения глубоких, амбивалентных межличностных отношений.

Для наглядности представим синтезированные данные в виде сравнительной таблицы.

Таблица 1

Сравнительная характеристика психологических особенностей подростков с разным уровнем интернет-зависимости

Психологическая характеристика	Низкий уровень зависимости	Средний уровень зависимости	Высокий уровень зависимости
Самооценка	Адекватная, устойчивая	Неустойчивая, заниженная	Резко заниженная, негативная
Уровень тревожности	Низкий	Умеренно повышенный, социальная тревожность	Высокий, личностная тревожность
Коммуникативные навыки	Развитые, гармоничные в онлайн и офлайн	Диссонанс: легкость онлайн vs трудности офлайн	Выраженные нарушения в реальном общении
Ведущая мотивация	Инструментальная, познавательная, социальная	Компенсаторная, самореализация, признание	Уходная, компенсаторная, бегство от реальности
Идентичность	Интегрированная, целостная	Амбивалентная, фрагментированная	«Клиповая», дезинтегрированная
Состояние при выходе из сети (девиртуализация)	Нейтральное, без дискомфорта	Легкий дискомфорт, скука	Выраженный дистресс, раздражительность, апатия

Проведенный анализ демонстрирует, что уровень интернет-зависимости у подростков является не просто показателем количества проведенного времени в сети, а маркером их общего психологического благополучия [6]. Зависимое поведение закономерно проистекает из комплекса личностных проблем, таких как низкая самооценка, высокая тревожность и несформированность эффективных навыков реальной коммуникации. Виртуальное пространство для таких подростков становится не ресурсом развития,

а пространством психологической защиты, которое, однако, по принципу порочного круга лишь усугубляет исходные трудности, углубляя пропасть между «Я-виртуальным» и «Я-реальным».

Таким образом, профилактика и коррекция интернет-зависимости в подростковом возрасте не могут сводиться к ограничительным мерам [3]. Они должны быть направлены на решение глубинных психологических проблем: развитие адекватной самооценки, обучение навыкам преодоления тревоги и стресса, формирование уверенности в реальном социальном взаимодействии и помощь в построении целостной личностной идентичности. Только укрепляя психологический фундамент личности, можно помочь подростку занять по отношению к цифровой среде активную, осознанную и здоровую позицию пользователя, а не беглеца.

Библиографический список:

1. Бухаров Г.С., Руннова Г.С. Анализ показателей рефракции у подростков с разной степенью интернет-зависимости // Сборник материалов XIII Всероссийской недели науки с международным участием, посвященной Национальному дню донора. Саратов, 2024. – С. 812-813.
2. Глебова П.И. Профилактика интернет-зависимости подростков: теоретические аспекты социально-педагогического исследования // Современная психология и педагогика: проблемы и решения. Сборник статей по материалам ХСIV международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2025. – С. 128-133.
3. Котова Е.В. Проблема интернет-зависимости современного подростка // Студенческий. – 2025. – № 1-5 (297). – С. 60-63.
4. Лобень Л.М. К проблеме интернет-зависимости подростка // Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования. Сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2023. – С. 41-44.
5. Меркурьева Ю.А., Малыгин В.Л. Дифференцированная модель психологической коррекции интернет-зависимости у подростков // Поляковские чтения 2023. материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященные 95-летию Ю.Ф.Полякова. Редакционная коллегия: Зверева Н.В., кандидат психологических наук, ст. науч. сотр. (отв. ред.), Рощина И.Ф., кандидат психологических наук, ст. науч. сотр. Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент ; ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», ФГБНУ «Научный центр психического здоровья». 2023. – С. 408-411.
6. Пономаренко Ю.В., Клепцова Е.Ю. Социально-психологические источники проблемы интернет-зависимости современных подростков // Подросток и город: векторы взаимного развития. сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к 30-летию МГПУ. Москва, 2025. – С. 180-187.
7. Романова Т.В., Семенова Е.А. Цифровая безопасность подростка: стратегии профилактики интернет-зависимости // Цифровые технологии и инновации в развитии науки и образования. сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2025. – С. 230-234.
8. Третьякова Е.О. Личностные особенности подростков с интернет-зависимостью // Информационные технологии в образовании. – 2023. – № 6. – С. 318-322.
9. Юсупова А.Ж. Интернет-зависимость как фактор деформации личности подростка: социально-психологические и педагогические аспекты // Студенческий вестник. – 2025. – № 19-2 (352). – С. 54-56.

ШЕВЧЕНКО ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА – магистрант, Донской государственный технический университет, Россия.

А.А. Самойлова

МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА: УРОК ЛИТЕРАТУРЫ В МУЗЕЕ А.П. ГАЙДАРА В АРЗАМАСЕ

В статье рассматриваются вопросы ознакомления учащихся с жизнью и творчеством Гайдара, привлечения внимания учеников к творчеству писателя, погружения в культурный и исторический контекст эпохи, развития навыков анализа литературного произведения, воспитания чувства патриотизма и уважения к культурному наследию в процессе посещения музея. Разработаны 2 урока литературы по 45 минут, которые могут быть проведены в музее А.П. Гайдара в Арзамасе.

Ключевые слова: музейный урок, литература, музейная педагогика, Аркадий Гайдар.

© А.А. Самойлова, 2025.

Научный руководитель: *Андреева Ирина Викторовна* - кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ННГУ) Арзамасский филиал, Россия.

Музейный урок – это урок, который проводится в музее, с использованием музейной экспозиции. Специфика музейной педагогики состоит в том, что музей выступает в качестве образовательной среды, средства обучения и воспитания. Музейный урок представляет собой инновационную форму в преподавании литературы.

Предлагаем воплотить эту идею в музейном уроке, посвященном творчеству великого детского писателя А.П. Гайдара, проводимом на базе Музея Гайдара в Арзамасе.

Цели нашего музейного урока заключаются в следующем:

1. Познакомить учащихся с жизнью и творчеством Аркадия Петровича Гайдара.
2. Максимально заинтересовать, привлечь внимание каждого ученика к творчеству писателя.
3. Погрузить учеников в исторический и культурный контекст эпохи, в которую жил и начал свой творческий путь писатель.
4. Развивать навыки анализа литературного произведения.
5. Воспитать в каждом чувство патриотизма и уважения к культурному наследию.

Оборудование, которое понадобится учителю для проведения занятия, составляют:

- 1. Разнообразные экспонаты музея, связанные с жизнью, детством, семьей и творчеством Аркадия Петровича Гайдара.

- 2. Известные тексты произведений Гайдара, подходящие по возрасту ученикам, такие как: «Тимур и его команда», «Чук и Гек», «Школа».

- 3. Также для проведения урока учителю необходимо подготовить раздаточные материалы. Это разнообразные цитаты из произведений и подготовленные заранее вопросы для обсуждения.

- 4. Одной из главных составляющих урока является мультимедийная презентация, которая помогает более наглядно и просто запомнить нужную информацию.

Ход литературного урока в музее требует отдельного внимания и описания. Занятие в музее должно включать в себя 2 урока по 45 минут. Опишем ход первого урока.

1. Организационный момент (составляет 5 минут). На этом этапе учителю необходимо грамотно и быстро настроить учеников на музейное занятие.

Учитель встречает своих учеников у входа в музей. Важно заинтересовать учеников тем, как будет проходить урок в музее. Интересным и увлекательным урок станет за счёт того, что в музее происходит полное погружение в события того времени. Каждый может своими глазами увидеть вещи, принадлежащие писателю, прикоснуться к истории. Учитель рассказывает о важных правилах поведения в музее (внимательно слушать, не шуметь, не бегать).

Также для наибольшей активизации внимания учащихся, необходимо применить учителю следующие вопросы по теме литературного урока:

- Какие интересные факты из детства, жизни и творчества Гайдара вы знаете?
- Какие из прочитанных вами произведений Гайдара вам понравились, запомнились, а может быть, и запали в душу больше всего?
- Как вы считаете, почему книги известного писателя Аркадия Петровича Гайдара до сих пор дни с восхищением, трепетом и вниманием читают дети и взрослые разных возрастов?

2. Введение в тему (10 минут). Это время составляет рассказ учителя о писателе.

Аркадий Петрович Гайдар выдающийся российский писатель и сценарист. Родился 22 января 1904 года и погиб 26 октября 1941 года. Его творчество занимает основополагающее место в детской литературе Советского Союза. Примечательно, что А.П. Гайдар также был известен как «всесоюзный вожатый» благодаря своим произведениям. Повести и рассказы вдохновляли молодёжь того времени на активное участие, действия и поступки в жизни общества.

А.П. Гайдар родился в семье учителя. С самого раннего возраста будущий писатель проявлял интерес к литературе. В возрасте 14 лет он стал командиром красноармейского батальона. Это происходило во время Гражданской войны. Происходящие военные события оказали значительное влияние на формирование тематики творчества.

Первое значительное произведение А.П. Гайдара – повесть «Школа». Она была опубликована в 1929 году. В ней рассказывается о жизни школьников, об их стремлении к социалистическим идеям. Это произведение быстро завоевало у читателей популярность, а книга многократно переиздавалась.

Среди наиболее известных работ А.П. Гайдара такие, как:

«Чук и Гек» - написанная в 1939 году история о приключениях двух братьев. Является классикой детской литературы.

«Тимур и его команда» - написанная в 1940 году повесть. Она вдохновила молодёжное движение, которое оказывало помощь пожилым людям и фронтовикам.

А. П. Гайдар, кроме литературных произведений, писал сценарии для фильмов. Активно принимал участие в создании и развитии детских театров.

А.П. Гайдар использовал в написании своих произведений простой и понятный язык. Именно эта особенность письма позволяла его повестям и рассказам быть понятными не только для взрослой аудитории, но и для детей любых возрастов. Примечательно, что А.П. Гайдар в своих произведениях довольно часто использовал, применял элементы приключений и фантастики. Это помогало автору передавать читателям жизненно важные социальные идеи. Работы А.П. Гайдара подчёркивают главные для подрастающих поколений ценности дружбы, взаимовыручки, взаимопомощи, доброты и патриотизма.

А.П. Гайдар был награждён орденом «Знак Почёта». Эту высокую награду получил за вклад в развитие советской художественной литературы.

Аркадий Гайдар оставил яркий, глубокий след в русской литературе. Книги с рассказами и повестями А.П. Гайдара переведены на разнообразные языки мира. Произведения А.П. Гайдара продолжают будоражить воображение читателей и издаются до сих пор. Важно, что творчество писателя являлось основой для формирования и развития детской литературы в Советском Союзе. Герои рассказов и повестей А.П. Гайдара остаются главными, любимыми и значимыми для множества подрастающих поколений читателей.

Основные тезисы, используемые учителем:

- Детство и юность Аркадия Петровича Гайдара.
- Участие в Гражданской войне.

• Основные произведения писателя для детского чтения. Значение этих произведений для детской литературы.

3. Экскурсия по музею (30 минут)

Ученики посещают залы музея. Каждый зал посвящён разным этапам жизни и творчества Аркадия Петровича Гайдара.

Маршрут экскурсии:

1. Зал «Детство и юность Гайдара»

Экскурсовод рассказывает о интересных фактах из детства писателя. Рассказывает о семье, о том, как проходила его учёба в Арзамасе, и о том, как начался творческий путь писателя, каким был его первый литературный опыт.

Экспонаты музея составляют разнообразные семейные фотографии писателя, его сохранившиеся до наших дней школьные принадлежности и, конечно же, ранние рукописи самых первых произведений Аркадия Петровича Гайдара.

Задание для учеников во время посещения зала – найти в представленной экспозиции вещи и предметы, которые, по их мнению, могли вдохновлять Аркадия Петровича Гайдара на написание его произведений.

2. Зал «Гражданская война и военная служба»

Экскурсовод рассказывает ребятам о том, какой была роль Гайдара в Гражданской войне, как проходила его служба в Красной армии. И самое главное – как в дальнейшем эти события повлияли на выбор творческого пути Аркадия Петровича Гайдара.

Экспонаты этого зала состоят из военной формы, оружия и имеющихся фотографий того времени.

Задание для учеников во время посещения этого зала заключается в обсуждении между собой того, как война могла повлиять на восприятие жизни, выбор направления писателя, на написание произведений.

3. Зал «Литературное творчество»

Экскурсовод знакомит учеников с наиболее известными читателям произведениями Гайдара, имеющимися в экспозиции музея, такими, как «Тимур и его команда», «Чук и Гек», «Школа».

Экспонатами этого зала являются первые издания книг, разнообразные иллюстрации к произведениям, а также личные вещи писателя, связанные с литературным творчеством Аркадия Петровича Гайдара.

Задание для учеников во время посещения этого зала – выбрать одно, самое запоминающееся произведение, рассказать и объяснить, чем оно привлекло внимание и запомнилось больше всего.

4. Зал «Память о Гайдаре»

Экскурсовод рассказывает о том, как в наши дни сохраняется память о известном и любимом всеми писателе, как его бессмертные произведения повлияли на советскую и российскую культуру.

Экспонаты этого зала разнообразны. Они представляют собой письма читателей, награды, полученные писателем, фотографии памятников Аркадию Петровичу Гайдару.

Задание для учеников заключается в размышлении о том, почему произведения Гайдара попали в школьную литературу, почему они актуальны в наши дни.

Второй урок в музее включает следующие этапы:

1. Интерактивная часть урока (35 минут)

Это просмотр мультимедийной презентации, после которого школьники участвуют в организованном учителем мастер-классе или организованном экскурсоводом квесте под названием «Творчество Аркадия Петровича Гайдара».

Это может быть создание рисунков, иллюстраций к произведениям, написание эссе, мини-рассказов, сочинений, по стилю напоминающих стиль письма Гайдара. Можно с помощью экскурсовода провести увлекательный литературный квест по музейным экспозициям.

2. Заключение и рефлексия (10 минут)

Учитель подводит итоги. Задаёт вопросы для обсуждения, например: Что нового из рассказа экскурсовода вы узнали о жизни и творчестве Гайдара? Какие из представленных в музее экспонатов понравились и запомнились вам больше всего? Помогает ли, по вашему мнению, урок в музее лучше понять творчество писателя? Нужны ли в дальнейшем такие уроки?

Ученики делятся с учителем своими впечатлениями от посещения музея и от урока в целом.

3. Домашнее задание:

1. Написать доклад на тему: «Как произведения Аркадия Петровича Гайдара влияют на воспитание патриотизма у подрастающего поколения?».

2. Подготовить презентацию к докладу.

3. Придумать и нарисовать иллюстрацию к выбранному произведению.

Итак, урок литературы в музее А.П. Гайдара в Арзамасе позволяет максимально разнообразить учебный процесс. С помощью музейных экспозиций и рассказа экскурсовода ученики способны глубже понять жизнь и творчество писателя. Урок в музее помогает погрузиться в атмосферу эпохи Аркадия Петровича Гайдара, развить интерес к творчеству писателя и литературе. Использование на уроке современных интерактивных методов делает его увлекательным и запоминающимся для каждого ученика.

Библиографический список:

1. Гайдар А.П. Тимур и его команда. — М.: Детская литература, 2015.
2. Гайдар А.П. Чук и Гек. — М.: АСТ, 2018.
3. Камов Б.Н. Аркадий Гайдар: биография. — М.: Молодая гвардия, 2011.
4. Гайдар Т.А. Жизнь отца. — М.: Детская литература, 2010.
5. Смирнов В.А. Гайдар в Арзамасе. — Арзамас: Арзамасская типография, 2005.
6. Юхневич М.Ю. Музейная педагогика: теория и практика. — М.: Высшая школа, 2004.

САМОЙЛОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА - магистрант, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования, «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ННГУ) Арзамасский филиал, Россия.

Р.В. Гурьев, П.В. Кляузэр

НЕОБХОДИМОСТЬ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ, КАК ЗАЛОГ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

В статье содержится разбор определений финансовой устойчивости от различных авторов, приведены факторы, определяющие данное понятие. Делается вывод о необходимости более тщательного анализа финансовых активов организации в период политической нестабильности. И, в связи с этим, создания механизма внутреннего контроля в компании, для оценки имеющихся финансовых рисков.

Ключевые слова: Финансовая устойчивость, коэффициенты, финансы, внутренний контроль, внешнеполитические санкции.

В условиях конкурентной среды современного мира, когда глобализация и политическая нестабильность становятся нормой, предприятие контактирует с угрожающими рисками в результате введения внешнеэкономических санкций. Они могут повлиять на финансовую устойчивость, операционные процессы, денежные потоки и корпоративное доверие организации. Фактически, понимание таких рисков и эффективная стратегия управления предполагает основные критичные меры безопасности, чтобы обеспечить финансовую стабильность компании в будущем.

В сложившихся на данный момент экономических условиях первостепенной задачей многих коммерческих предприятий становится не только создание конкурентоспособной продукции и оптимизация

управленческих функций, а также создание механизма, способного быстро адаптироваться к изменяющейся политической обстановке, т.е. фактически, проработка резервных цепочек бизнес-процессов для выведения их из круга потенциальных санкционных рисков.

Таким образом, на передний план в организации деятельности коммерческого предприятия сегодня выходит создание такой структуры управления, в которой каждая единица будет иметь возможность получить четкую оценку своей деятельности и, соответственно, все предприятие может получить четкую оценку финансового положения со стороны инвестора или руководителя, на любом этапе своего функционирования.

На рисунке 1 приведены определения финансовой устойчивости, предлагаемые различными авторами.

Финансовая устойчивость – это такое состояние финансовых ресурсов, при котором доходы предприятия стабильно превышают его расходы, оно гарантированно обеспечено собственными средствами, на предприятии постоянно расширяется производственный процесс.

•Е.Ю. Петрова, Е.В. Филатова

Финансовая устойчивость - это стабильность финансового положения предприятия, его финансовая независимость от внешних кредиторов и инвесторов, обеспечиваемая достаточной долей собственного капитала в составе источников финансирования, а также такое состояние финансовых ресурсов, их распределения и использования, которое обеспечивает развитие предприятия и повышение его рыночной стоимости в соответствии с целями финансового управления.

•Е.А. Гутковская, Н.Ф. Колесник

Финансовая устойчивость подразумевает способность предприятия своевременно расплачиваться по своим обязательствам для обеспечения непрерывного процесса производства, оставаясь при этом платежеспособным и кредитоспособным, иметь возможность активного инвестирования в ликвидные активы, создания финансовых резервов, обеспечивая тем самым свое стабильное развитие.

•Л.А. Милютина

Финансовая устойчивость – это способность инвестиционной компании сохранять конкурентоспособность и получать прибыль при такой ликвидности своих активов, которая позволила бы рассчитаться со всеми обязательствами в сроки, не превышающие допустимый уровень риска.

•Кабш Р.Д.

Рис. 1. Определения финансовой устойчивости

Рассмотрев, данные определения, мы можем сделать вывод, что основной чертой финансовой устойчивости предприятия является наличие непрерывной возможности создания собственных финансовых резервов в том или ином виде. И, действительно, предприятие, функционирующее подобным образом, всегда будет иметь определенный «запас прочности», времени, для реформирования соответственно изменившейся политической обстановке.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что ряд ключевых экономических показателей свидетельствующих о финансовой устойчивости предприятия, будет так же свидетельствовать о наличии у той или иной компании устойчивости к санкционным рискам.

Определим два основных направления, оценка которых будет говорить нам о финансовой устойчивости организации:

1. Просроченные долги. Отсутствие таких долгов говорит о способности предприятия исполнять свои финансовые обязательства вовремя, что свидетельствует о надежности бизнеса и снижает риск банкротства.

2. Финансовая независимость компании. Это подразумевает, что значительная доля собственного капитала составляет общую массу активов организации.

Финансовая устойчивость компании нуждается в постоянном контроле. Необходимо разработать четкие критерии оценки каждого бизнес-процесса, как в совокупности, так и отдельно. Для этого необходимо внедрение жесткой системы внутреннего контроля. Посредством которой будет получена возможность своевременно реагировать на какие-либо негативные изменения.

Большинство ученых, занимающихся данной проблематикой, выделяют две большие группы факторов, оказывающих влияние на финансовую устойчивость организации в той или иной мере. Это внут-

ренние факторы, и факторы внешние. Если на первые компании могут влиять целиком, и даже формировать их, то, на вторые, организации могут оказывать лишь весьма опосредованное влияние, а в большинстве случаев и вовсе не способны его оказать. Остановимся более подробно на внутренних факторах, к которым можно отнести:

- качество активов
- эффективность управления
- квалификация персонала
- объем собственного капитала
- рентабельность, конкурентоспособность, и многие другие.

При этом, оценить данные факторы, в целях принятия организационных решений возможно лишь при наличии адекватной системы внутреннего контроля. Которая, сама по себе, также является внутренним фактором финансовой устойчивости предприятия.

Различные методики, предлагают подразделение внешних факторов на экономические и социально-политические, в дальнейшем приводя их, к единым коэффициентам, по степени оказания влияния на возможность повышения рисков для финансовой устойчивости предприятия. Однако, в условиях современной глобализации, перманентных кризисных явлениях в мировой экономике, представляется целесообразным, все же отталкиваться в большей степени от внутренних факторов конкретного предприятия с учетом его территориального расположения.

В работе Нефедовой С.В. утверждается, что классическая методика оценки финансовой устойчивости предполагает расчет абсолютных и относительных показателей деятельности организации, основные из которых представлены в табл. 1. [3]

Таблица 1

Показатели финансовой устойчивости

Показатель	Норматив	Описание
<i>Показатели, определяющие структуру активов организации</i>		
Коэффициент автономии	$\geq 0,6$	Определяет долю собственного капитала в общей сумме активов организации
Коэффициент обеспеченности оборотными активами	[0,3 ; 0,5]	Определяет долю оборотных активов, которые формируются за счет собственных средств
Коэффициент соотношения собственного и заемного капитала	$\geq 0,6$	Определяет долю заемных средств на 1 денежную единицу
<i>Показатели, определяющие мобильность собственных активов</i>		
Коэффициент маневренности	[0,2 ; 0,5]	Определяет долю собственного капитала, который участвует в формировании оборотных средств
Индекс постоянного актива	[0,5 ; 0,8]	Определяет долю собственного капитала, который участвует в формировании внеоборотных средств
<i>Показатели, определяющие способность своевременно обеспечивать погашение обязательств</i>		
Коэффициент абсолютной ликвидности	$> 0,2$	Определяет долю краткосрочной задолженности, которую организация сможет покрыть за счет имеющихся денежных средств
Коэффициент срочной ликвидности	[0,7 ; 1,5]	Определяет долю краткосрочной задолженности, которую организация сможет покрыть за счет имеющихся собственных денежных средств и продажи ликвидных активов
Коэффициент текущей ликвидности	[1,5 ; 2,5]	Определяет способность организации погашать текущие обязательства (до 1 года)

Необходимо добавить, что в период экономической нестабильности необходимо тщательно проверять даже традиционно считающиеся безопасными активы. Говоря о санкционном давлении, которое на сегодняшний день испытывает российская экономика, это в первую очередь связано с потенциальным применением вторичных санкций.

В заключение, обеспечение финансовой устойчивости в условиях нестабильности и внешнеэкономических санкций – это не просто задача, а насущная необходимость для российских коммерческих компаний. Это требует комплексного подхода, включающего глубокий анализ всей совокупности факторов, оказывающих влияние на деятельность предприятия, и разработку гибких стратегий управления рисками.

Осознание значимости финансовой устойчивости как ключевого элемента успешного функционирования бизнеса позволяет организациям не только выживать в сложных экономических условиях, но и находить новые возможности для развития и роста. Эффективная система внутреннего контроля, мониторинг финансовых рисков и готовность к адаптации – вот те столпы, на которых строится финансовая устойчивость современного предприятия.

Способность компании адаптироваться к изменяющейся среде, эффективно управлять своими ресурсами и выполнять свои обязательства – это залог ее долгосрочного процветания и стабильности. А создание адекватной системы внутреннего контроля позволит любой организации своевременно выявить появляющиеся риски и устранить их в штатном режиме.

Библиографический список:

1. Анализ и оценка финансовой устойчивости коммерческих организаций: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям 080109 «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», 080105 «Финансы и кредит» /Л.Т. Гиляровская, А.В. Ендовицкая. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 159 с.

2. Управление рисками предприятия. Учебно-методическое пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 38.03.02 «Менеджмент» / Третьяк В.В., Петербург : РГГМУ, 2022. 156 с.

3. Нефедова С.В. Контроль за платежеспособностью и финансовой устойчивостью экономического субъекта // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2015. №3-1. С. 104-108 <https://cyberleninka.ru/article/n/kontrol-za-platezhesposobnostyu-i-finansovoy-ustoychivostyu-ekonomicheskogo-subekta>

ГУРЬЕВ РОМАН ВАЛЕРЬЕВИЧ – магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (филиал в г. Тула), Россия.

КЛЯУЗЕР ПОЛИНА ВЛАДИМИРОВНА – магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (филиал в г. Тула), Россия.

И.А. Кравцева

ОТЧЕТ О ДВИЖЕНИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ: ПОРЯДОК ПОДГОТОВКИ, ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В статье рассматривается роль Отчета о движении денежных средств (ОДДС) как одной из ключевых форм бухгалтерской (финансовой) отчетности. Детально проанализирован порядок его подготовки в соответствии с российскими и международными стандартами, включая выбор метода представления потоков по операционной деятельности (прямой или косвенный). Особое внимание уделено информационно-аналитическому значению ОДДС для различных групп пользователей (собственников, инвесторов, кредиторов, менеджмента). На основе данных отчета раскрыты возможности анализа платежеспособности, финансовой гибкости, качества прибыли и прогнозирования будущих денежных потоков. Аргументирована необходимость тщательного изучения ОДДС для принятия обоснованных управленческих и инвестиционных решений. Статья содержит ссылки на действующее законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: *Отчет о движении денежных средств, ОДДС, МСФО (IAS) 7, ПБУ 23/2011, денежные потоки, платежеспособность, финансовая устойчивость, анализ денежных потоков, прямой метод, косвенный метод.*

В современной рыночной экономике достоверная и полная информация о финансовом положении организации является основой для принятия эффективных управленческих и инвестиционных решений. Бухгалтерская (финансовая) отчетность служит главным инструментом передачи такой информации заинтересованным пользователям. Наряду с Бухгалтерским балансом и Отчетом о финансовых результатах, Отчет о движении денежных средств (далее – ОДДС) составляет ядро финансовой отчетности [7].

Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях нестабильности и кризисов именно наличие денежных средств, а не условных учетных активов, определяет выживаемость компании. Прибыль, отражаемая в Отчете о финансовых результатах, далеко не всегда эквивалентна реальным денежным потокам. ОДДС позволяет устранить ограничения, присущие методу начисления, и показать, сколько реальных денег генерирует бизнес. Целью данной статьи является комплексное исследование порядка подготовки ОДДС и раскрытие его ключевой роли в финансовом анализе и управлении организацией.

Подготовка ОДДС в России регламентируется двумя основными документами: Федеральным законом от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» и Положением по бухгалтерскому учету ПБУ 23/2011 «Отчет о движении денежных средств». Для компаний, составляющих отчетность по международным стандартам, применяется МСФО (IAS) 7 «Отчет о движении денежных средств».

Согласно ПБУ 23/2011, ОДДС должен раскрывать информацию о денежных потоках организации, а также об остатках денежных средств и их эквивалентов на начало и конец отчетного периода. Денежные эквиваленты – это высоколиквидные финансовые вложения, которые могут быть легко обращены в заранее известную сумму денежных средств и подвержены незначительному риску изменения стоимости (например, депозиты до востребования, векселя Сбербанка) [11].

Порядок подготовки отчета включает несколько этапов [15]:

1. Классификация денежных потоков. Все потоки делятся на три категории:

По текущим операциям – связаны с основной, приносящей доход деятельностью компании (поступления от покупателей, выплаты поставщикам и персоналу, уплата налогов и сборов).

По инвестиционным операциям – связаны с приобретением, созданием и выбытием внеоборотных активов (приобретение ОС, НМА, продажа дочерних компаний, выплаты по финансовой аренде).

По финансовым операциям – связаны с привлечением финансирования от собственников и кредиторов, приводящие к изменению величины и структуры капитала и заемных средств (получение и погашение кредитов, выпуск акций, выплата дивидендов).

Такая классификация позволяет пользователям оценить, из каких источников генерируются денежные средства и на какие цели они направляются. Например, положительный поток от текущей деятельности при отрицательном потоке от инвестиционной свидетельствует о развитии компании за счет собственных средств.

2. Выбор метода представления потоков по текущей деятельности. Это наиболее сложный и значимый этап [12].

Прямой метод – раскрывает валовые денежные поступления и выплаты (например, получение от покупателей, выплаты поставщикам). Он более нагляден для понимания источников притока и оттока денег.

Косвенный метод – начинается с чистой прибыли (убытка), которая затем корректируется на величины, не связанные с движением денег (амортизация, изменение запасов, дебиторской и кредиторской задолженности). Этот метод показывает взаимосвязь между прибылью и денежными потоками.

ПБУ 23/2011 предписывает использование прямого метода, в то время как МСФО (IAS) 7 разрешает оба, но поощряет прямой. Косвенный метод, однако, обладает большей аналитической ценностью, так как объясняет расхождение между прибылью и денежным потоком, что крайне важно для оценки качества прибыли.

3. Сверка остатков денежных средств. Сумма чистого денежного потока за период должна быть равна разнице между остатками денежных средств на конец и начало периода.

Информационная ценность ОДДС для различных групп пользователей трудно переоценить. Для собственников и инвесторов ОДДС является индикатором способности компании генерировать «живые» деньги. Именно денежный поток, а не бухгалтерская прибыль, является основой для выплаты дивидендов. Анализ отчета позволяет оценить, может ли компания финансировать свое развитие без привлечения внешних источников, и насколько устойчива ее дивидендная политика [8]. Для кредиторов и поставщиков – кредиторов в первую очередь интересует способность компании обслуживать долги (платить проценты и возвращать основную сумму долга). ОДДС показывает, достаточно ли денег от операционной деятельности для покрытия обязательств. Коэффициент покрытия долга (Cash Flow to Debt) рассчитывается именно на основе данных ОДДС.

Для менеджмента компании – это основной инструмент управления ликвидностью. Менеджмент использует ОДСД для:

– Оценки платежеспособности. Постоянный отрицательный чистый денежный поток от текущей деятельности – тревожный сигнал, ведущий к техническому банкротству, даже при наличии прибыли.

– Анализа финансовой гибкости – способности компании адаптироваться к непредвиденным обстоятельствам и использовать новые инвестиционные возможности.

– Прогнозирования будущих потоков. На основе исторических данных можно строить модели будущих поступлений и выплат, что является основой для бюджетирования и финансового планирования.

– Оценки эффективности инвестиций. Сопоставление оттока на инвестиции с последующим притоком от них позволяет оценить рентабельность капитальных вложений.

Основные аналитические показатели, рассчитываемые на основе ОДДС [14]:

1. Чистый денежный поток (Net Cash Flow) – алгебраическая сумма потоков от всех видов деятельности. Показывает общее изменение денежных средств компании.

2. Свободный денежный поток (Free Cash Flow - FCF) – один из самых важных показателей для инвесторов. Рассчитывается как чистый денежный поток от операционной деятельности за вычетом капитальных затрат (CapEx). FCF показывает, сколько денег остается у компании после инвестиций в поддержание и развитие своей базы активов. Эти средства можно направить на выплату дивидендов, выкуп акций или погашение долга.

3. Коэффициент покрытия дивидендов денежным потоком (Cash Dividend Coverage Ratio) = Чистый денежный поток от операционной деятельности / Выплаченные дивиденды. Показывает, насколько дивидендные выплаты обеспечены реальными денежными поступлениями.

4. Качество прибыли (Quality of Earnings) = Чистый денежный поток от операционной деятельности / Чистая прибыль. Коэффициент меньше 1 свидетельствует о том, что значительная часть прибыли «заморожена» в запасах и дебиторской задолженности, что может быть признаком агрессивной учетной политики или проблем со сбором долгов [12].

Компания с высокой чистой прибылью, но хронически отрицательным операционным денежным потоком, является «мыльным пузырем» в долгосрочной перспективе. Ее прибыль не обеспечена реальным притоком денег, что рано или поздно приведет к кризису ликвидности.

Таким образом, Отчет о движении денежных средств является не просто формальной составляющей финансовой отчетности, а мощным аналитическим инструментом. Его подготовка, регламентированная ПБУ 23/2011 и МСФО (IAS) 7, требует глубокого понимания сути хозяйственных операций и их влияния на финансовое состояние компании.

Информационно-аналитическое значение ОДДС заключается в его способности [15]:

1. Преодолеть ограничения метода начисления и показать реальное финансовое «здоровье» организации.
2. Обеспечить базу для оценки платежеспособности, финансовой гибкости и эффективности деятельности.
3. Служить основой для прогнозирования и планирования, что критически важно для стратегического управления.

Игнорирование данных ОДДС при принятии решений чревато серьезными ошибками, так как приводит к переоценке финансовых возможностей компании, основанной лишь на величине бухгалтерской прибыли. Внедрение регулярного анализа денежных потоков в практику управления является обязательным условием для обеспечения устойчивого развития и конкурентоспособности бизнеса в современной экономической среде.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете».
2. Приказ Минфина России от 02.02.2011 № 11н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Отчет о движении денежных средств» (ПБУ 23/2011)».
3. Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 7 «Отчет о движении денежных средств» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 28.12.2015 № 217н).
4. Приказ Минфина РФ от 02.02.2011 № 11н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Отчет о движении денежных средств» (ПБУ 23/2011) (Зарегистрировано в Минюсте РФ 29.03.2011 № 20336) // СПС «Консультант Плюс»
5. Приказ Минфина России от 04.10.2023 № 157н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 4/2023 «Бухгалтерская (финансовая) отчетность» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.03.2024 № 77591) // СПС «Консультант Плюс»
6. Беляев К.Л. Прогнозирование денежных потоков на основе ретроспективных данных отчета о движении денежных средств // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2023. Т. 16. № 8. С. 72-88.
7. Власов Д.И., Мельникова Л.П. Информационное содержание отчета о движении денежных средств в системе корпоративного управления // Финансовые исследования. 2025. № 1. С. 89-104.
8. Громова А.С. Совершенствование методики анализа отчета о движении денежных средств в соответствии с требованиями МСФО // Международный бухгалтерский учет. 2024. Т. 27. № 3. С. 56-73.
9. Дружиловская Т.Ю., Дружиловский А.С. Отчет о движении денежных средств: методика составления и анализ // Финансы и кредит. – 2020. – Т. 26, № 5. – С. 1014-1034.
10. Захарова Т.Н. Проблемы интерпретации денежных потоков от операционной деятельности при использовании косвенного метода // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2023. № 15. С. 112-125.
11. Козлов А.Б. Влияние валютных рисков на достоверность отчета о движении денежных средств международных компаний // Экономика и управление. 2024. № 4. С. 34-49.
12. Орлова М.В. Сравнительный анализ подходов к классификации денежных потоков в российской и международной практике // Аудитор. 2025. № 2. С. 45-61.
13. Петровский С.В. Анализ денежных потоков как инструмент оценки финансовой устойчивости компаний в условиях кризиса // Экономический анализ: теория и практика. 2023. Т. 22. № 5. С. 28-45.
14. Смирнова Е.А., Кузнецов В.Г. Методологические аспекты подготовки отчета о движении денежных средств в условиях цифровизации экономики // Финансы и кредит. 2024. Т. 30. № 2. С. 15-32.
15. Соколова Н.Д. Инфляционная корректировка отчета о движении денежных средств как инструмент повышения его аналитической ценности // Экономический журнал. 2024. № 3. С. 102-118.
16. Тимофеев Г.С. Интеграция отчета о движении денежных средств в систему риск-менеджмента компании // Управленческий учет. 2025. № 1. С. 23-39.

КРАВЦЕВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Ю
Р
И
Д
И
Ч
Е
С
К
И
Е

НАУКИ

Д.С. Сатюков

ОСОБЕННОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ИМУЩЕСТВО ДОЛЖНИКА

В статье автор исследует особенности обращения взыскания на имущество должника, анализирует правовое регулирование процедур исполнения судебных решений. Рассмотрены основные виды исполнительных документов и их роль в процессе взыскания имущества. Особое внимание уделяется аспектам изъятия и реализации имущества должника, проблемам законодательно закрепленных процедур и практическим аспектам их применения. Обоснована необходимость совершенствования законодательства для повышения эффективности взыскания и защиты прав заинтересованных лиц. Статья способствует более глубокому пониманию правовых механизмов обращения взыскания на имущество должника в современных условиях.

***Ключевые слова:** обращение взыскания, имущество должника, исполнительное производство, исполнительные документы, правовое регулирование, изъятие имущества, реализация имущества, судебное исполнение, процессуальное право.*

Обращение взыскания на имущество должника является важнейшим элементом механизма защиты прав кредиторов и обеспечения выполнения обязательств должников. Эффективность этого процесса зависит от чёткого регулирования процедуры, учета правовых особенностей и процедурных процедур, а также индивидуальных особенностей каждого случая взыскания. В данной статье рассматриваются ключевые особенности обращения взыскания на имущество должника в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, анализируются мнения ученых и нормативных актов, а также подчеркнуты практические аспекты реализации этих процедур.

Основным документом, регулирующим процедуры взыскания на имущество должника, является Федеральный закон №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 (с изменениями от

23.11.2024), в котором изложены основные положения и порядки исполнения исполнительных документов [2].

Помимо этого, Гражданский процессуальный кодекс РФ (ст. 446), регулирующий вопросы взыскания на имущество граждан, закрепляет перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание [3].

Юридическая наука характеризует исполнительные документы по-разному. А. И. Минникес утверждает, что исполнительные документы — это индивидуальные акты, содержащие обязательство о выполнении определенных действий или выплаты денег [4]. В то время как С. Ю. Некрасов считает их актами индивидуального правового регулирования, признавая их как юридические факты, создающие права и обязанности [5].

С. А. Зинченко полагает, что исполнительные документы — это юридические факты, порождающие юридические последствия, что определяет их значение в механизме взыскания [6].

Особенностью российского законодательства является строго установленная очередность взыскания. Согласно ст. 69 Федерального закона №229-ФЗ, первоочередное изъятие осуществляется из денежных средств в рублях, затем — из иностранной валюты, драгоценных металлов и, наконец, из иного имущества [2].

Эта последовательность направлена на обеспечение справедливого и систематического подхода к исполнению обязательств, что способствует снижению конфликтных ситуаций и повышению эффективности взыскания.

Особенность обращения взыскания заключается также в использовании таких мер, как арест имущества. Арест предполагает ограничение прав должника на распоряжение активами на срок, устанавливаемый индивидуально для каждого случая. Оформление ареста происходит посредством акта описи имущества и штампа о наложении ареста, что обеспечивает юридическую силу меры [7].

Практика показывает, что срок ареста, а также условия его продления или снятия, регулируются локально и зависят от конкретных обстоятельств дела. Указание на необходимость индивидуального подхода подчеркнуто в современных нормативных документах, включая нормативные материалы МВД и судебных органов [8].

Перед изъятием определенных видов имущества, особенно предметов художественной ценности, необходимо провести их оценку. Проведение оценки — обязательный этап, который осуществляется привлечением оценщиков, специально уполномоченных в данном вопросе. Такой подход способствует обеспечению справедливой стоимости имущества и предотвращает его недоиспользование или недопущение средств в казну [9].

Одной из существенных особенностей является способ реализации изъятого имущества. В случае добровольной реализации должником либо третьими лицами средства, полученные от продажи, зачисляются на погашение требований кредиторов. Если же добровольное исполнение невозможно, применяется принудительная реализация — через торги, аукционы или иные механизмы, регламентированные судебными решениями и нормативами [10].

А. И. Минникес подчеркивает, что исполнительные документы являются индивидуальными актами, поскольку именно они содержат конкретные обязательства, подлежащие исполнению [4]. В свою очередь, С. Ю. Некрасов выделяет их как акт, регулирующий права и обязанности сторон, что входит в сферу индивидуального правового регулирования [5]. С. А. Зинченко добавляет, что исполнительные документы — это юридические факты, порождающие правовые последствия и служащие основанием для взыскания [6].

Статья 446 Гражданского процессуального кодекса РФ определяет, какое имущество гражданина не подлежит взысканию, что влияет на практическое осуществление процедуры обращения взыскания [3].

Статьи 30 и части 12 Федерального закона №229-ФЗ устанавливают сроки добровольного исполнения обязательств — 5 дней после получения исполнительного документа, что является важной процедурной особенностью [2].

Практическая реализация имущества требует сочетания законных процедур и учета индивидуальных особенностей каждого дела. Например, в случае ареста драгоценных металлов или произведений искусства важно соблюдать требования по оценке и сохранению стоимости. Аналогично, при реализации недвижимого имущества необходимо учитывать рыночные цены и условия торгов [11].

Ключевыми проблемами являются задержки в процедуре, неправомерное изъятие имущества или его недооценка. Для их решения предлагается совершенствование нормативной базы, повышение квалификации судебных приставов и внедрение современных технологий оценки и реализации имущества [12].

Обращение взыскания на имущество должника — сложный многоступенчатый процесс, включающий правовые нормы, процедуры, а также особенности, обусловленные характером имущества и спецификой исполнительных действий. Правильное понимание и соблюдение законодательных требований позволяют обеспечить эффективность взыскания и защитить права всех участников процесса. Научные мнения ученых дополнительно подчеркивают необходимость четкого правового регулирования, что способствует повышению прозрачности и справедливости процедур.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1994 г. , N 32 , ст. 3301.
2. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 N 229-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (Дата обращения: 06.09.2025).
3. Жукова, Е. О. Правовое регулирование обращения взыскания на единственное жилое помещение должника-гражданина в зарубежном законодательстве / Е. О. Жукова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 48 (390). — С. 228–231.
4. Зинченко С. А. Юридические факты и исполнительные документы // Юридический журнал. 2020.
5. Карасева, Л. В. Проблемы правового регулирования и практики правоприменения по вопросам обращения взыскания на отдельные виды имущества должника / Л. В. Карасева. — Текст: непосредственный // Образование и право. — 2024. — № 3. — С. 377–381.
6. Лейбо, Ю. И. Законодательный процесс в зарубежных странах: учебное пособие / под ред. Ю. И. Лейбо. — Москва: МГИМО Университет, 2012–172 с. — Текст: непосредственный.
7. Миннирес А. И. Исполнительные документы как индивидуальные акты // Журнал юридических исследований. 2022.
8. Некрасов С. Ю. Акт как форма правового регулирования // Вестник российского права. 2021.
9. Симаков, Н. А. Особенности обращения взыскания на имущество должника / Н. А. Симаков. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 23 (574). — С. 384–386.
10. Федорова, О. А. Особенности обращения взыскания на имущество должника в исполнительном производстве / О. А. Федорова. — Текст: непосредственный // Международный научный журнал «Вестник науки». — 2025. — № 4 (85). — Т. 2. — С. 312–316.

САТЮКОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Н.Н. Романова

КОНЦЕПЦИЯ LEX PETROLEA В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ В СТРАНАХ БРИКС

Статья посвящена анализу концепции Lex petrolea как автономного комплекса норм и принципов, регулирующих международные нефтегазовые отношения. Рассматривается её значение для обеспечения баланса интересов государств и иностранных инвесторов. Особое внимание уделено практике применения Lex petrolea в странах БРИКС, где разнообразие правовых систем и моделей регулирования создает как возможности для унификации, так и серьезные вызовы. В заключение предлагаются меры по развитию сотрудничества между странами БРИКС, созданию единых модельных контрактов и специализированного арбитражного центра для повышения стабильности и инвестиционной привлекательности нефтегазовой отрасли.

Ключевые слова: Lex petrolea, нефтяная отрасль, БРИКС, транснациональное право, международное частное право.

Глобализация мировой экономики и стремительное развитие трансграничных инвестиционных проектов в нефтегазовом секторе обусловили необходимость поиска новых гибких механизмов правового регулирования, обеспечивающих баланс интересов принимающих государств и иностранных инвесторов.

Одной из ключевых концепций, способствующих формированию такого баланса, является Lex petrolea – автономный свод норм и принципов, сложившихся в международной практике регулирования нефтегазовых отношений.

Актуальность данной статьи обусловлена интенсивным развитием трансграничных инвестиционных проектов в нефтегазовом секторе, а также расширением БРИКС и появлением новых участников с разнородными правовыми системами, где интеграция элементов Lex petrolea способствует унификации подходов, снижению правовой неопределённости и повышению инвестиционной привлекательности нефтегазовой отрасли.

Данная статья направлена на выявление возможностей и вызовов, связанных с интеграцией элементов Lex petrolea в национальные правовые системы, анализ источников данного регулятивного механизма, а также разработку предложений по повышению правовой определённости и инвестиционной привлекательности нефтегазовой отрасли в странах БРИКС за счёт создания единых модельных контрактов, специализированного арбитражного центра и обмена опытом между регуляторами.

Концепция Lex petrolea активно развивается в доктрине и арбитражной практике, выступая своеобразным регулятивным мостом между национальными правовыми системами и интересами международных компаний. В 1962 году в деле Saudi Arabia против ARAMCO арбитраж отметил, что для восполнения пробелов в законодательстве Саудовской Аравии он будет опираться на общепринятые практики и обычаи, сложившиеся в нефтегазовой отрасли. Однако первая ссылка конкретно на Lex petrolea содержится в известном арбитражном решении по делу Kuwait v Aminoil (Правительство Государства Кувейт против American Independent Oil Co, AMINOIL), вынесенном 24 мая 1982 года [4]. Это решение сыграло ключевую роль в дальнейшем развитии международного инвестиционного права. В условиях, когда государства не готовы подчинять инвестиционные проекты иностранному праву, а инвесторы не доверяют принимающей юрисдикции, Lex petrolea обеспечивает регулятивный нейтралитет, денационализируя применимое право и снижая коммерческие и правовые риски.

В 1975 году египетский юрист А. С. Ель-Кошери [2] представил доктринальное обоснование концепции Lex petrolea в ходе своих лекций в Гаагской академии. Позднее данная концепция получила поддержку среди других исследователей, таких как британский ученый Н.М. Табари [7] и испанский профессор К.О. Гарсия-Кастрилон [3]. Оба специалиста считают, что Lex petrolea служит универсальной правовой основой для регулирования любых современных международных инвестиционных энергетических контрактов.

© Н.Н. Романова, 2025.

Научный руководитель: *Кораев Константин Борисович* – доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

К источникам *Lex petrolea* относят национальные законы (например, ст. 44 нефтяного закона Бразилии 1997 г., обязывающая применять международную отраслевую практику), международные контракты (типовые соглашения, включающие ссылки на «передовую практику» и «обычаи отрасли»), а также арбитражные решения (прецеденты, такие как вышеупомянутые *Kuwait v. AMINOIL* (1982) и *Saudi Arabia v. ARAMCO* (1962), где арбитры прямо применяли отраслевые стандарты). Дополнительными источниками выступают принципы УНИДРУА, Гаагские принципы и стандарты международных организаций, таких как Мировой нефтяной совет (WPC), Ассоциация международных участников переговоров по нефти (AIPN), Ассоциация нефтегазовой отрасли по вопросам охраны окружающей среды и социальной ответственности (ИРЕСА), Ассоциация производителей нефти и газа (OGP) и другие.

Как отмечает Д. В. Андриянов, «*Lex petrolea* рассматривается как специальная отрасль общего *lex mercatoria*» [10, с. 167], однако обладает ключевыми отличиями. В то время как *Lex mercatoria* регулирует преимущественно частноправовые отношения между компаниями и использует источники типа УНИДРУА и ИНКОТЕРМС, *Lex petrolea* охватывает смешанную (публично-частную) природу отношений между государствами и инвесторами, опираясь на отраслевые стандарты и арбитражную практику. Особенности *Lex petrolea* в энергетике обусловлены высокой капиталоемкостью проектов, требующих стабильного правового режима, диагональным характером отношений (государство – иностранный инвестор), где классическое международное частное право недостаточно, а также технологической спецификой, влияющей на содержание договоров.

М.В. Мажорина подчеркивает, что «современные трансграничные торговые отношения существенно эволюционируют» [11, с. 1177]. По ее словам, «развитие *lex petrolea* в международной нефтяной индустрии, *lex numerica* или *lex informatica* в области международного обмена данными, *lex constructionis* в международной строительной отрасли или *lex financiera* в финансовой сфере показывает, что транснационализация коммерческого права уже вышла за традиционные границы общего договорного права» [11, с. 1178].

Расширение БРИКС до десяти членов создало разнородную правовую палитру в нефтяном регулировании. Несмотря на различия, в настоящее время наблюдается движение к интеграции элементов *Lex petrolea* через арбитражные оговорки, типовые контракты и ссылки на международную практику.

В Бразилии федеральная собственность на ресурсы (ст. 177 Конституции 1988 г.) сочетается с допуском частных инвестиций через концессии [1]. Модельные контракты ANP включают отсылки к «общепринятым отраслевым стандартам», а в спорах арбитры применяют принципы UNIDROIT.

В России дуализм режимов (лицензирование по Закону о недрах vs. соглашения о разделе продукции) дополняется арбитражной практикой, признающей применение «общих принципов международного энергетического права» как часть *Lex petrolea* (дело *Yukos v. Russia*, 2014) [9].

В Индии реформа 2025 года ввела стабильность условий для инвесторов и обязательное медиативное урегулирование споров, сократив зависимость от национальных судов. Типовые соглашения OALP ссылаются на руководства AIPN как вспомогательный источник.

В Китае государственный контроль (Закон о трубопроводах 2020 г.) сочетается с арбитражными оговорками в контрактах CNOOC с иностранными компаниями [8], а в проектах «Одного пояса, одного пути» применяется синтез китайского права и принципов *Lex petrolea*.

В Южной Африке Закон MPRDA (2002) требует учёта интересов местных сообществ [6], что осложняет прямое заимствование транснациональных норм. Суд обязал компании проводить консультации с коренными народами до начала работ, устанавливая социальные ограничения для *Lex petrolea*.

Новые члены БРИКС демонстрируют различные подходы: в Египте концессионные соглашения содержат арбитражные оговорки, в Эфиопии используются модельные контракты с отсылками к «международной практике», в Иране действует конституционный запрет на иностранную собственность, но применяются buy-back контракты с элементами *Lex petrolea* через арбитраж в Женеве, в ОАЭ применяются правила DIAC и ссылки на UNIDROIT Principles в спорах, а в Индонезии наблюдается интеграция стандартов AIPN в новые контракты на шельфе.

Одной из ключевых проблем концепции *Lex petrolea* является недостаточная определённость и систематизация её норм. В отличие от национальных законов, *Lex petrolea* формируется преимущественно через прецеденты международных арбитражей [5], типовые контракты и отраслевые стандарты, что создаёт ситуацию, когда правовая определённость достигается лишь постфактум – после возникновения спора и вынесения решения.

В странах БРИКС эта проблема усугубляется разнообразием правовых систем и уровнем интеграции международных стандартов. Например, в России и Китае арбитражные решения не всегда признаются национальными судами, что создаёт дополнительные риски для инвесторов. В Южной Африке и Иране приоритет отдается национальным интересам, что напрямую ограничивает возможность широкой имплементации транснациональных норм *Lex petrolea*. В этих странах социально-политические и экономиче-

ские аспекты придают особую значимость национальному контролю над природными ресурсами, что зачастую приводит к введению жёстких требований к иностранным инвесторам и ограничивает использование международных стандартов. Например, в ЮАР законодательство предусматривает обязательные консультации с местными общинами и учитывает социально-экологические интересы, что накладывает дополнительные обязательства на проекты.

В таких странах, как ОАЭ, Индонезия и Эфиопия, наблюдается более выраженная тенденция к адаптации и интеграции международных стандартов в национальные правовые системы. Однако эта готовность сопровождается рядом вызовов: правовая система этих государств часто еще не обладает процедурными возможностями для полной и эффективной реализации принципов *Lex petrolea*, что приводит к дисбалансу между международными обязательствами и национальной практикой.

Для снижения правовой неопределённости и повышения инвестиционной привлекательности нефтяной отрасли в странах БРИКС целесообразно разработать единые модельные контракты для нефтегазовых проектов, учитывающие специфику каждой страны, но основанные на общепризнанных принципах *Lex petrolea*. Создание специализированного арбитражного центра по разрешению энергетических споров в рамках БРИКС могло бы обеспечить предсказуемость и стабильность арбитражной практики.

Также представляется целесообразным проводить регулярные консультации и обмен опытом между регуляторами и юристами стран БРИКС по вопросам применения транснациональных норм, стимулировать интеграцию элементов *Lex petrolea* в национальное законодательство, особенно в части арбитражных оговорок и признания международных стандартов, а также учитывать социальные и экологические аспекты при разработке унифицированных подходов, чтобы обеспечить баланс интересов государства, инвесторов и местных сообществ.

Исследование концепции *Lex petrolea* в контексте правового регулирования нефтяной отрасли стран БРИКС выявило как значительные возможности для унификации подходов, так и серьёзные вызовы, обусловленные разнообразием правовых систем и уровнем их открытости к транснациональным нормам. *Lex petrolea* выступает важным инструментом снижения рисков для инвесторов и государства, обеспечивая регулятивный нейтралитет и денационализацию применимого права. Однако отсутствие формальной кодификации и сильная зависимость от прецедентной практики международных арбитражей порождают неопределённость, с которой сталкиваются участники нефтегазовых проектов, особенно в условиях разнообразия национальных правовых систем и неодинаковой готовности стран БРИКС к интеграции транснациональных норм.

Для преодоления этих вызовов необходимо дальнейшее развитие сотрудничества между странами БРИКС в области правового регулирования нефтегазового сектора. Создание единых модельных контрактов, специализированного арбитражного центра, организация совместных рабочих групп и экспертных комиссий по развитию *Lex petrolea* в странах БРИКС с целью обмена опытом по интеграции транснациональных норм, внедрение обучающих программ и семинаров для судебных органов, юридического сообщества и специалистов отрасли позволят повысить правовую определённость и инвестиционную привлекательность отрасли. Интеграция элементов *Lex petrolea* в национальное законодательство обеспечит баланс интересов всех участников нефтегазовых проектов.

Таким образом, концепция *Lex petrolea* обладает значительным потенциалом для унификации правового регулирования нефтяной отрасли в странах БРИКС, однако её реализация требует комплексного подхода, который будет учитывать особенности каждого из государств, а также современные вызовы глобального рынка энергоресурсов.

Библиографический список:

1. Constituição da República Federativa do Brasil de 1988. Art. 177 // Câmara dos Deputados do Brasil. URL: https://www.camara.leg.br/proposicoesWeb/prop_mostrarintegra?codteor=673072.
2. El-Koshery A.S. Le régime juridique de l'énergie par les accords de participation dans le domaine pétrolier, in *Recueil des cours* // Collected courses of the Hague Academy of International law. 1975 Vol. 174. The Hague. 1978. P. 216 – 403.
3. Garcia-Castrillon C.O. Reflections on the law Applicable to International Oil Contracts // *Journal of World Energy Law and Business*. 2013. Vol. 6. P. 1 – 35.
4. *Kuwait v American Independent Oil Company (Aminoil)* [1982] (1982) 21(5) ILM 976; (1984) 9 Yearbook Commercial Arbitration 71 (*Kuwait v Aminoil*); Bishop 'The Development of a Lex Petrolea' (n 29).
5. Martin A. Timothy. *Lex Petrolea in International Law* // 2021. URL: <https://timmartin.ca/wp-content/uploads/2021/12/Lex-Petrolea-in-International-Law.pdf>.
6. Mineral and Petroleum Resources Development Act 28 of 2002 // Government of South Africa. URL: <https://www.gov.za/documents/mineral-and-petroleum-resources-development-act>.
7. Tabari N.M. *Lex petrolea and International investment law. Law and practice in the Persian Gulf*. Lloyd's Environment and Energy law library. 2016. 295 p.

8. 中华人民共和国石油天然气管道保护法 [The Law of the People's Republic of China on the Protection of Oil and Natural Gas Pipelines] // 共产党员网, 2020. URL: <http://www.12371.cn/2020/06/21/ARTI1592754867143450.shtml>.

9. Yukos Universal Limited (Isle of Man) v. The Russian Federation, Final Award, 18 July 2014 // Permanent Court of Arbitration (PCA Case No. AA 227). URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw3279.pdf>

10. Андриянов Д. В. Мир lex petrolea в международном частном праве: поиск баланса между законодательством и интересами иностранных инвесторов // Вестник Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. – № 10. – С. 164–172. – URL: <https://vestnik.msal.ru/jour/article/viewFile/921/921>.

11. Мажорина М. В. Транснациональные нормы в международном коммерческом обороте // Международное частное право. 2014. – № 10. – С. 1177–1183.

РОМАНОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА – магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

В.М. Проворкова

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ПРОЦЕДУРА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О РАЗДЕЛЕ НАСЛЕДСТВА

В статье рассматриваются актуальные вопросы доказательственной базы и процессуальных особенностей при разрешении судебных споров о разделе наследственного имущества. Основное внимание уделяется анализу различных видов доказательств, используемых в наследственных делах, включая документальные подтверждения, свидетельские показания и экспертные заключения. Исследуются особенности процедуры доказывания прав на наследство как по закону, так и по завещанию, а также специфика распределения наследственной массы между претендентами. Особое внимание уделяется практическим аспектам представления доказательств в суде, включая систематизацию документов, оформление свидетельских показаний и проведение необходимых экспертиз.

Ключевые слова: *доказательства по делу, процедура доказывания, наследственные споры, раздел наследства, наследственное имущество, судебное разбирательство, процессуальные особенности, наследственные правоотношения, право на наследство, документальные доказательства, свидетельские показания, экспертные заключения, наследственная масса, распределение имущества, судебная практика, процессуальный порядок, наследники по закону, наследники по завещанию, гражданский процесс, правоприменительная практика.*

Наследственные споры являются одним из наиболее сложных видов гражданских дел, рассматриваемых в судах общей юрисдикции. Особую значимость в разрешении таких споров приобретает правильная организация процесса доказывания и представление надлежащих доказательств.

Доказательственная база по делам о разделе наследства формируется из различных видов доказательств, каждый из которых имеет свои особенности представления и оценки. Основополагающим элементом является документальное подтверждение факта смерти наследодателя, наличие завещания или документов о праве наследования по закону. Свидетельство о праве на наследство является основным документом, подтверждающим право наследника на наследственное имущество, а также дающим ему право распоряжаться таким имуществом.

Процедура доказывания в наследственных спорах включает несколько взаимосвязанных этапов. Первоначально происходит определение предмета доказывания, затем осуществляется сбор и представление доказательств сторонами. После этого следует этап исследования представленных материалов и завершающая стадия – оценка доказательственной базы судом. Важным моментом является формулировка правовых оснований требований, которые должны быть четко обозначены сторонами.

Следующий этап — сбор и представление доказательств. Он включает систематизацию имеющихся материалов, нотариальное удостоверение копий документов, оформление ходатайств об истребовании доказательств и подготовку письменных пояснений. Стороны должны обеспечить надлежащее оформление всех представляемых материалов.

После сбора доказательств наступает этап их исследования. Он охватывает осмотр вещественных доказательств, оглашение письменных документов, допрос свидетелей, оценку экспертных заключений, прослушивание аудиозаписей и просмотр видеоматериалов. Каждый представленный элемент доказательства подлежит тщательному изучению судом. Завершающая стадия — оценка доказательственной базы судом. Она производится по нескольким критериям: относимость доказательств к делу, допустимость представленных материалов, достоверность сведений, достаточность доказательственной базы и взаимосвязь доказательств между собой. Только после всесторонней оценки всех представленных доказательств суд может прийти к обоснованным выводам по делу.

© В.М. Проворкова, 2025.

Научный руководитель: *Крылова Инга Валериевна* – кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «РГУП им. В.М.Лебедева», Россия.

Виды доказательств имеют свои особенности, каждый из которых важен и необходим. Письменные доказательства составляют основу доказательственной базы. К ним относятся документы, подтверждающие факт родства между наследником и наследодателем, завещание или документы о праве наследования по закону, правоустанавливающие документы на наследственное имущество, договоры купли-продажи, дарения и другие правоустанавливающие документы, а также справки о составе наследственного имущества. Документальные подтверждения включают финансовые документы (чеки, квитанции об оплате задолженностей умершего), медицинские справки (подтверждающие инвалидность или недееспособность наследника), документы об оценке имущества, кадастровые паспорта и выписки из реестров. Свидетельские показания играют важную роль в доказывании факта принятия наследства, наличия семейных отношений, факта совместного проживания и обстоятельств, связанных с волеизъявлением наследодателя. Экспертные заключения могут потребоваться для установления родственных связей (ДНК-экспертиза), оценки рыночной стоимости имущества, определения подлинности документов и реконструкции обстоятельств дела.

Подготовка доказательств требует особого внимания. Необходимо заранее собрать все имеющиеся документы, нотариально заверить их копии, подготовить оригиналы для предъявления в суде, учесть сроки хранения документов и проверить подлинность представленных материалов.

Таблица 1

Пример доказательственной базы

Вид доказательства	Назначение	Особенности представления
Свидетельство о смерти	Установление факта открытия наследства	Оригиналы или нотариально заверенные копии
Завещание	Подтверждение воли наследодателя	Зарегистрированная копия с отметкой нотариуса
Правоустанавливающие документы	Подтверждение состава наследства	Оригиналы или нотариальные копии
Справка о составе семьи	Установление круга наследников	Официальный документ с печатью
Договор ОСАГО	Подтверждение фактического принятия наследства	Оригинал или копия с печатью страховой компании

Таким образом, ссылаясь на информацию описанную в статье, можно сказать, что актуальные проблемы доказывания в наследственных правоотношениях обусловлены комплексом взаимосвязанных факторов процессуального и материального характера. Ключевым препятствием выступает документарная недостаточность, проявляющаяся в утрате правоустанавливающих документов на наследственное имущество, а также в отсутствии надлежаще оформленных доказательств принадлежности имущества наследодателю.

Процессуальные сложности обусловлены противоречивостью представленных сторонами материалов, что создает дополнительные трудности при формировании доказательственной базы. Особую проблематику представляет оценка нетрадиционных видов доказательств, включая свидетельские показания, вещественные доказательства и электронные документы, требующие специальных познаний и методик исследования. Фактологическое доказывание осложняется необходимостью установления юридически значимых обстоятельств, не имеющих документального подтверждения. В частности, это касается фактов фактического принятия наследства, родственных отношений, а также обстоятельств, связанных с созданием и приобретением имущества наследодателем при жизни.

Данные проблемы требуют совершенствования как процессуального законодательства, так и методологии доказывания в наследственных спорах, что обуславливает необходимость разработки новых подходов к оценке доказательств и формированию судебной практики.

Эффективное разрешение наследственных споров требует тщательной подготовки доказательственной базы и строгого соблюдения процессуальных норм. Совершенствование процедуры доказывания и расширение перечня допустимых доказательств позволит повысить качество рассмотрения дел о разделе наследства и обеспечить надежную защиту прав наследников. Перспективным направлением развития выступает внедрение цифровых технологий в процесс представления доказательств и разработка единых подходов к их оценке.

Библиографический список:

1. Орешкина В.Н. Наследственное право: учебное пособие / Под ред. д.ю.н., проф. С.Г. Соловьева. – Челябинск: ЮУрГУ, 2009. – 67 с.

2. Попова О.П. Наследственное право: учебное пособие. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2012. – 85 с.

3. Бевзенко Р.С. Проблемы наследования по завещанию // Законодательство. – 2019. – № 5. – С. 45-52.

4. Останина Е.А. Особенности наследования отдельных видов имущества // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 8. – С. 89-94.

ПРОВОРКОВА ВИКТОРИЯ МИХАЙЛОВНА – магистрант, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «РГУП им. В.М.Лебедева», Россия.

А.А. Богомолова

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ В РОССИИ

Система принудительного исполнения в России имеет глубокие исторические и законодательные корни. Современная структура и функции службы судебных приставов сформировались в результате долгой эволюции. В данной статье рассмотрены исторические аспекты создания и развития службы судебных приставов в России.

Ключевые слова: служба судебных приставов, история развития, становление службы, федеральный закон.

Становление службы судебных приставов в России прошла долгий и не простой путь - в 2025 году отмечается 160 лет со дня основания службы.

Тем не менее, истоки рассматриваемого института уходят корнями в далекое прошлое, во времена Киевской Руси, где княжеские и местные суды занимались принудительным исполнением наказаний и взысканием долгов. Уже в XI веке в Русской Правде был прописан определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника. Там же упоминались посадниковые или княжеские дружинники – отроки, мечники и детские, которые выступали в роли «исполнителей», защитников интересов истца, – они собирали судебную пошлину и содействовали в получении назад заемного имущества. В период с конца XI века по XV век уже были приняты нормативные правовые акты, которые закрепили введение специальных должностных лиц, призванных обеспечивать исполнение судебных решений [1].

Впоследствии, в период Московского государства и Российской империи роль судебных приставов выполняли местные должностные лица — воеводы, подьячие и другие представители власти, осуществлявшие исполнение судебных решений.

В Судебниках Московского государства 1497, 1550 годов встречается упоминание о судебных приставах. А вот в XVI – XVII веках закрепляется законодательно правовой статус судебных приставов и функции приставов.

Благодаря Соборному Уложению царя Алексея Михайловича 1649 года приставы получили более широкие полномочия. Тем не менее, в XVIII веке должность судебного пристава была упразднена и все его полномочия перешли к полиции, что отрицательно сказалось на исполнении судебных решений.

Отправной же точкой создания службы судебных приставов в России считается Указ императора Александра II, вступивший в силу 1 ноября 1865 года (по новому стилю), в рамках судопроизводственной реформы. Именно благодаря ему в России появились, так называемые, судебные приставы, которые были неотъемлемым подразделением при каждом суде. В их обязанности включалось вручение участникам процесса повесток и документов, так же они помогали исполнять судебные решения. Приставы при вступлении в должность вносили залог и вступали в самоуправляемые корпорации, которые солидарно отвечали за ущерб от неправомерных действий своих членов [3].

Однако, не смотря на принятые указы, исполнительная деятельность была раздроблена и нерегламентирована единым законом, что, в конечном итоге, создавало немалые трудности при реализации судебных решений. Судебная система в конце 19 века претерпела значительные реформы, однако, что касается исполнительного ведомства, на тот момент оно полноценно создано не было.

Ситуация изменилась после Октябрьской революции 1917 года, когда была проведена коренная реорганизация судебной системы. Именно тогда судебные приставы стали отдельной категорией государственных служащих, отвечающих за исполнение судебных решений.

В дальнейшем в СССР последовательно утверждалась централизованная система судебных приставов, основной задачей которых было обеспечение наказаний, взысканий и реабилитация должников. Сфера деятельности службы постоянно расширялась, шла работа по налаживанию связей с другими органами власти, тем не менее, она оставалась частью Министерства внутренних дел.

Но, не смотря, на огромную работу по созданию службы судебных приставов исполнительное производство было все так же фрагментировано и регламентировалось совокупностью различных норм.

В начале 1990-х годов исполнительная служба, впрочем, как и вся страна, находилась в кризисе: отсутствовал механизм независимого и эффективного исполнения решений судов. Распад СССР и переход к рыночной экономике потребовали кардинальных изменений в области исполнительного производства.

И только в 1997 году был принят Федеральный закон № 118-ФЗ «О судебных приставах» (с 1 января 2020 г. «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации»), положения которого ввели институт самостоятельной службы судебных приставов, систематизировали процедуру исполнения судебных решений, установили права и обязанности судебных приставов, и впервые закрепил их статус как государственной службы. Так же это позволило отделить службу от МВД и повысить ее статус и эффективность, снизить коррупционные риски.

Но то, как приставы возбуждают исполнительное производство и взыскивают долги, освещает уже другой Федеральный закон № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», который был принят только в 2007 году.

В 2004 году Указом Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» была создана современная Федеральная служба судебных приставов (ФССП России). С этого момента ФССП стала самостоятельным федеральным органом исполнительной власти с четко определенными задачами и полномочиями, определенными Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов». Но это было только началом реформирования а, по сути, формирования современной службы судебных приставов Российской Федерации.

29.05.2012 вступил в силу Приказ Федеральной службы судебных приставов № 256 «Об утверждении Регламента Федеральной службы судебных приставов», который впоследствии был упразднен в связи с вступлением в силу нового приказа от 30 апреля 2021 г. № 190. Именно эти нормативные акты установили общие правила внутренней организации Федеральной службы судебных приставов при реализации функций, отнесенных к ее компетенции в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Но и это еще не все. До вступления в силу Федерального закона от 1 октября 2019 года № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» статус сотрудника ФССП был не совсем определен, так как он не соответствовал ни гражданскому государственному служащему (гражданский служащий не имеет права на служебное оружие и применение физической силы в профессиональной деятельности), ни статусу сотрудника правоохранительных органов, так как не имел званий, гарантий и полномочий, аналогичных МВД, Росгвардии или армии [2].

К тому же данный закон определил требования к кандидатам на занятие должности судебного пристава (в том числе уровень образования), ввел классификацию должностей и званий, утвердил форму одежды приставов со своими знаками отличия. С началом действия этого закона служба судебных приставов стала полноценной силовой структурой.

История создания ФССП России — это долгий путь от хаотичной, разрозненной и неэффективной деятельности по сбору задолженностей к современному институту, обеспечивающему реализацию судебных решений и поддержание правопорядка. Тем не менее, работа по совершенствованию механизмов исполнительного производства продолжается до сих пор, так как ФССП является важным звеном российской судебной системы и механизмом реализации правосудия, обеспечивающее функционирование правового государства.

Библиографический список:

1. Официальный сайт ФССП России. – Режим доступа: <https://fssp.gov.ru>
2. Копырина А. В. Закон о судебных приставах // Финансово-правовой альянс. - Режим доступа: <https://fpa.ru>
3. Филонов Г. А., Черных В. С. Судебная реформа Александра II // Территория науки. - 2015. - №4.

БОГОМОЛОВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

Хусаинов Руслан Турпал-Алиевич

ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

В статье рассматривается институт исковой давности как один из ключевых элементов гражданского права, обеспечивающий баланс интересов участников гражданского оборота и способствующий укреплению правовой определённости. Автор анализирует теоретико-правовое значение института, выделяет его функции, а также обращается к вопросам правоприменительной практики в России и за рубежом. Сделан вывод о том, что исковая давность выполняет не только процессуальную, но и социальную функцию, влияя на устойчивость гражданско-правовых отношений и дисциплинированность участников гражданского оборота.

Ключевые слова: *исковая давность, гражданское право, правовая определённость, судебная практика, срок, защита прав.*

Исковая давность является важнейшим правовым инструментом, закреплённым в гражданском законодательстве и направленным на обеспечение устойчивости гражданского оборота. Согласно положениям ст. 195–208 ГК РФ, под исковой давностью понимается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено [1]. Данный институт имеет не только процессуальное, но и материально-правовое значение, поскольку устанавливает временные пределы существования права на иск, стимулирует к своевременной защите нарушенных интересов и формирует предсказуемость поведения субъектов гражданских правоотношений [4, с.56].

Значение исковой давности заключается в том, что она выступает гарантом правовой определённости и стабильности. В условиях отсутствия временных границ предъявления исков гражданский оборот утратил бы предсказуемость, что негативно сказалось бы на доверии к институтам права и затруднило бы экономическую активность. Ограничение сроков судебной защиты позволяет снизить риски злоупотреблений и способствует концентрации доказательственной базы в пределах разумного времени [8, с.90].

Функции института исковой давности многообразны. Правозащитная функция проявляется в стимулировании субъектов к своевременному обращению за защитой нарушенного права. Регулятивная функция заключается в дисциплинировании участников гражданского оборота, побуждая их добросовестно выполнять обязательства. Стабилизирующая функция выражается в предотвращении предъявления чрезмерно давних требований, что уменьшает нагрузку на судебную систему и снижает вероятность вынесения несправедливых решений по делам, в которых доказательства утрачены [6, с.116].

В судебной практике особое внимание уделяется вопросам начала течения срока исковой давности, его приостановления, перерыва и восстановления. Наиболее проблемными являются ситуации, связанные с долгосрочными обязательствами, спорами с участием социально незащищённых категорий граждан, а также споры, где срок давности пересекается со специальными сроками исковой защиты. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» закрепило гибкий подход к применению института, позволяющий учитывать как правовую природу обязательства, так и обстоятельства конкретного дела [2].

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в зарубежных правовых системах институт исковой давности имеет схожее назначение. В немецком гражданском уложении (§ 194–218 BGB) установлены детально разработанные правила, ограничивающие возможность восстановления срока, что обеспечивает высокий уровень правовой предсказуемости. В англо-американской системе (Limitation Act 1980, Великобритания) допускается более широкое восстановление сроков, если это необходимо для защиты добросовестных кредиторов. Таким образом, подходы национальных систем различаются по степени гибкости, но едины в понимании значимости исковой давности для правового порядка [7, с.56].

В заключение следует отметить, что институт исковой давности в российском праве представляет собой не только технический процессуальный механизм, но и социально-правовой инструмент, направленный на укрепление доверия к гражданскому обороту и формирование справедливого правосудия. В перспективе развитие данного института связано с уточнением специальных сроков исковой давности и унификацией судебной практики, что позволит повысить эффективность его применения и обеспечить единообразное толкование норм.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.08.2025) // Консультант Плюс дата обращения 15.09.2025
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Консультант Плюс дата обращения 15.09.2025
3. Бондаренко А.С. Исковая давность и защита гражданских прав: современные вызовы. // Гражданское право. — 2021. — № 7. — С. 14–21.
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. — М.: Статут, 2021.
5. Егорова М.А. Сроки исковой давности: теория и практика применения. — М.: Норма, 2021.
6. Козлова Н.В. Институт исковой давности: дискуссионные вопросы и пути развития. // Законодательство. — 2023. — № 3. — С. 44–53.
7. Крашенинников Е.А. Сроки в гражданском праве. — М.: Статут, 2019.
8. Новицкий И.Б. Право на иск и исковая давность. — М.: Юрайт, 2020.
9. Рогожин С.А. Проблемы восстановления исковой давности в судебной практике. // Арбитражные споры. — 2022. — № 5. — С. 58–65.
10. Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть. — М.: Проспект, 2022.
11. Толстой Ю.К. Исковая давность в гражданском праве России: современное состояние и перспективы. // Журнал российского права. — 2020. — № 12. — С. 34–42.

ХУСАИНОВ РУСЛАН ТУРПАЛ-АЛИЕВИЧ – магистрант, ЧОУ ВО «Академия управления и производства», Россия.

Хусаинов Руслан Турпал-Алиевич

ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ И ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье анализируется специфика применения исковой давности в сфере защиты прав потребителей. Рассматриваются особенности течения сроков давности по спорам о качестве товаров и услуг, а также проблемы, возникающие в судебной практике при их исчислении. Особое внимание уделено правовой позиции Верховного Суда РФ и необходимости совершенствования законодательства для обеспечения баланса интересов потребителей и предпринимателей. Сделан вывод о том, что действующее регулирование нуждается в уточнении с учётом социальной значимости потребительских отношений.

Ключевые слова: *исковая давность, защита прав потребителей, гражданское право, судебная практика, срок исковой давности, качество товара.*

Исковая давность занимает особое место в регулировании отношений по защите прав потребителей. Данные отношения носят социальный характер и направлены на обеспечение интересов более слабой стороны — потребителя. В то же время установление сроков давности необходимо для поддержания правовой определённости и защиты интересов предпринимателей.

Согласно ст. 29 Закона РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1, потребитель вправе предъявить требования, связанные с недостатками товара, в течение гарантийного срока или срока годности [2]. При их отсутствии применяется общий срок исковой давности, установленный гражданским законодательством. Таким образом, в потребительских отношениях исковая давность тесно связана со специальными сроками, определяющими пределы предъявления требований.

На практике возникают трудности при разграничении гарантийных сроков и исковой давности. Одним из спорных вопросов является начало течения срока: с момента покупки товара, обнаружения недостатка или предъявления претензии продавцу. Судебная практика свидетельствует о неоднородности подходов, что снижает эффективность защиты прав потребителей [2].

Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики от 17 октября 2018 года указал, что течение срока исковой давности по требованиям потребителей начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Такой подход позволяет учитывать интересы потребителей, но вместе с тем порождает риск затягивания споров, что негативно отражается на правовой определённости [3].

Особое значение имеет вопрос восстановления срока исковой давности. В потребительских спорах суды более склонны учитывать уважительные причины пропуска сроков, исходя из принципа приоритета защиты прав гражданина. Это свидетельствует о социальной направленности применения института исковой давности, однако порождает критику со стороны предпринимателей, которые сталкиваются с увеличением периода неопределённости в отношении предъявления исков [7, с.56].

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в зарубежных системах права потребительские требования имеют особый режим. В Европейском союзе действует Директива 1999/44/ЕС, устанавливающая минимальный срок ответственности продавца за качество товара в течение двух лет. В большинстве стран ЕС данный срок носит императивный характер и обеспечивает предсказуемость для обеих сторон.

В целях совершенствования законодательства целесообразно рассмотреть вопрос о введении единых правил исчисления сроков исковой давности в потребительских спорах, а также закрепить специальный порядок их восстановления с учётом уязвимости потребителей и необходимости правовой стабильности для бизнеса.

Итак, исковая давность в потребительских отношениях имеет специфику, связанную с гарантийными сроками и сроками годности, что требует особого внимания со стороны правоприменителя.

Судебная практика по вопросам исчисления сроков исковой давности в потребительских спорах остаётся неоднородной, что снижает эффективность защиты прав граждан.

Подход Верховного Суда РФ ориентирован на защиту интересов потребителей, однако он не всегда обеспечивает правовую определённую для предпринимателей.

В российском законодательстве назрела необходимость уточнения правил применения исковой давности в потребительских отношениях, а также установления специальных механизмов восстановления сроков с учётом социальной значимости данной категории споров.

Таким образом, совершенствование института исковой давности в сфере защиты прав потребителей является важной задачей, направленной на достижение баланса интересов сторон и укрепление правовой определённости в гражданском обороте.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.08.2025) // Консультант Плюс дата обращения 15.09.2025
2. Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 01.09.2023) // Консультант Плюс дата обращения 15.09.2025
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Консультант Плюс дата обращения 15.09.2025
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2018), утв. Президиумом ВС РФ 17.10.2018 // Консультант Плюс дата обращения 15.09.2025
5. Бондаренко А.С. Проблемы восстановления исковой давности в делах о защите прав потребителей. // Арбитражные споры. - 2022. - № 8. - С. 34–42.
6. Егорова М.А. Исковая давность и её особенности в сфере защиты прав потребителей. // Журнал российского права. - 2021. - № 4. - С. 76–84.
7. Козлова Н.В. Баланс интересов потребителя и предпринимателя при применении сроков давности. // Гражданское право. - 2022. - № 9. - С. 55–62.
8. Крашенинников Е.А. Сроки исковой давности в потребительских спорах. - М.: Статут, 2020.
9. Рогожин С.А. Сроки предъявления требований о недостатках товара: практика и тенденции. // Законодательство. - 2023. - № 2. - С. 19–27.

ХУСАИНОВ РУСЛАН ТУРПАЛ-АЛИЕВИЧ – магистрант, ЧОУ ВО «Академия управления и производства», Россия.

Г.С. Байдалиева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

В статье рассматриваются вопросы исполнения обязательств. Исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием вещи должника, поручительством, независимой гарантией, задатком, обеспечительным платежом и другими способами, предусмотренными законом или договором.

Ключевые слова: неустойка, залог, удержание, поручительство, задаток, банковская гарантия, договор, физические лица, право, юридические лица, обязательство.

Глава 23 ГК РФ полностью посвящена обеспечению исполнения обязательств.

Недействительность соглашения об обеспечении исполнения обязательства не влечет недействительности соглашения, из которого возникло основное обязательство.

При недействительности соглашения, из которого возникло основное обязательство, обеспеченными считаются связанные с последствиями такой недействительности обязанности по возврату имущества, полученного по основному обязательству.

Прекращение основного обязательства влечет прекращение обеспечивающего его обязательства, если иное не предусмотрено законом или договором.

Способы обеспечения исполнения обязательств исторически возникли как естественная необходимость повышенной гарантированности прав и интересов участников обязательственных правоотношений.

Иногда в юридической литературе можно встретить и другое их название «акцессорные обязательства», можно перечислить их свойства:

1. Недействительность соглашения об обеспечении исполнения обязательства не влечет недействительности этого обязательства (основного), а недействительность основного обязательства влечет недействительность акцессорного (п. 2,3 ст. 329 ГК РФ). По мнению автора Борисова А.Б.: «Следует отметить, что в данной статье не нашел отражения случай, когда условие об обеспечении включены в основное обязательство. В такой ситуации необходимо руководствоваться правилом, установленным ст. 180 ГК РФ: недействительность части сделки не влечет недействительности прочих ее частей, если можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной ее части. При этом, однако, основное обязательство может содержать условие о признании его недействительным при недействительности его обеспечения». [1, С. 62-63]

2. Прекращение первого обязательства влечет прекращение и этого акцессорного.

3. Переход прав по основному обязательству влечет переход прав и по акцессорному (ст. 384 ГК РФ). Таким образом, по общему правилу обеспечительные права переходят к новому кредитору одновременно с обеспечиваемым требованием без дополнительного оформления их уступки. Иное может быть предусмотрено законом или договором.

Проанализировав способы обеспечения исполнения обязательств мы пришли к следующему выводу: главной особенностью обеспечительных обязательств является присущее им свойство акцессорное; сделка, из которой возникает акцессорное обязательство, тоже своеобразна, в ее основании всегда лежит особый интерес (обеспечительный); ГК установил исключение из общего правила об акцессорности обеспечительных обязательств, введя понятие независимого обеспечительного обязательства, единственным примером которого сейчас является банковская гарантия.

По мнению Белова В.А. при изучении института поручительства следует разграничивать понятия самого поручительства и основания его возникновения. Применительно к поручительству это требование означает различия поручительства и договора поручительства. Поручительство – это гражданское правоотношение, содержанием которого является ответственность определенного лица (поручителя) за

© Г.С. Байдалиева, 2025.

Научный руководитель: Джумагазиева Гульнара Сарсенбаевна – кандидат юридических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Россия.

нарушение прав и охраняемых интересов активного субъекта определенных правоотношений, последовавшее со стороны его контрагента в этих правоотношениях – обязанного субъекта. [2, С. 47]

В настоящее время согласно п. 3 Обзора практики разрешения споров, связанных с применением арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о поручительстве – Приложение к информационному письму Президиума ВАС РФ от 20.01.98 № 28: стороны вправе заключить договор поручительства для обеспечения обязательства, которое возникнет в будущем.

Коммерческий банк обратился в арбитражный суд с иском к заемщику и поручителю о взыскании суммы основной задолженности по кредитному договору, процентов и пеней за просрочку возврата долга.

Арбитражный суд удовлетворил исковые требования полностью за счет заемщика, указав, что договор поручительства сторонами фактически не заключен, поскольку он был подписан ранее кредитного договора и на сумму, превышающую выданный кредит.

Исходя из этого апелляция изменила решение суда первой инстанции и на основании статьи 363 ГК РФ удовлетворила исковые требования за счет заемщика и поручителя солидарно [3]

Гуев А.Н. считает, что ст. 361 ГК РФ уже не ставит знак равенства между такими самостоятельными институтами, как поручительство и банковская гарантия (такой подход был характерным для ст. 68 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31.05.91). Кроме того, теперь институт поручительства полностью поглощает институт гарантии (имеются в виду случаи, когда гарантом выступает лицо, не являющееся банком), хотя ст. 210 ГК РСФСР 1964 говорила о гарантии как о самостоятельном способе обеспечения обязательств. [4, С. 47]

Так, например, банковская гарантия берет начало из Древнего Рима и в настоящее время является одним из самых традиционных способов обеспечения исполнения обязательств.

А основанием возникновения поручительства является либо договор между кредитором и поручителем, либо закон (например, ст. 532 ГК РФ).

Белова В.А. считает, что согласно сложившейся в науке гражданского права, и в судебной практике точка зрения это двусторонний договор, заключаемый между поручителем и кредитором должника. [5, С. 39]

Противоположным является мнение Волнухина Д.Н., который считает, что ГК РФ устанавливает простую письменную форму для договора поручительства вне зависимости от формы основного обязательства. [6, С. 27]

Такого мнения придерживается и автор комментария к ГК РФ Борисов А.Б.: «...независимо от того, подлежит ли государственной регистрации или нотариальному удостоверению договор, обязательство по которому обеспечивает договор поручительства, для последнего достаточно простой письменной формы». [7, С. 368]

Библиографический список:

- 1.Борисова А.Б. Банковские гарантии: теория и практика.– М.: Спарк, 2004.– С.62-63
- 2.Белов В.А. Указ. соч. С. 47.
- 3.Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. №32, ст. 3301.
- 4.Гуев А.Н. Гражданское право: Учебник: В 3 т. Т. 1. – М.: ИНФРА-М, 2004. - С. 367.
- 5.Белов В.А. Теоретические проблемы учения о способах обеспечения исполнения обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2006. - № 12. - С. 39.
- 6.Волнухин Д.Н. Проблемы института поручительства // Право и экономика. - 2000. - № 1. - С. 27.
- 7.Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / сост. Борисов А.Б. - С. 368.

БАЙДАЛИЕВА ГУЛЬФИРА СЕРГАЛИЕВНА – магистрант, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Россия.

В.А. Галлямова

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ КАК ЭЛЕМЕНТА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В системе элементов состава преступления, субъективная сторона занимает особое место, определяя психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию и его последствиям. Значение субъективной стороны заключается не только в установлении вины, но и в определении направленности деяния, квалификации преступления и индивидуализации наказания. Целью данной статьи является всестороннее рассмотрение понятия и содержания субъективной стороны преступления, ее элементов, форм вины и сложностей, возникающих при ее установлении. Актуальность темы обусловлена необходимостью точного установления всех элементов состава преступления для обеспечения законности и справедливости при привлечении лица к уголовной ответственности.

Ключевые слова: субъективная сторона, умысел, вина, волевые моменты.

Субъективная сторона преступления представляет собой внутреннюю, психическую сторону преступления, характеризующую отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям. Она отражает психические процессы, происходящие в сознании и воле лица в момент совершения преступления. В отличие от объективной стороны, которая описывает внешние проявления преступного деяния, субъективная сторона раскрывает внутреннее содержание, мотивацию и цели преступника [3].

Субъективная сторона включает в себя такие элементы, как вина (в форме умысла или неосторожности), мотив и цель преступления. Каждый из этих элементов играет важную роль в квалификации деянного и определении степени ответственности лица.

Значение субъективной стороны для уголовного права огромно. Во-первых, она является необходимым условием для привлечения лица к уголовной ответственности. В соответствии со ст. 5 УК РФ, лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные деяния, в отношении которых установлена его вина [1]. Отсутствие вины исключает уголовную ответственность, даже если деяние формально содержит признаки преступления. Во-вторых, субъективная сторона влияет на квалификацию преступления. Различные формы вины, мотивы и цели могут квалифицировать деяние как более или менее тяжкое. В-третьих, субъективная сторона учитывается при индивидуализации наказания. Суд, назначая наказание, обязан учитывать характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ст. 60 УК РФ) [1]. Субъективная сторона позволяет оценить личность виновного, его мотивы и цели, что является важным фактором при определении справедливого наказания.

Субъективная сторона преступления состоит из трех основных элементов: вины, мотива и цели.

Вина является центральным элементом субъективной стороны преступления. Это психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию и его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности (ст. 24 УК РФ) [1]. Уголовный кодекс устанавливает две формы вины:

Умысел: Преступление признается совершенным умышленно, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления (прямой умысел) или сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично (косвенный умысел). Прямой умысел характеризуется тем, что лицо не только осознает общественную опасность своих действий и предвидит наступление общественно опасных последствий, но и желает их наступления. Косвенный умысел характеризуется тем, что лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, но не желает их наступления, а сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично [4].

Неосторожность: Преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без

достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий (легкомыслие) либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть (небрежность). Легкомыслие характеризуется тем, что лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, но без достаточных оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение. Небрежность характеризуется тем, что лицо не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя должно было и могло их предвидеть [4].

Формы вины имеют важное значение для квалификации преступления. Умышленные преступления, как правило, более опасны, чем неосторожные, и за их совершение предусматриваются более строгие наказания.

Мотив - это побуждение, которое движет лицом при совершении преступления. Это внутренняя причина, объясняющая, почему лицо совершило преступление. Мотивы могут быть разнообразными: корысть, ревность, месть, ненависть, политические убеждения и т.д. Мотив не всегда является обязательным признаком состава преступления, но в некоторых случаях он приобретает квалифицирующее значение. Например, убийство из корыстных

побуждений квалифицируется как убийство при отягчающих обстоятельствах (п. "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ) [5].

Цель - это желаемый результат, к которому стремится лицо, совершая преступление. Это мысленная модель будущего, к достижению которой направлены действия преступника. Цель также не всегда является обязательным признаком состава преступления, но в некоторых случаях она может быть квалифицирующим признаком. Например, целью террористического акта является дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений (ст. 205 УК РФ) [5].

Установление субъективной стороны преступления – сложная задача, требующая от правоприменителя глубокого понимания психологии человека и умения анализировать совокупность доказательств. При установлении субъективной стороны необходимо учитывать:

- Объективные признаки преступления: Характер совершенных действий, орудия и средства совершения преступления, место и время совершения преступления.
- Показания обвиняемого, потерпевшего и свидетелей: Анализ содержания показаний, их логичность, последовательность и соответствие другим доказательствам.
- Заключение судебно-психиатрической экспертизы: Определение вменяемости лица и его способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.
- Иные доказательства: письма, записи, электронные сообщения, которые могут свидетельствовать о мотивах и целях преступления [4].

Важно подчеркнуть, что установление субъективной стороны должно осуществляться в строгом соответствии с принципом презумпции невиновности. Бремя доказывания вины лежит на стороне обвинения. Все сомнения в виновности лица, которые не могут быть устранены, толкуются в пользу обвиняемого.

Уголовное право учитывает возможность ошибок в субъективной стороне преступления, которые могут повлиять на квалификацию содеянного. Наиболее распространенными являются фактические и юридические ошибки.

- Фактическая ошибка: заблуждение лица относительно фактических обстоятельств совершаемого деяния. Например, лицо ошибочно полагает, что стреляет в волка, а на самом деле убивает человека. Фактическая ошибка может исключать умысел или неосторожность и, следовательно, уголовную ответственность.

- Юридическая ошибка: заблуждение лица относительно правовой оценки совершаемого деяния, то есть незнание уголовного закона. В соответствии с общим принципом уголовного права, юридическая ошибка не освобождает от уголовной ответственности, хотя она может быть учтена судом при назначении наказания [3].

Субъективная сторона преступления является неотъемлемой частью состава преступления и играет важную роль в установлении вины, квалификации содеянного и индивидуализации наказания. Правильное установление субъективной стороны требует от правоприменителя глубоких знаний уголовного права, психологии и умения анализировать совокупность доказательств.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025).
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева. - 13-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2023.
3. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1: Общая часть / А.В. Наумов. - 6-е изд., перераб. и доп. - Москва: Юрайт, 2023.
4. Рарог, А.И. Уголовное право России. Общая часть: учебник для вузов / А. И. Рарог. — 9-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022.
5. Кругликов, Л.Л. Уголовное право России. Часть Общая: учебник для академического бакалавриата / Л. Л. Кругликов, А. П. Симонов. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2019.

ГАЛЛЯМОВА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – бакалавриат, Челябинский государственный университет, Россия.

Т.А. Батура

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В данной статье проводится комплексный анализ актуальных проблем правового регулирования стадии подготовки к судебному заседанию в российском уголовном судопроизводстве. Автор подробно рассматривает системные противоречия и пробелы в нормах глав 33 и 34 УПК РФ, которые порождают на практике проблемы, связанные с разграничением форм подготовки, определением критериев для возвращения уголовного дела прокурору, объемом правомочий суда и пределов его оценки доказательств на данном этапе. На основе изучения положений уголовно-процессуального закона и правоприменительной практики аргументируется вывод о необходимости совершенствования процессуального законодательства с целью обеспечения эффективности судебного производства, соблюдения прав участников процесса и оптимизации судебной деятельности.

Ключевые слова: *уголовный процесс, подготовка к судебному заседанию, предварительное слушание, основания возвращения дела прокурору, подсудность, доказательства, судья единолично, УПК РФ, правовые пробелы, судебная практика.*

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что стадия подготовки к судебному заседанию занимает критически важное, рубежное положение в системе уголовного судопроизводства России. Являясь переходным звеном между досудебным и судебным производством, она призвана выполнять функцию своеобразного «процессуального фильтра», обеспечивающего как недопущение в судебное разбирательство некачественно расследованных уголовных дел, так и защиту прав граждан от необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Однако действующее правовое регулирование данного института, закрепленное в главах 33 и 34 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [3], демонстрирует ряд системных недостатков и внутренних противоречий, которые не только снижают эффективность этой стадии, но и создают предпосылки для судебных ошибок и волокиты. В условиях продолжающейся судебно-правовой реформы, направленной на оптимизацию процедур и повышение качества правосудия, детальный доктринальный и критический анализ проблем подготовки к судебному заседанию представляется чрезвычайно востребованным [9].

В системе стадий российского уголовного процесса подготовка к судебному заседанию занимает ключевое рубежное положение, выступая необходимым фильтром между досудебным и судебным производством, призванным гарантировать, что в судебное разбирательство поступают лишь те уголовные дела, которые расследованы с надлежащим качеством и достаточны для их разрешения по существу, тем самым обеспечивая защиту прав граждан от необоснованного предания суду и способствуя эффективности отправления правосудия. Правовое регулирование данной стадии, осуществляемое главой 33 «Общий порядок подготовки к судебному заседанию» и главой 34 «Предварительное слушание» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [3], представляет собой детально прописанную, но вместе с тем сложную и внутренне противоречивую процедуру, которая инициируется с момента поступления уголовного дела в суд и заключается в совершении судьей ряда процессуальных действий, направленных на проверку материалов дела и создание условий для его последующего рассмотрения.

Основное содержание правового регулирования раскрывается через последовательность действий судьи. В течение 30 суток со дня поступления уголовного дела в суд, а если обвиняемый содержится под стражей – в течение 15 суток, судья единолично, как это установлено статьей 227 УПК РФ [3], обязан проверить наличие формальных поводов для дальнейшего движения дела. Эта проверка включает установление подсудности уголовного дела данному суду, вменяемости обвиняемого, а также наличия или отсутствия оснований для соединения или выделения уголовных дел. Ключевым элементом данной стадии является оценка судьей законности и обоснованности произведенного уголовного преследования,

поскольку часть 4 статьи 228 УПК РФ [3] прямо обязывает его проверить, нет ли обстоятельств, влекущих прекращение уголовного дела или уголовного преследования, перечисленных в статье 24 и статье 27 УПК РФ соответственно. Результатом этой первоначальной проверки является принятие одного из решений, предусмотренных статьями 236 УПК РФ: о направлении дела по подсудности, о назначении судебного заседания в общем порядке, либо, что наиболее значимо, о назначении предварительного слушания, если возникают вопросы, требующие отдельного разрешения в рамках специальной процедуры [8].

Специфика правового регулирования проявляется в дуализме процессуальных форм подготовки. Общий порядок, регламентированный статьей 231 УПК РФ, применяется при отсутствии оснований для предварительного слушания и завершается вынесением постановления о назначении судебного заседания, в котором фиксируются ключевые процессуальные параметры будущего разбирательства, такие как решение о мере пресечения вплоть до удаления суда в совещательную комнату для ее избрания или продления в порядке статьи 255 УПК РФ [3]. Альтернативной и более сложной формой является предварительное слушание, основания для проведения которого исчерпывающе перечислены в статье 229 УПК РФ. К ним относятся, в частности, ходатайства сторон об исключении доказательства, заявленные в соответствии со статьей 235 УПК РФ, что предполагает проведение состязательной процедуры с исследованием доводов сторон и возможным вызовом свидетелей для установления обстоятельств допущенных нарушений; наличие основания для возвращения дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом по правилам статьи 237 УПК РФ; а также основания для приостановления или прекращения дела, в том числе истечение сроков давности уголовного преследования или наличие не вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению [11]. Особое значение имеет право суда по собственной инициативе назначить предварительное слушание при наличии основания для возвращения дела прокурору, что подчеркивает его активную роль в обеспечении законности на данном этапе.

Основным институтом в системе правового регулирования стадии подготовки, вызывающим наибольшие дискуссии, выступает возвращение уголовного дела прокурору, регламентированное статьей 237 УПК РФ. Законодатель предусмотрел строгий перечень оснований для такого возвращения, который включает, согласно пункту 1 части 1, существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные в ходе дознания или предварительного следствия, которые не могут быть устранены непосредственно в судебном заседании, что на практике толкуется как нарушения, лишаящие участников процесса возможности реализовать свои права, например, непредоставление защитника [6]. Кроме того, основанием является вынесение обвинительного заключения или акта лицом, не уполномоченным на производство по данному уголовному делу; наличие в деле не врученной обвиняемому копии обвинительного заключения; необходимость соединения дел, если это может повлиять на правильность разрешения дела судом; и, что наиболее проблематично, согласно пункту 4 части 1, выявление обстоятельств, свидетельствующих о неполноте произведенного дознания или предварительного следствия, которую невозможно восполнить в суде, что зачастую трактуется как необходимость для стороны обвинения собрать дополнительные доказательства, ставя под удар принцип состязательности [8]. Таким образом, правовое регулирование подготовки к судебному заседанию представляет собой комплексный механизм, направленный на обеспечение законности и обоснованности последующего судебного разбирательства, однако каждая из его норм требует тщательного толкования во избежание нарушений прав участников процесса и извращения сути данной стадии.

Центральной проблемой, с которой сталкивается правоприменитель, является дуализм процессуальных форм подготовки к судебному заседанию и отсутствие четких, объективных критериев для их разграничения. Статья 227 УПК РФ предписывает судье принимать решение в общем порядке, без проведения предварительного слушания, если отсутствуют предусмотренные статьей 229 УПК РФ основания для его назначения. Однако сам перечень этих оснований носит отчасти оценочный и расплывчатый характер. Например, пункт 4 части 2 статьи 229 УПК РФ гласит о наличии «иных оснований», для рассмотрения которых требуется предварительное слушание. Эта законодательная неопределенность порождает на практике широкий судебский усмотрение, что ведет к неединообразному применению закона в разных регионах и даже в рамках одного суда. С одной стороны, судья, стремясь к экономии процессуального времени, может проигнорировать ходатайство стороны о проведении предварительного слушания, даже если для этого имеются разумные предпосылки, тем самым ограничивая возможности защиты. С другой стороны, излишне частное назначение предварительных слушаний по малозначительным поводам способствует процессуальной задержке, противореча принципам разумности срока судопроизводства, закрепленному в статье 6.1 УПК РФ [3].

Наиболее острую и дискуссионную проблему представляет собой институт возвращения уголовного дела прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ. Законодательная конструкция данной нормы, неоднократно менявшаяся, до сих пор содержит серьезные правовые пробелы. В частности, вызывают споры

основания, связанные с «нарушением уголовно-процессуального закона, которое не может быть устранено в судебном заседании» (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 25 декабря 2018 года № 46 попытался дать разъяснения, указав, что под такими нарушениями понимаются существенные нарушения, лишаящие участников процесса возможности реализовать свои права. Однако на практике суды зачастую подходят к этому основанию формально, возвращая дела для устранения технических погрешностей в оформлении документов, что приводит к необоснованному затягиванию производства и нарушению права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство в разумный срок. Другим спорным моментом является основание, предусмотренное пунктом 4 части 1 статьи 237 УПК РФ – наличие обстоятельств, свидетельствующих о неполноте произведенного дознания или предварительного следствия, которую невозможно восполнить в суде. Данная формулировка создает опасный прецедент, когда суд, по сути, подменяет собой органы обвинения, указывая прокурору на необходимость собрать дополнительные доказательства для укрепления позиции стороны обвинения. Это прямо противоречит принципу состязательности сторон (статья 15 УПК РФ), согласно которому суд не является органом уголовного преследования и не должен выступать на стороне обвинения или защиты [10].

Еще одним значимым аспектом проблемы является вопрос о пределах оценки доказательств судьей на стадии подготовки. Согласно части 4 статьи 228 УПК РФ, судья, проверяя поступившее в суд уголовное дело, обязан убедиться в наличии достаточных доказательств для рассмотрения дела в суде. В то же время, в соответствии с частью 5 статьи 235 УПК РФ [3], в ходе предварительного слушания судья вправе по ходатайству сторон исключить доказательство, если оно было получено с нарушением требований УПК РФ. Это порождает коллизию: с одной стороны, судья не должен предрешать вопрос о виновности, что является прерогативой суда, рассматривающего дело по существу, а с другой – он обязан оценить достаточность доказательств и их допустимость. На практике это приводит к тому, что судьи, опасаясь выйти за рамки своих полномочий, ограничиваются формальной проверкой комплектности материалов дела, не вдаваясь в их качественную оценку, что сводит на нет фильтрационную функцию стадии [5]. Более того, отсутствие в УПК РФ четкого регламента процедуры такой оценки на данном этапе создает почву для произвольных решений.

Нельзя обойти вниманием и проблему, связанную с разрешением вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу или продлении его срока на стадии подготовки. Зачастую данная процедура, регламентированная статьей 255 УПК РФ, превращается в формальность, поскольку судья, не погружаясь глубоко в материалы дела, вынужден полагаться на позицию стороны обвинения, изложенную в постановлении о возбуждении ходатайства. Это приводит к тому, что лицо, чья вина еще не установлена приговором, может длительное время находиться в следственном изоляторе, лишь потому, что суд на стадии подготовки не обладает эффективными механизмами для проверки обоснованности таких ходатайств [9].

В заключение необходимо констатировать, что современное правовое регулирование стадии подготовки к судебному заседанию в уголовном процессе России характеризуется наличием многочисленных пробелов и противоречий, которые существенно затрудняют ее выполнение в качестве эффективного процессуального фильтра. Дуализм процессуальных форм, нечеткость критериев для возвращения дела прокурору, размытость пределов оценки доказательств и формальный подход к избранию меры пресечения – все это системные проблемы, требующие законодательного решения [7]. В целях совершенствования данного института представляется целесообразным более детально регламентировать в УПК РФ основания для проведения предварительного слушания, ужесточить критерии для возвращения дела прокурору, исключив возможность его возврата для «усиления» обвинения, а также четко определить процедуру и границы оценки доказательств судьей на данном этапе. Только так можно обеспечить реализацию конституционных принципов справедливого правосудия, состязательности и презумпции невиновности, а также повысить общее качество и эффективность уголовного судопроизводства.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: текст с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года]. Москва, 2020. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации :Федер. закон от 13 июня. 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня. 1996 г. – Доступ из справочно-правовой системы Консультант-Плюс. – Текст: электронный.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 ноя. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
4. Верховод А.С., Нохрин Г.А. Деятельность государственного обвинителя на этапе подготовки уголовного дела к судебному заседанию // Студенческий вестник. – 2025. – № 19-4 (352). – С. 24-25.

5. Володина Т.Е. Актуальные проблемы подготовки уголовного дела к судебному заседанию // В Университетские правовые диалоги: голос молодых – University law dialogues: voice of the youth. Материалы XX Международной научно-практической конференции молодых исследователей. Челябинск, 2024. С. – 255-257.

6. Гусейнов Р.Г. Деятельность помощника судьи, секретаря судебного заседания на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию // Уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы сегодняшнего дня. сборник материалов Всероссийской научной студенческой конференции. Пермь, 2025. – С. 32-34.

7. Гусейнов Р.Г. Регламентация стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию в Постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации // Проблемы становления гражданского общества. Сборник статей Международной научной студенческой конференции. В 2-х частях. Иркутск, 2025. – С. 295-298.

8. Козичук Е.К. Основные задачи подготовки уголовного дела к судебному заседанию // Вестник науки. – 2024. – Т. 2. – № 4 (73). – С. 256-261.

9. Кузьяева М.В., Кузнецова П.М. Подготовка прокурорами государственного обвинения в судебных стадиях уголовного судопроизводства // Молодой исследователь: вызовы и перспективы. Сборник статей по материалам СССLVIII международной научно-практической конференции. Москва, 2024. – С. 385-390.

10. Махмадалиева А.А., Романовская И.В. Состояние и перспективы развития института подготовки уголовного дела к судебному разбирательству // Всероссийский научный журнал – Вопросы права. – 2025. – № 2. – С. 94-99.

11. Морозова П.Д. Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству // Молодой ученый. – 2025. – № 19 (570). – С. 284-287.

БАТУРО ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА – магистрант, Байкальский государственный университет, Россия.

Ф.О. Белов

РЕШЕНИЕ, СУДЕБНЫЙ ПРИКАЗ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В данной статье рассматриваются ключевые аспекты решений, судебных приказов и определений судов в гражданском процессе. Обсуждаются их юридические характеристики, процессуальные особенности, а также роль в системе правосудия. Уделено внимание различиям между этими правовыми актами, их назначениям и последствиям для сторон процесса. Цель статьи — проанализировать влияние их применения на защиту прав и законных интересов граждан и организаций.

Ключевые слова: гражданский процесс, решение суда, судебный приказ, определение суда, правосудие, процессуальные особенности, защита прав, законные интересы.

В условиях современной действительности Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [2] содержит ряд норм, регулирующих порядок принятия и исполнения решений, судебных приказов и определений судов. Эти правовые акты являются основными инструментами защиты прав и интересов участников гражданского процесса.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что Решения, судебные приказы и определения судов являются основополагающими элементами гражданского процесса. Понимание их особенностей, функций и последствий для сторон способствует более эффективной защите прав и законных интересов. Важно, чтобы участники процесса осознавали разницу между этими актами и умели правильно их применять.

Решение суда – это основной акт, который выносится судом по существу дела и содержит окончательные выводы о законности или незаконности требований сторон. Оно должно быть мотивированным, содержать указание на фактические основания и применение норм права. Решение суда вступает в законную силу и подлежит исполнению после истечения срока обжалования. Решение суда рассматривает и разрешает спор сторон по существу. Включает в себя фактические и правовые основания. [7] Решение суда должно быть обосновано и содержать ссылки на законы и другие источники права. Вступает в законную силу по истечении срока на обжалование (если не подан апелляционный или кассационный жалоба). Решение подлежит принудительному исполнению через судебных приставов.

Юридические характеристики: [5]

1. Решение выносится по существу дела и имеет обязательную силу для сторон.
2. Должно содержать анализ фактов, ссылок на нормы права и процессуальные действия сторон.
3. Подлежит принудительному исполнению через судебных приставов.

Процессуальные особенности: вынесение решения происходит в ходе судебного разбирательства, где стороны представляют свои доказательства, может быть обжаловано в апелляционном, кассационном или надзорном порядке, установлены специальные процессуальные сроки для принятия окончательного решения.

Роль в системе правосудия: является конечной стадией в гражданском процессе, разрешая споры и конфликты, участие в формировании судебной практики и толковании норм права, а также способствует обеспечению прав и законных интересов граждан и юридических лиц. [4]

Судебный приказ – это упрощенная форма судебного акта, применяемая в случаях, когда требования истца являются ясными и бесспорными. Судебный приказ может быть вынесен без проведения слушания. Он обладает такой же юридической силой, как и решение суда, но может быть оспорен в более сжатые сроки. Выносится без судебного разбирательства, на основании представленных документов. Обычно применяется для взыскания долгов, алиментов и других финансовых требований, может быть обжалован в течение 10 дней с момента его получения ответчиком. Имеет такую же силу, как и решение суда, если не отменен. [8]

Юридические характеристики:

1. Простота и быстрота: вынесение приказа осуществляется без судебного разбирательства и рассматривается по упрощенной процедуре.

2. Обязательность: обладает такой же силой, как и общее решение суда, если не отменен ответчиком.

3. Специфика исков: применяется для определенных категорий дел, которые обычно касаются финансовых требований.

Процессуальные особенности: по подаче заявления истца суд рассматривает его в кратчайшие сроки, ответчик имеет 10 дней для обжалования приказа с момента его получения, не требует вызова сторон, что значительно сокращает время.

Роль в системе правосудия: обеспечивает успешное разрешение бесспорных требований и уменьшает нагрузку на суды. Количество судебных разбирательств сокращается, что, в свою очередь, способствует ускорению правосудия.

Определение суда – это процессуальный акт, который не разрешает дело по существу, а регулирует отдельные процессуальные моменты, такие как назначение экспертизы, отложение слушания или приостановление производства. Определение также может быть обжаловано, но его содержание и цель отличны от решений и приказов. Может касаться отложения разбирательства, назначения экспертиз, вызова свидетелей и других мелких вопросов. Обжалуется только в тех случаях, когда специальным образом предусмотрено законом и не содержит итогового решения по делу, но важно для хода его разбирательства. [6]

Юридические характеристики: не является финальным решением, а служит для решения узких аспектов дела, влияет на ход производства, но не разрешает спор по существу.

Процессуальные особенности: может приниматься как на основании инициативы суда, так и по ходатайству сторон, обжалование возможно только в тех случаях, когда это предусмотрено законом, установлены четкие сроки на принятие и вынесение определений.

Роль в системе правосудия: определяет порядок и условия, в которых проходит судебное разбирательство, обеспечивая его эффективность, а также является важным инструментом для достижения справедливости, упорядочивания и установления правил ведения дел. [5]

Рассмотрим основные проблемы в сфере решений, судебных приказов и определений судов, а также проанализируем их влияние на защиту прав и законных интересов граждан и организаций.

Первая проблема – это сложные судебные процессы могут затягиваться из-за перегруженности судов, неправильного распределения дел и отсутствия необходимых ресурсов. Задержки в рассмотрении дел могут приводить к нарушениям прав граждан, затягивая защиту законных интересов.

Вторая проблема – это несоблюдение сроков. Часто возникают случаи, когда суды не соблюдают установленные законом сроки для вынесения решений или определений, что создает неравные условия для сторон, нарушая принцип быстрого и эффективного правосудия.

Третья проблема – это неопределенность норм и процедур. Так, в некоторых случаях может отсутствовать четкое регулирование процессов, создавая неопределенность для судов и сторон. Такой неопределенный подход может привести к произвольным решениям и неэффективному осуществлению правосудия.

Четвертая проблема – это доступность правосудия. Так, высокие судебные издержки и сложные процессуальные требования могут ограничивать доступ граждан к правосудию, что негативно сказывается на защите прав, особенно у уязвимых групп населения и меньшинств.

Пятая проблема – это качество решений. Временные и финансовые ограничения могут приводить к недостаточному анализу дел, что снижает качество судебных решений. Низкое качество решений может привести к ошибочным выводам и, как следствие, к дополнительным обжалованиям.

Шестая проблема – сложности с исполнением судебных решений. Исполнение судебных решений часто затрудняется, особенно в случае противостояния между сторонами или отсутствия имущества у должника, что подрывает доверие к судебной системе и делает бессмысленным процесс правосудия.

Определим особенности и дадим оценку влиянию на защиту прав и законных интересов. [7]

1. Эффективность защиты прав: при быстром и качественном разрешении споров суды могут эффективно защищать права и законные интересы граждан и организаций, предотвращая злоупотребления.

2. Прецедент для будущих дел: хорошо обоснованные решения судов создают прецеденты, которые могут служить основой для защиты прав в будущих спорах и повышают предсказуемость правовой системы.

3. Улучшение правовой культуры: эффективное применение судебных приказов и определений способствует формированию правовой культуры, где граждане и организации понимают свои права и обязанности.

4. Снижение конфликтности: быстрая и доступная судебная система позволяет снижать уровень конфликта между сторонами, позволяя им более эффективно взаимодействовать в рамках правового поля.

5. Участие в формировании законодательства: анализ решений и приказов судов позволяет выявлять недостатки в законодательстве, что может способствовать его улучшению и адаптации к реальным потребностям общества.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на то, что судебные решения, приказы и определения играют важнейшую роль в защите прав и законных интересов граждан и организаций, существует множество проблем, требующих решения. Эффективность судебной системы зависит как от качества работы судов, так и от того, насколько доступен механизм защиты прав для всех слоев населения. Улучшение процессуальных норм и их применение в практике — это ключ к укреплению правовой системы и обеспечению правосудия.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: текст с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года]. Москва, 2020. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
3. Габазов Т.С. Защита интересов службы исполнения наказания в гражданском процессе: анализ постановлений суда первой инстанции // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2023. № 1 (21).
4. Касьянова А.А., Кучина Н.О. Актуальные проблемы института приказного производства в гражданском судопроизводстве // Правовая система и вызовы современности. Материалы XX Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Уфа, 2025.
5. Лаптев В.А. Решение суда: элементы, форма и содержание // Российская юстиция. 2024. № 5.
6. Магомедов А.А. К вопросу об объектах пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 2.
7. Нестолый В.Г. Промежуточные решения суда в сокращенных производствах // Пролог: журнал о праве. 2025. № 4 (40).
8. Харченко Е.В., Пулатов А.Х., Гармашев М.А. Проблемы обращения взыскания на имущество должника // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 104-10.

БЕЛОВ ФИЛИПП ОЛЕГОВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

М.К. Жмур

РЕШЕНИЕ, СУДЕБНЫЙ ПРИКАЗ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится комплексный анализ судебных постановлений в гражданском процессе, выносимых судом первой инстанции. Рассматриваются сущность, признаки и функциональное назначение трех ключевых видов постановлений: решения суда, судебного приказа и определения. Особое внимание уделяется их сравнительно-правовой характеристике, процедуре вынесения и юридическим последствиям. Автор, опираясь на нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), выявляет общие черты и принципиальные отличия между данными процессуальными актами, а также подчеркивает их роль в обеспечении эффективности и доступности правосудия. Исследование актуально в свете продолжающегося реформирования гражданского процессуального законодательства, направленного на оптимизацию судопроизводства.

Ключевые слова: гражданский процесс, судебное решение, судебный приказ, определение суда, постановление, ГПК РФ, правосудие, исковое производство, приказное производство.

Система судебных постановлений является структурным каркасом гражданского процесса, определяющим движение дела и окончательное разрешение правового конфликта. Согласно статье 13 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [2], суды принимают судебные постановления в форме судебных приказов, решений суда, определений суда, постановлений президиума суда надзорной инстанции. Каждое из этих постановлений обладает собственной юридической природой, предназначением и процессуальным режимом. Наиболее значимыми для разрешения дела по существу в суде первой инстанции выступают решение суда и судебный приказ, в то время как определение суда служит инструментом решения разнообразных вопросов, возникающих на протяжении всего судопроизводства [9]. Понимание их дифференциации и взаимосвязи имеет фундаментальное значение как для теории гражданского процессуального права, так и для судебной практики.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в условиях роста судебной нагрузки особую значимость приобретает эффективное распределение дел между различными процедурными формами. Институт судебного приказа, как упрощенное производство, призван разгрузить суды от рассмотрения бесспорных требований, однако на практике его применение сталкивается с проблемами, связанными с исполнением и оспариванием. Во-вторых, качество судебного решения – это прямой показатель качества правосудия, поскольку именно в этом акте реализуется главная цель процесса – защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов. Требования законности, обоснованности и справедливости решения, закрепленные в статье 195 ГПК РФ [2], находятся в постоянном фокусе внимания высших судебных инстанций. В-третьих, определения суда, будучи многочисленными и разнообразными, обеспечивают динамику процесса, и ошибки в их вынесении могут привести к существенным нарушениям прав участников судопроизводства. Таким образом, углубленное исследование системы судебных постановлений позволяет выявить пути совершенствования гражданской процессуальной формы и повышения гарантий защиты прав граждан и организаций.

Центральное место в системе постановлений суда первой инстанции занимает решение суда [10]. Это постановление, которым дело разрешается по существу, и которое выносится в результате рассмотрения искового или особого производства. Его правовая сущность заключается в том, что оно является властным актом органа государственной власти, который прекращает спор о праве и восстанавливает нарушенные права. Только решением суда осуществляется правовая квалификация отношений сторон, устанавливаются их права и обязанности. Требования к судебному решению детально регламентированы законом. Согласно статье 198 ГПК РФ, решение суда излагается в письменной форме и состоит из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей. Каждая часть выполняет строго определенную функцию: от идентификации участников и суда до формулировки окончательного вывода суда.

Важнейшим свойством судебного решения является его законная сила, которая возникает по истечении срока на апелляционное обжалование, если оно не было обжаловано (статья 209 ГПК РФ) [2]. Законная сила решения проявляется в ряде правовых последствий, таких как неопровержимость (невозможность обжалования в обычном порядке), исключительность (невозможность повторного рассмотрения тождественного спора), преюдициальность (обязательность установленных судом фактов для других дел с участием тех же лиц) и исполнимость (возможность принудительной реализации). Именно исполнимостью решение суда кардинально отличается от судебного приказа, который сам является исполнительным документом.

Судебный приказ представляет собой постановление судьи, вынесенное по заявлению о взыскании денежных средств или об истребовании движимого имущества от должника по требованиям, исчерпывающе перечисленным в статье 122 ГПК РФ. К ним относятся, в частности, требования, основанные на нотариально удостоверенной сделке, требования о взыскании алиментов, недоимок по налогам и сборам и другие. Особенностью приказного производства является его бесспорность и отсутствие стадии судебного разбирательства с вызовом сторон и исследованием доказательств. Судья выносит судебный приказ единолично на основании представленных документов, что делает эту процедуру значительно более быстрой и экономичной по сравнению с исковым производством [12].

Юридическая природа судебного приказа двойственна: он одновременно является и судебным постановлением, и исполнительным документом. В соответствии с частью 2 статьи 130 ГПК РФ [2], для исполнения судебного приказа не требуется выдача отдельного исполнительного листа. Это существенно ускоряет процесс принудительного исполнения. Однако эта же особенность обуславливает специфический порядок его отмены. Если должник в установленный срок (20 дней со дня получения приказа) заявит возражения относительно его исполнения, судья отменяет судебный приказ (статья 129 ГПК РФ). В этом случае заявитель не лишается права на защиту, но может обратиться в суд в порядке искового производства, где его требование будет исследовано с участием обеих сторон. Таким образом, судебный приказ служит фильтром, отсеивающим бесспорные требования и освобождающим суды от их полноценного рассмотрения [8].

Определение суда – это вид судебного постановления, которым дело не разрешается по существу. Согласно статье 224 ГПК РФ [2], определения суда выносятся по самым разнообразным вопросам, возникающим в ходе судопроизводства. Их можно классифицировать по целям: подготовительные (например, о принятии искового заявления, о подготовке дела), пресекающие (о прекращении производства по делу, об оставлении заявления без рассмотрения), заключительные (о утверждении мирового соглашения) и т.д. Определения могут выноситься в виде отдельного процессуального документа (например, определение о назначении экспертизы) или протоколно, то есть заноситься в протокол судебного заседания без составления отдельного документа [9].

Несмотря на то, что определения не разрешают спор по существу, их роль чрезвычайно важна. Они обеспечивают нормальное развитие процесса, реализацию прав и обязанностей участников, а также устраняют препятствия для дальнейшего движения дела [13]. Законность и обоснованность определений также могут быть проверены вышестоящей инстанцией, хотя порядок их обжалования различен. Как правило, частная жалоба может быть подана только на те определения, которые прямо указаны в ГПК РФ, либо которые исключают возможность дальнейшего движения дела (статья 331 ГПК РФ) [2]. Это подчеркивает вспомогательный, но критически необходимый характер данной формы судебного постановления.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что решение суда, судебный приказ и определение суда, будучи видами судебных постановлений, образуют стройную и взаимообусловленную систему в гражданском процессе. Решение суда выступает конечной целью искового производства, актом, осуществляющим правосудие по наиболее сложным и спорным делам. Судебный приказ является эффективным инструментом защиты в бесспорных ситуациях, сочетающим в себе черты судебного и исполнительного акта [6]. Определения же суда служат «нервной системой» процесса, связывая все его стадии в единое целое и обеспечивая соблюдение процессуальных норм. Дифференциация этих процессуальных форм отражает стремление законодателя к созданию гибкой, эффективной и справедливой системы гражданского судопроизводства, адекватно реагирующей на характер и сложность разрешаемого правового конфликта. Дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено на уточнение критериев отнесения дел к тому или иному виду производства и усиление гарантий прав участников процесса при вынесении всех видов судебных постановлений [14].

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, институт судебных постановлений в российском гражданском процессе продолжает сталкиваться с рядом системных проблем, которые снижают его эффективность и затрудняют доступность правосудия. К числу таких проблем относится недостаточная реализация потенциала приказного производства, связанная с неоправданно широким правом должника на безусловную отмену судебного приказа путем заявления возражений без их мотивировки, что предусмотрено статьей 129 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее –

ГПК РФ) [2]. Данная процедура, будучи важной гарантией прав должника, зачастую превращается в инструмент злоупотребления процессуальными правами, позволяя недобросовестному участнику легко блокировать бесспорное, по своей сути, требование и вынуждая взыскателя обращаться в исковое производство, что сводит на нет экономию времени и ресурсов. Другой острой проблемой является недостаточная ясность и противоречивость судебной практики, касающейся оснований отмены судебных решений в апелляции в связи с неправильным определением обстоятельств, имеющих значение для дела (статья 330 ГПК РФ), а также из-за несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам. Это приводит к правовой неопределенности и ослабляет принцип стабильности судебного акта. Кроме того, наблюдается пробельность в регулировании процессуального статуса определений суда, выносимых в форме протокольных определений, в части гарантий их своевременного и полного обжалования, поскольку текущая редакция статьи 224 ГПК РФ не обеспечивает в полной мере право сторон на получение мотивированного протокольного определения [13].

Пути совершенствования российского законодательства в данной сфере видятся в последовательной модернизации соответствующих институтов. Для повышения эффективности приказного производства целесообразно внести изменения в статью 129 ГПК РФ, предусмотрев обязанность должника при заявлении возражений против исполнения судебного приказа предоставить хотя бы минимальную аргументацию, подтверждающую наличие спора о праве [11]. Это позволит отфильтровать добросовестные возражения от явных злоупотребительных практик. В целях унификации судебной практики и укрепления стабильности судебных решений необходимо на уровне разъяснений Верховного Суда РФ дать более четкие критерии оценки несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, акцентировав внимание на том, что апелляционная инстанция не вправе произвольно подменять оценку доказательств, данную судом первой инстанции, за исключением случаев явной нелогичности и противоречивости таких выводов. Для устранения пробелов в регулировании протокольных определений следует дополнить статью 224 ГПК РФ положением, обязывающим суд по ходатайству лица, участвующего в деле, составлять мотивированное определение в виде отдельного процессуального документа, если протокольное определение затрагивает существенные права этого лица и препятствует дальнейшему движению дела, что обеспечивает реальную возможность для его проверки в апелляционном порядке [10].

В заключение можно констатировать, что дальнейшее развитие гражданского процессуального законодательства о судебных постановлениях должно быть направлено на достижение баланса между такими фундаментальными принципами, как доступность, эффективность, стабильность и справедливость судебной защиты. Предложенные меры по дифференциации процедуры отмены судебного приказа, унификации подходов к оценке законности и обоснованности решений и усилению гарантий обжалования определений суда призваны минимизировать злоупотребления процессуальными правами, повысить предсказуемость судебной практики и укрепить авторитет судебной власти в целом [13]. Совершенствование механизма вынесения и обжалования судебных постановлений является не техническим, а стратегическим направлением реформы, непосредственно влияющим на качество отправления правосудия и уровень доверия граждан к суду.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: текст с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года]. – Москва, 2020. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 № 44 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих на стадии исполнения судебных актов». – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
4. Габазов Т.С. Защита интересов службы исполнения наказания в гражданском процессе: анализ постановлений суда первой инстанции // Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2023. – № 1 (21).
5. Ефимова В.В. Злоупотребление процессуальными правами в приказном производстве: проблемы и пути противодействия // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 7.
6. Касьянова А.А., Кучина Н.О. Актуальные проблемы института приказного производства в гражданском судопроизводстве // Правовая система и вызовы современности: материалы XX Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Уфа, 2025.
7. Лаптев В.А. Решение суда: элементы, форма и содержание // Российская юстиция. – 2024. – № 5.
8. Магомедов А.А. К вопросу об объектах пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам // Образование. Наука. Научные кадры. – 2025. – № 2.
9. Нестолый В.Г. Промежуточные решения суда в сокращенных производствах // Пролог: журнал о праве. – 2025. – № 4 (40).

10.Осипов А.К. Пробелы в регулировании протокольных определений суда первой инстанции // Вестник гражданского процесса. – 2023. – № 6.

11.Семенова А.Р. Стабильность судебного решения как принцип гражданского судопроизводства // Закон. – 2024. – № 3.

12.Харченко Е.В., Пулатов А.Х., Гармашев М.А. Проблемы обращения взыскания на имущество должника // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 104-10.

ЖМУР МАРИЯ КОНСТАНТИНОВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Е.А. Жуков

ДОГОВОР РЕНТЫ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

В данной статье проводится комплексный анализ договора ренты как одного из институтов современного гражданского права Российской Федерации. Автор детально исследует правовую природу и сущность данного договора, выделяя его ключевые квалифицирующие признаки: алеаторный (рисковый) характер, особый субъектный состав и специфику предмета обязательства. Особое внимание уделяется сравнительно-правовой характеристике видов ренты: постоянной, пожизненной и пожизненного содержания с иждивением. На основе анализа действующего гражданского законодательства (Глава 33 Гражданского кодекса РФ) выявляются особенности правового регулирования каждого вида, а также права и обязанности сторон. Целью работы является формирование целостного научного представления о договоре ренты, его видовой дифференциации и практической значимости в имущественном обороте.

Ключевые слова: договор ренты, постоянная рента, пожизненная рента, пожизненное содержание с иждивением, плательщик ренты, получатель ренты, рентные обязательства, Гражданский кодекс РФ, алеаторный риск, недвижимое имущество.

Институт ренты, будучи заимствованным из правовых систем стран континентальной Европы, прочно укоренился в российском гражданском праве, заняв свою нишу в регулировании отношений по отчуждению имущества в обмен на предоставление регулярного дохода или содержания [9]. Актуальность его исследования обусловлена как социально-экономическими факторами, в частности, потребностью граждан в обеспечении стабильного материального положения, особенно в преклонном возрасте, так и сложностью правовой конструкции, порождающей множество вопросов в теории и судебной практике. Договор ренты представляет собой уникальный синтез элементов, присущих обязательствам по передаче имущества в собственность и обязательствам по предоставлению периодических платежей или содержания, что обуславливает его специальное правовое регулирование в рамках Главы 33 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Легальное определение договора ренты закреплено в статье 583 ГК РФ, согласно которой по договору ренты одна сторона (получатель ренты) передает другой стороне (плательщику ренты) в собственность имущество, а плательщик ренты обязуется в обмен на полученное имущество периодически выплачивать получателю ренту в виде определенной денежной суммы либо предоставлять средства на его содержание в иной форме [13]. Сущность данного договора раскрывается через ряд характерных признаков. Во-первых, он является реальным, поскольку считается заключенным с момента передачи имущества под выплату ренты, если стороны не договорились о регистрации его в качестве консенсуального в случаях, предусмотренных статьей 584 ГК РФ. Во-вторых, договор носит возмездный характер, однако степень эквивалентности встречных предоставлений (стоимости переданного имущества и совокупности рентных платежей) изначально не определена и может быть существенно нарушена в пользу одной из сторон в зависимости от срока действия обязательства, что подводит нас к третьему признаку – алеаторному (рисковому) характеру [9]. Риск случайной гибели или повреждения переданного имущества, за исключением случаев, когда это произошло по вине плательщика или после получения имущества он проявил недобросовестность, несет плательщик ренты, который не освобождается от обязанности по ее выплате (статья 600 ГК РФ) [1]. Это краеугольный камень всей конструкции, отличающий ее от иных договоров по отчуждению имущества.

Предмет договора ренты сложносоставной: с одной стороны, это имущество, передаваемое под выплату ренты (которым может быть любое движимое и недвижимое имущество, включая деньги и ценные бумаги), а с другой – сама рента, то есть периодические платежи или предоставление средств на содержание в натуре. Особый субъектный состав характеризуется тем, что получателем ренты, как правило, являются граждане, причем в договоре пожизненной ренты или пожизненного содержания с иждивением – исключительно граждане, а в случае постоянной ренты – также некоммерческие организации, если это не противоречит их правоспособности и целям деятельности. Закон предъявляет строгие требо-

вания к форме договора: он подлежит обязательному нотариальному удостоверению, а договор, предусматривающий отчуждение недвижимого имущества под выплату ренты, подлежит государственной регистрации (статья 584 ГК РФ) [1]. Несоблюдение этих требований влечет недействительность договора, что подчеркивает его значимость и необходимость повышенных гарантий для защищаемой законом стороны – получателя ренты.

Действующее законодательство предусматривает три самостоятельных вида рентных обязательств: постоянная рента, пожизненная рента и пожизненное содержание с иждивением. Критериями для их разграничения служат срок действия обязательства, субъектный состав получателей, форма и способ предоставления содержания, а также порядок правопреемства.

Постоянная рента, регламентированная § 2 Главы 33 ГК РФ [1], имеет бессрочный характер, что означает возложение на плательщика обязанности по выплате ренты на весь период его существования как юридического лица или деятельности как гражданина. Права получателя ренты могут переходить к другим лицам путем уступки требования и даже переходить по наследству или в порядке правопреемства при реорганизации юридического лица, что делает этот вид ренты оборотоспособным. Существенной особенностью является возможность выкупа ренты плательщиком (статья 592 ГК РФ) или требования выкупа получателем в случаях, строго оговоренных законом (статья 593 ГК РФ), например, при просрочке выплаты более чем на один год, нарушении плательщиком обязательств по обеспечению выплаты ренты или его неплатежеспособности. Выкупная цена определяется договором, а при ее отсутствии – равна годовой сумме подлежащей выплате ренты.

Пожизненная рента (§ 3 Главы 33 ГК РФ) [1] устанавливается на период жизни получателя ренты. В качестве получателя здесь может выступать только гражданин, а в случае, если имущество отчуждается под выплату ренты нескольким гражданам, их доли в праве на получение ренты считаются равными, если иное не предусмотрено договором, а в случае смерти одного из них его доля переходит к пережившим его получателям ренты, если договором не установлено иное (статья 596 ГК РФ). Данный вид ренты характеризуется строгой персональной связью и прекращается со смертью последнего получателя. Закон жестко регламентирует форму предоставления содержания – это исключительно денежные суммы, выплачиваемые периодически в течение всей жизни получателя. Размер ренты является существенным условием договора и в расчете на месяц должен быть не менее величины прожиточного минимума на душу населения в соответствующем субъекте РФ, а при его отсутствии – не менее величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации (статья 597 ГК РФ), с последующей индексацией.

Наиболее социально ориентированной и сложной по своей правовой конструкции является рента в форме пожизненного содержания с иждивением (§ 4 Главы 33 ГК РФ) [1]. По данному договору получатель ренты – гражданин передает принадлежащие ему жилой дом, квартиру, земельный участок или иную недвижимость в собственность плательщика ренты, который обязуется осуществлять пожизненное содержание с иждивением этого гражданина и (или) указанного им третьего лица (лиц). Особенность заключается в возможности предоставления содержания как в денежной, так и в натуральной форме (обеспечение потребностей в жилище, питании, одежде, оплата медицинских и ритуальных услуг). Закон требует, чтобы в договоре была определена общая стоимость всего объема содержания с иждивением, при этом она в расчете на месяц не может быть менее двух величин прожиточного минимума на душу населения в соответствующем субъекте РФ (статья 602 ГК РФ) [1]. Важнейшей гарантией для получателя ренты является правило о том, что плательщик вправе отчуждать, сдавать в залог или иным способом обременять недвижимое имущество, переданное ему под выплату ренты, только с предварительного согласия получателя ренты. Это прямо закреплено в статье 604 ГК РФ и направлено на защиту интересов слабой стороны договора [15].

Таким образом, договор ренты представляет собой самостоятельный, комплексный гражданско-правовой институт, выполняющий важную социальную функцию обеспечения стабильного материального положения граждан, прежде всего преклонного возраста. Его правовая природа, сочетающая элементы обязательств по передаче имущества и по предоставлению периодического содержания, отягощенная значительным алеаторным риском для плательщика, обусловила формирование специального правового режима, отличного от режима купли-продажи или дарения. Дифференциация на постоянную, пожизненную ренту и пожизненное содержание с иждивением позволяет гибко подходить к удовлетворению потребностей участников гражданского оборота, предлагая им различные модели баланса интересов [12]. Жесткие требования к форме, необходимость нотариального удостоверения и государственной регистрации, а также установленные законом многочисленные гарантии для получателя ренты (минимальный размер содержания, условия выкупа, ограничения на распоряжение имуществом) свидетельствуют о повышенном внимании законодателя к данному институту и его защитной направленности. Дальнейшее совершенствование законодательства о ренте видится в детализации механизма оценки и

индексации рентных платежей, а также в условия расторжения договора в судебном порядке для минимизации потенциальных споров между сторонами.

Несмотря на детальную регламентацию главой 33 Гражданского кодекса Российской Федерации рентных отношений, правоприменительная практика сталкивается с целым комплексом системных проблем, порожденных внутренними противоречиями законодательства, его неполнотой и социально-алеаторной природой самих отношений. Наличие этих проблем объективно свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования гражданского законодательства в данной сфере. Ключевой проблемой является дисбаланс между алеаторным (рисковым) характером договора для плательщика и социальной защищенностью получателя ренты, который зачастую формально провозглашается, но на практике не обеспечивается действенными механизмами. Так, законодатель, устанавливая императивный минимальный размер пожизненной ренты и пожизненного содержания, привязанный к величине прожиточного минимума (статьи 597, 602 ГК РФ) [1], оставляет без внимания вопрос о соразмерности стоимости отчужденного имущества и совокупного объема рентных обязательств. Отсутствие в законе даже ориентировочных критериев такой соразмерности (например, путем установления зависимости от минимального размера оплаты труда или стоимости переданной недвижимости) приводит к заключению кабальных сделок, где плательщик, получая квартиру, обязуется содержать получателя ренты в течение условно возможных 20-30 лет, что при изменении экономической ситуации может сделать исполнение договора разорительным, а с другой стороны, к ситуациям, когда получатель ренты, передав дорогостоящее имущество, получает лишь минимально гарантированный законом уровень содержания, что не соответствует принципу эквивалентности в возмездных обязательствах [14].

Еще одной острой проблемой является недостаточная регламентация формы и порядка предоставления содержания при договоре пожизненного содержания с иждивением. Закон обязывает стороны определить в договоре стоимость всего объема содержания в месяц, но не содержит перечня необходимых потребностей получателя ренты, их качественных и количественных параметров. Это приводит к тому, что на практике договоры часто заключаются с использованием крайне расплывчатых формулировок («обеспечение питанием по требованию», «приобретение одежды по сезону»), что порождает многочисленные споры и затрудняет судебную защиту в случае ненадлежащего исполнения плательщиком своих обязанностей. Получатель ренты, будучи экономически слабой стороной, зачастую лишен возможности реально контролировать качество предоставляемых услуг и ухода, а бремя доказывания факта неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств ложится именно на него, что в условиях преклонного возраста и ограниченной дееспособности представляется крайне затруднительным [12].

Серьезным пробелом является отсутствие эффективного механизма контроля и обеспечения устойчивости рентного обязательства, особенно в долгосрочной перспективе. Нормы об обеспечении выплаты ренты (статья 587 ГК РФ) носят диспозитивный характер и зачастую игнорируются сторонами, а последствием их несоблюдения является лишь право получателя требовать выкупа ренты, что не всегда соответствует его интересам, особенно если целью было именно регулярное содержание, а не единовременная выплата. Кроме того, закон не предусматривает никаких уведомительных или контрольных процедур со стороны государства (например, через институт опеки и попечительства или нотариата) за дальнейшим исполнением уже заключенного договора, что ставит получателя ренты, который выполнил свою обязанность по передаче имущества, в полную зависимость от добросовестности плательщика.

Пути совершенствования законодательства видятся в следующем комплексе мер. Во-первых, необходима дифференциация правового регулирования в зависимости от вида переданного имущества и срока возможного исполнения. Целесообразно внести в ГК РФ изменения, устанавливающие рекомендательные методики расчета предполагаемого объема рентных платежей относительно рыночной стоимости отчуждаемого имущества, что позволит нотариусу при удостоверении договора проверять его на предмет явной кабальности. Во-вторых, для повышения определенности обязательства по содержанию необходимо законодательно закрепить примерный перечень видов обеспечения, которые могут быть включены в договор пожизненного содержания с иждивением, с возможностью их денежной оценки, а также ввести правило о преимущественном толковании судом любых неясных условий договора в пользу получателя ренты [14]. В-третьих, в целях повышения гарантий следует усилить роль нотариата и органов опеки на стадии исполнения договора, предусмотрев обязанность плательщика ежегодно предоставлять нотариусу отчет об исполнении своих обязательств (приобретенные товары, оказанные услуги, произведенные платежи), удостоверяемый подписью получателя ренты. Это создаст важный доказательственный материал на случай возможного спора. Наконец, для защиты интересов плательщика от чрезмерного риска и для стимулирования развития рентных отношений необходимо рассмотреть вопрос о законодательном закреплении возможности пересмотра размера рентных платежей при существенном изменении обстоятельств, например, при резком падении доходности переданного актива или гиперинфляции, по аналогии со статьей 451 ГК РФ, но с установлением особого, щадящего режима для получателя ренты [14]. Таким образом, предлагаемые меры направлены на достижение

подлинного, а не декларативного баланса интересов сторон, придание рентным отношениям большей стабильности и предсказуемости, что будет способствовать реализации социальной функции института ренты и повышению доверия к нему со стороны граждан.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
3. Федеральный закон от 26.07.2017 № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.03.2023 № 5-КГ18-267. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
8. Абрамов В.В. Договор пожизненного содержания с иждивением: проблемы теории и практики. – Текст: непосредственный // Закон. – 2023. – № 8. – С. 112–125.
9. Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части: учебник. – Москва: Юрайт, 2022. – 1103 с. – Текст: непосредственный.
10. Гонгало Б.М., Крашенинников П.В. Рента и пожизненное содержание с иждивением. – Текст: непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 5. – С. 34–41.
11. Гришаев С.П. Договор ренты: научно-практическое пособие. – Москва: Проспект, 2020. – 144 с. – Текст: непосредственный.
12. Егорова М.А. Проблемы защиты прав получателей ренты в Российской Федерации. – Текст: непосредственный // Вестник гражданского права. – 2022. – № 4. – С. 78–92.
13. Карпов М.С. Алеаторный характер договора ренты: вопросы правовой квалификации. – Текст: непосредственный // Хозяйство и право. – 2023. – № 11. – С. 56–64.
14. Комаров А.С. Обеспечение исполнения рентных обязательств: нотариальные и регистрационные аспекты. – Текст: непосредственный // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 6. – С. 45–49.
15. Левшина Т.Л. Гражданское право: в 2 т. Том 2: учебник для вузов. – Москва: Норма, 2023. – 816 с. – Текст: непосредственный.
16. Савельев А.И. Правовые риски в договоре пожизненного содержания с иждивением и способы их минимизации. – Текст: непосредственный // Цивилист. – 2022. – № 3. – С. 45–51.

ЖУКОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

А.В. Кузьмин

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА: МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В данной статье проводится комплексный анализ механизма правового регулирования компенсации морального вреда в российской правовой системе. Исследуются теоретические основы института, его материально-правовые и процессуальные аспекты. Особое внимание уделяется проблемным вопросам определения размера компенсации, критериям его оценки, а также соотношению компенсационной и штрафной функций данного правового инструмента. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования правоприменительной практики для достижения справедливого баланса между интересами потерпевшего и принципом недопущения неосновательного обогащения.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация, нематериальные блага, физические и нравственные страдания, механизм правового регулирования, гражданское право, размер компенсации, критерии оценки.

Институт компенсации морального вреда занимает центральное место в системе средств защиты нематериальных благ и личных неимущественных прав человека, закрепленных в статье 2 Конституции Российской Федерации, провозглашающей человека, его права и свободы высшей ценностью. Механизм правового регулирования данного института представляет собой сложную, динамично развивающуюся систему взаимосвязанных материальных и процессуальных норм, направленных на восстановление нарушенного правового состояния потерпевшего и справедливое денежное возмещение перенесенных им страданий.

Фундаментальное определение морального вреда дано в статье 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [2], где под ним понимаются физические или нравственные страдания, причиненные гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага. Более детальная регламентация осуществляется нормами главы 8 «Нематериальные блага и их защита» и статьей 1101 ГК РФ, устанавливающей способы, размер и принципы компенсации. Важно отметить, что сфера применения данного института не ограничивается только рамками ГК РФ. Он активно используется для защиты прав потребителей (статья 15 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»), в трудовых отношениях (статья 237 Трудового кодекса РФ), а также в случаях причинения вреда источником повышенной опасности (статья 1100 ГК РФ) [3].

Сущность механизма правового регулирования компенсации морального вреда раскрывается через последовательную реализацию нескольких взаимосвязанных элементов. Первоначальным этапом является установление факта причинения вреда и противоправности действий (бездействия) причинителя. Ключевым условием здесь выступает наличие причинно-следственной связи между противоправным деянием и наступившими последствиями в виде физических или нравственных страданий. При этом бремя доказывания факта причинения вреда и вины причинителя лежит на потерпевшем, за исключением случаев, когда ответственность наступает независимо от вины (например, при причинении вреда источником повышенной опасности или в соответствии с Законом «О защите прав потребителей») [4].

Центральным и наиболее сложным элементом механизма является определение размера компенсации. В отличие от имущественного вреда, который может быть оценен объективно, моральный вред по своей природе не поддается точной денежной оценке [13]. Законодатель, осознавая эту специфику, в статье 1101 ГК РФ закрепил ряд критериев, которыми должен руководствоваться суд при определении справедливого размера компенсации: характер и степень причиненных страданий, степень вины причинителя, а также требования разумности и справедливости. К данным критериям правоприменительная практика, обобщенная в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» [5], добавляет и другие факторы: фактические

обстоятельства дела, индивидуальные особенности потерпевшего, его значимые личностные характеристики, а также регион его проживания для обеспечения соразмерности компенсации.

Присуждение денежной суммы в качестве компенсации выполняет несколько функций. Во-первых, компенсационную функцию, которая направлена на сглаживание перенесенных страданий, предоставление потерпевшему средств для улучшения его психоэмоционального состояния. Во-вторых, охранительную функцию, обеспечивающую защиту нарушенного права. В-третьих, превентивную (предупредительную) функцию, ориентированную на недопущение подобных нарушений в будущем как самим причинителем, так и иными лицами [11].

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, механизм компенсации морального вреда сталкивается с рядом системных проблем. Главной из них остается отсутствие единообразного подхода к методике расчета размера компенсации, что приводит к значительной вариативности судебных решений по схожим категориям дел. Суммы, присуждаемые судами, зачастую носят символический характер и не отражают в полной мере глубину перенесенных потерпевшим страданий, особенно в случаях причинения тяжкого вреда здоровью или потери кормильца [8]. С другой стороны, существует риск присвоения чрезмерно высоких компенсаций, что может противоречить принципу недопущения неосновательного обогащения.

Таким образом, механизм правового регулирования компенсации морального вреда представляет собой сложный, многогранный правовой инструмент, эффективность которого напрямую зависит от качества правоприменительной практики. Дальнейшее совершенствование данного института видится не в кардинальном изменении законодательства, а в выработке Верховным Судом РФ более четких и детализированных разъяснений, ориентированных на унификацию судебного подхода к оценке критериев статьи 1101 ГК РФ [2]. Это позволит обеспечить подлинную соразмерность между глубиной перенесенных гражданином страданий и денежной суммой, призванной их компенсировать, что в полной мере соответствует конституционным принципам справедливости, гуманизма и верховенства права.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию института компенсации морального вреда в статьях 151, 1099, 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, правоприменительная практика свидетельствует о наличии значительного количества системных проблем, которые препятствуют реализации его ключевых функций – компенсационной, справедливой и превентивной. Центральной проблемой является хроническая неопределенность методики расчета размера компенсации, что напрямую вытекает из оценочного характера законодательных критериев, закрепленных в статье 1101 ГК РФ, таких как «требования разумности и справедливости», «характер и степень физических и нравственных страданий», что неминуемо приводит к резкой диспропорции и непредсказуемости судебных решений по искам со схожими фактическими обстоятельствами, подрывая принцип единообразия судебной практики и создавая почву для судебного произвола. Данная проблема усугубляется отсутствием законодательно закрепленной связи между размером компенсации и базовыми экономическими показателями, например, величиной прожиточного минимума или минимального размера оплаты труда, что зачастую приводит к присвоению символических, несоизмеримых перенесенным страданиям сумм, особенно в случаях причинения тяжкого вреда здоровью (статья 1085 ГК РФ) или потери кормильца, что фактически обесценивает защиту нематериальных благ, гарантированных статьей 150 ГК РФ [2].

Еще одной серьезной правовой проблемой выступает противоречивая судебная практика в области объема доказывания: несмотря на то что бремя доказывания факта причинения вреда и вины причинителя, по общему правилу статьи 56 Гражданского процессуального кодекса РФ, лежит на истце, доказывание субъективных страданий объективными средствами представляет значительную сложность, а суды зачастую требуют от потерпевшего предоставления исчерпывающих доказательств глубины нравственных страданий, что противоречит самой нематериальной природе данного вида вреда.

Кроме того, наблюдается проблема несовершенства механизма индексации присужденных сумм, так как на компенсацию морального вреда, в отличие от сумм возмещения имущественного вреда, не распространяется правило статьи 208 ГПК РФ об индексации в связи с ростом потребительских цен, что приводит к процессуальным спорам при длительном периоде исполнения решения суда.

Пути совершенствования законодательства в данной сфере должны быть направлены на преодоление указанных правовых пробелов и противоречий через внесение системных изменений [12]. Для минимизации судебного усмотрения и обеспечения единообразия практики целесообразно разработать и законодательно закрепить в виде приложения к Гражданскому процессуальному кодексу РФ или в отдельном федеральном законе примерные методические рекомендации (таблицы) с базовыми, не жестко обязательными, а ориентировочными стартовыми суммами компенсации для наиболее типичных категорий дел (например, в связи с нарушением прав потребителей, причинением легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью, незаконным уголовным преследованием), которые могли бы корректироваться судом в сторону увеличения или уменьшения с обязательной мотивировкой отклонения с учетом

всех обстоятельств конкретного дела, что позволило бы соблюсти баланс между единообразием и индивидуализацией оценки. Важным является установление в статье 1101 ГК РФ [2] прямой связи минимального порога компенсации с определенным количеством величин прожиточного минимума, установленного в субъекте РФ по месту жительства потерпевшего, что исключило бы присвоение униженительно низких, символических сумм и обеспечило бы реальную компенсацию перенесенных страданий. Для решения проблемы доказывания необходимо закрепить в статье 61 ГПК РФ презумпцию причинения морального вреда при установлении факта нарушения личных неимущественных прав гражданина, переложив бремя опровержения его наличия или глубины на ответчика, что соответствовало бы конституционным принципам приоритетной защиты прав человека. Наконец, для защиты от инфляции необходимо распространить правило об индексации присужденных денежных сумм по статье 208 ГПК РФ и на компенсацию морального вреда, взысканную в твердой денежной сумме, на весь период просрочки добровольного исполнения решения суда причинителем вреда, что гарантировало бы полную и справедливую реализацию восстановительной функции данного института.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 215.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» (ред. от 08.12.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3.
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.03.2024 № 45-КГ23-15-К8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 7.
7. Решение Арбитражного суда города Москвы от 22.01.2024 по делу № А40-584931/2023 о взыскании компенсации морального вреда в связи с ненадлежащим качеством медицинских услуг // СПС «КонсультантПлюс».
8. Богданов Д.Е. Компенсация морального вреда: проблемы унификации судебной практики // Закон. 2024. № 5. С. 112-125.
9. Зайцева О.В. Критерии определения размера компенсации морального вреда: новые подходы в судебной практике 2023-2024 годов // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 3. С. 78-89.
10. Королькова В.С. Компенсация морального вреда как способ защиты прав потребителей: современные тенденции // Вестник гражданского права. 2024. № 2. С. 45-59.
11. Петров И.Л., Семенова К.А. Моральный вред в цифровую эпоху: проблемы правового регулирования и судебной защиты // Право и цифровизация. 2023. № 4. С. 56-67.
12. Савельев А.Г. Проблемы соразмерности компенсации морального вреда: теоретический и практический аспекты // Журнал российского права. 2023. № 12. С. 34-48.
13. Федорова М.В. Доказывание морального вреда в гражданском процессе: новые разъяснения высших судов // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 11. С. 22-27.

КУЗЬМИН АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Р.С. Ломов

РЕАБИЛИТАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ, ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье проводится комплексный анализ реабилитации как института уголовного судопроизводства Российской Федерации. Автор рассматривает юридическую природу и содержание понятия «реабилитация», выделяя его материальный и процессуальный аспекты. Подробно исследуются основания возникновения права на реабилитацию, закрепленные в главе 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Центральное место в работе отводится анализу порядка возмещения имущественного, морального вреда и восстановления иных прав реабилитированного. Исследуется процедура обращения с требованием о возмещении вреда, виды, размер и механизм компенсации. На основе системного толкования норм УПК РФ, Гражданского кодекса РФ и иных нормативных правовых актов выявляются проблемные вопросы практической реализации института реабилитации и формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: реабилитация, уголовный процесс, право на реабилитацию, возмещение вреда, имущественный вред, моральный вред, восстановление прав, основания реабилитации, процессуальный порядок, уголовно-процессуальная реабилитация.

Институт реабилитации представляет собой одну из фундаментальных гарантий защиты прав и свобод человека в сфере уголовного судопроизводства. Закрепленный в ст. 53 Конституции Российской Федерации [1] принцип, согласно которому каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, находит свою конкретизацию в нормах уголовно-процессуального права. Реабилитация является правовым последствием незаконного или необоснованного уголовного преследования, выступая в качестве средства восстановления нарушенных прав лица, подвергшегося таковому.

Понятие реабилитации в уголовном процессе имеет сложный, комплексный характер. В узком, процессуальном смысле, под реабилитацией понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Согласно п. 34 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), реабилитация – это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Однако в широком смысле реабилитация включает также и признание на государственном уровне факта невиновности лица, что имеет важное социально-нравственное значение, снимая с человека незаслуженное бремя обвиняемого и восстанавливая его доброе имя [11].

Основания для возникновения права на реабилитацию исчерпывающим образом перечислены в ст. 133 УПК РФ. К ним относится прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с отсутствием события преступления, отсутствием в деянии состава преступления, непричастностью лица к совершению преступления, а также наличие в отношении лица оправдательного приговора. Кроме того, право на реабилитацию возникает при прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 5 и 6 части первой ст. 24 УПК РФ (отсутствие заявления потерпевшего по делу частного обвинения, отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления у специального субъекта, отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда РФ, квалификационной коллегии судей на привлечение к уголовной ответственности ряда должностных лиц), и пунктами 1 и 4-6 части первой ст. 27 УПК РФ [2] (непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления, наличие в отношении лица неотменного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела, наличие в отношении лица вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению). Важно отметить, что право на реабилитацию не воз-

никает в случаях, когда примененные в отношении лица меры процессуального принуждения или постановленный обвинительный приговор отменяются или изменяются ввиду издания акта об амнистии, истечения срока давности, недостижения возраста уголовной ответственности или в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии не мог в полной мере осознавать характер своих действий, а также при непричастности подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления, если не установлено, что данное лицо не могло быть причастно к совершению преступления в силу иных обстоятельств.

Процессуальный порядок реализации права на реабилитацию регламентирован главой 18 УПК РФ. Первоначальным этапом является признание права на реабилитацию, которое осуществляется судом в приговоре, определении, постановлении, либо следователем, дознавателем в постановлении о прекращении уголовного дела или уголовного преследования [16]. В данном процессуальном документе реабилитированному разъясняется порядок возмещения вреда. Центральным элементом реабилитации является возмещение имущественного и морального вреда, а также восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав.

Возмещение имущественного вреда регулируется ст. 135 УПК РФ [2] и включает в себя компенсацию заработной платы, пенсий, пособий и иных средств, которых реабилитированный лишился вследствие уголовного преследования; конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или решения суда его имущества; штрафов и процессуальных издержек, взысканных с него во исполнение приговора суда; сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи; иных расходов [14]. Для получения возмещения имущественного вреда реабилитированный вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда в суд или в орган, вынесший решение о прекращении уголовного дела, в сроки исковой давности, установленные гражданским законодательством, то есть в течение трех лет со дня получения копии документа о реабилитации и извещения о разъяснении порядка возмещения вреда. Разрешение требований о возмещении имущественного вреда производится в порядке гражданского судопроизводства, что вытекает из положений ст. 35 Гражданского процессуального кодекса РФ [3].

Особого внимания заслуживает вопрос возмещения морального вреда. Согласно ст. 136 УПК РФ, моральный вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, подлежит компенсации в денежном выражении независимо от возмещения имущественного вреда. Процессуальный порядок включает в себя обязанность прокурора от имени государства принести официальное извинение реабилитированному за причиненный ему вред. Требование о компенсации морального вреда предъявляется в порядке гражданского судопроизводства. При определении размера компенсации суд учитывает критерии, указанные в ст. 151 и ст. 1101 Гражданского кодекса РФ, а именно: характер и степень нравственных и физических страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, степень вины органа и должностных лиц, фактические обстоятельства причинения вреда и требования разумности и справедливости [18]. В рамках гражданского иска реабилитированный может также требовать компенсации вреда, причиненного его деловой репутации.

Помимо возмещения имущественного и морального вреда, институт реабилитации предполагает принятие мер по восстановлению иных прав лица. Это включает в себя устранение последствий применения иных мер процессуального принуждения, таких как обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности. Восстановление трудовых, пенсионных и жилищных прав осуществляется судом в порядке, установленном для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, а также в ином порядке, предусмотренном законами Российской Федерации. Например, время содержания под стражей подлежит зачету в общий трудовой стаж для начисления пенсии, а также в стаж работы по специальности [12].

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, практическая реализация института реабилитации сталкивается с рядом проблем. К ним можно отнести сложность доказывания размера причиненного имущественного вреда, субъективность в оценке размера компенсации морального вреда, недостаточную оперативность органов власти в восстановлении иных прав реабилитированного, а также отсутствие эффективного механизма привлечения к ответственности должностных лиц, по вине которых было осуществлено незаконное уголовное преследование.

Таким образом, институт реабилитации в российском уголовном процессе представляет собой сложный, многогранный механизм, направленный на максимально полное восстановление прав лица, пострадавшего от незаконного или необоснованного уголовного преследования. Действующее законодательство закрепляет широкий перечень оснований для реабилитации и детально регламентирует порядок возмещения различных видов вреда [16]. Однако для повышения эффективности данного института необходима дальнейшая работа по совершенствованию правоприменительной практики, направленная на обеспечение реального, а не только формального восстановления прав реабилитированного и его социальной реинтеграции.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию института реабилитации в главе 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2], его практическая реализация сопряжена с существенными правовыми проблемами, которые зачастую нивелируют провозглашенную законом цель полного и всестороннего восстановления прав лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию. Основной проблемой является декларативный характер многих гарантий, что приводит к разрыву между формальным признанием права на реабилитацию и реальным объемом восстановления нарушенных прав. Одной из наиболее острых проблем выступает сложность и противоречивость процедуры возмещения морального вреда. Хотя статья 136 УПК РФ провозглашает компенсацию морального вреда в денежном выражении, критерии определения его размера, заимствованные из статей 151 и 1101 Гражданского кодекса РФ [3], носят оценочный и субъективный характер, что на практике ведет к принятию судами решений о символических, неадекватных перенесенным страданиям суммах компенсации. Отсутствие в законе хотя бы примерных методик расчета, привязки к определенным кратностям относительно величины прожиточного минимума или иным объективным показателям, создает почву для судебного произвола и неравенства реабилитированных в зависимости от субъективного усмотрения конкретного суда.

Другой значительной правовой проблемой является несовершенство механизма возмещения имущественного вреда, в частности, связанного с упущенной выгодой и иными косвенными убытками. Действующая редакция статьи 135 УПК РФ не дает четкого ответа на вопрос о возмещении вреда, выразившегося в потере деловой репутации, клиентской базы, коммерческой возможности, что для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, которые также имеют право на реабилитацию в соответствии с разъяснениями Конституционного Суда РФ, может составлять основной объем причиненных убытков. Бремя доказывания размера каждого вида ущерба полностью возложено на реабилитированного, который зачастую не обладает необходимыми ресурсами и доказательствами, особенно когда речь идет о доходах от неофициальной деятельности или потенциальных контрактах, сорванных вследствие уголовного преследования [12]. Процессуальной проблемой остается и разрешение требований о возмещении имущественного вреда в порядке гражданского судопроизводства, что, по сути, возлагает на реабилитированного, уже прошедшего через тяжбы уголовного процесса, необходимость участвовать в новом, зачастую не менее длительном и сложном гражданском деле против государства в лице его финансового органа.

Существенным пробелом является отсутствие в российском законодательстве эффективного механизма регрессной ответственности должностных лиц, по вине которых было осуществлено незаконное уголовное преследование. Статья 133 УПК РФ прямо исключает возможность предъявления регрессного иска к следователю, дознавателю, прокурору, что, с одной стороны, защищает их от необоснованных претензий при добросовестном заблуждении, но с другой – лишает государство стимула к повышению качества предварительного расследования и создает ситуацию безответственности, когда финансовое бремя реабилитации полностью ложится на бюджет, то есть на налогоплательщиков, а не на виновных должностных лиц [10]. Кроме того, остается не до конца урегулированным вопрос о восстановлении иных прав реабилитированного, таких как право на беспрепятственное трудоустройство без упоминания в справках о судимости факта привлечения к уголовной ответственности, который, несмотря на последующую реабилитацию, может быть истолкован новым работодателем негативно [17]. Автоматизированные системы учета правоохранительных органов зачастую не очищаются в полной мере от информации о реабилитированном лице, что может приводить к последующим бытовым и профессиональным ограничениям.

Пути совершенствования российского законодательства в данной сфере видятся в следующем. Прежде всего, необходима конкретизация критериев определения размера компенсации морального вреда путем закрепления в УПК РФ или в специальном постановлении Пленума Верховного Суда РФ базовых ставок или методических рекомендаций, устанавливающих минимальные пороги компенсации в зависимости от вида примененных мер пресечения, срока содержания под стражей, тяжести предъявленного обвинения и иных объективных обстоятельств [16]. Целесообразно расширить перечень видов возмещаемого имущественного вреда, включив в него компенсацию упущенной выгоды и вреда деловой репутации, разработав при этом более гибкие и либеральные правила доказывания таких убытков. Для упрощения процедуры следует рассмотреть возможность рассмотрения требований о возмещении имущественного вреда в рамках уголовного процесса тем же судом, который постановил оправдательный приговор или вынес постановление о прекращении дела, по правилам, аналогичным предъявлению гражданского иска в уголовном деле [11]. В целях повышения ответственности должностных лиц необходимо введение дифференцированного института регрессной ответственности на основании вступившего в законную силу решения суда о виновности следователя или дознавателя в совершении уголовно-наказуемого деяния (например, фальсификации доказательств) или установления грубой неосторожности в рам-

ках дисциплинарного производства. Наконец, требуется законодательное закрепление обязанности правоохранительных органов по автоматическому и безусловному уничтожению всех персональных данных реабилитированного из оперативно-справочных и криминалистических учетов с выдачей ему соответствующего документа, подтверждающего факт полного погашения всех правовых последствий уголовного преследования.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.06.2023 № 297-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 27 (часть I). Ст. 45876.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.03.2024 № 5-УД24-1-К6 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.01.2024 по делу № 10-284/2024 // Архив Московского городского суда. 2024.
8. Борисов А.Н. Проблемы определения размера компенсации морального вреда при реабилитации в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2024. № 5. С. 34-38.
9. Григорьев В.А. Реабилитация в уголовном процессе: новеллы законодательства и проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2023. № 8. С. 112-125.
10. Данилова Л.С. Возмещение имущественного вреда реабилитированному: теоретические и практические аспекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 2 (139). С. 78-83.
11. Ермаков Д.С., Петрова С.И. Регрессные требования к государству как средство профилактики нарушений при производстве предварительного расследования // Уголовное право. 2023. № 4. С. 45-52.
12. Калинина П.А. Институт реабилитации в российском уголовном процессе: современное состояние и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 6. С. 156-165.
13. Корчагин А.Ю. Реабилитация в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2023. 192 с.
14. Лебедев В.М. (ред.) Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 1120 с.
15. Марковичева Е.В., Сидоров Р.А. Проблемы восстановления трудовых прав реабилитированных граждан // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 1. С. 40-43.
16. Реабилитация в уголовном процессе: сборник материалов научно-практической конференции (г. Москва, 15 декабря 2023 г.) / отв. ред. К.И. Фролов. М.: РГУП, 2024. 180 с.
17. Федоров А.В. Конституционно-правовые основы института реабилитации в Российской Федерации // Государство и право. 2023. № 11. С. 67-75.
18. Шаталов А.С. Уголовный процесс: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2024. 879 с.

ЛОМОВ РОМАН СЕРГЕЕВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

А.Т. Мохначук

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются уголовно-правовые и криминалистические аспекты посягательства на жизнь сотрудника правоохранительных органов как особого вида преступления против государственной власти. Анализируются нормы Уголовного кодекса РФ, регламентирующие ответственность за данное деяние, а также криминалистические особенности расследования таких преступлений. Особое внимание уделяется квалифицирующим признакам, проблемам доказывания и мерам по противодействию указанным посягательствам.

Ключевые слова: посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов, преступления против государственной власти, уголовная ответственность, криминалистическая характеристика, расследование преступлений.

Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов представляет собой повышенную общественную опасность, поскольку направлено не только против личности, но и против нормального функционирования государственных институтов, обеспечивающих правопорядок и безопасность [10].

Актуальность изучения уголовно-правовых и криминалистических аспектов посягательства на жизнь сотрудника правоохранительных органов обусловлена рядом факторов, связанных с современными вызовами правопорядку и безопасности государства. В условиях роста преступности, в том числе организованных и экстремистских форм, сотрудники правоохранительных органов становятся одной из наиболее уязвимых категорий, подверженных нападениям. Данные преступления не только посягают на жизнь и здоровье конкретных лиц, но и подрывают авторитет государственной власти, создают атмосферу безнаказанности и способствуют эскалации насилия в обществе.

Согласно официальной статистике МВД России, количество нападений на сотрудников полиции и иных правоохранительных структур остается стабильно высоким, что свидетельствует о необходимости совершенствования мер уголовно-правового противодействия. В этой связи особую значимость приобретает анализ ст. 317 УК РФ [2], устанавливающей ответственность за посягательство на жизнь представителя власти, а также разработка эффективных криминалистических методик раскрытия и расследования подобных преступлений. Еще одним аспектом актуальности является необходимость уточнения квалифицирующих признаков данного состава преступления, поскольку на практике возникают сложности с доказыванием мотивации преступника, особенно в случаях, когда посягательство связано не только с мстостью, но и с попыткой воспрепятствования правосудию (ст. 294 УК РФ) или оказанием сопротивления представителю власти (ст. 318 УК РФ) [2]. Вопросы разграничения смежных составов требуют детального изучения для обеспечения единообразия судебной практики [13]. Кроме того, актуальность темы усиливается в связи с развитием новых форм преступной деятельности, включая киберпреследование и использование современных технологий для организации нападений на сотрудников правоохранительных органов. Это обуславливает необходимость адаптации криминалистических методик к современным реалиям, включая использование цифровых следов и данных оперативно-розыскной деятельности (ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Таким образом, исследование уголовно-правовых и криминалистических аспектов посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов имеет не только теоретическое, но и практическое значение, направленное на повышение эффективности борьбы с данным видом преступлений, укрепление безопасности государственных институтов и обеспечение защиты лиц, осуществляющих служебную деятельность в условиях повышенного риска [11].

В соответствии со ст. 317 УК РФ [2], данное преступление заключается в умышленном причинении смерти сотруднику правоохранительного органа, военнослужащему, а равно их близким в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга. Объектом преступле-

ния являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность лиц, выполняющих правоохранительные функции. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, при этом мотивом может выступать месть за профессиональную деятельность потерпевшего либо стремление воспрепятствовать исполнению им служебных обязанностей. Квалифицирующим признаком является специальный субъект – лицо, достигшее 16 лет и осознающее характер своих действий в отношении представителя власти.

Криминалистическая характеристика посягательства на жизнь сотрудника правоохранительных органов включает в себя типичные способы совершения преступления, среди которых выделяются нападение с применением огнестрельного или холодного оружия, взрывных устройств, а также организованные формы противодействия правоохранительным органам. Важное значение имеет установление связи между преступлением и служебной деятельностью потерпевшего, что требует тщательного анализа оперативной информации и данных следственных действий. Особую сложность представляет доказывание умысла, направленного именно на прекращение служебной деятельности потерпевшего. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (ст. 73 УПК РФ) [3], необходимо установить не только факт причинения смерти, но и мотивационную составляющую, что требует проведения комплексных экспертиз, анализа переписки и показаний свидетелей [10].

Несмотря на наличие строгих уголовно-правовых запретов, закрепленных в ст. 317 УК РФ, проблема посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов остается крайне острой, что обусловлено рядом системных пробелов и противоречий в правовом регулировании и правоприменительной практике. Ключевой проблемой выступает недостаточная дифференциация ответственности за покушение на жизнь сотрудника правоохранительных органов в сравнении с иными преступлениями против личности, что не всегда позволяет в полной мере учесть повышенную общественную опасность данного деяния, направленного не только против конкретного лица, но и против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 1 Федерального закона «О полиции» [4]). Существенные сложности возникают при квалификации действий виновных в случаях, когда посягательство сопряжено с оказанием вооруженного сопротивления (ст. 318 УК РФ) или совершено в составе организованной группы (ч. 3 ст. 35 УК РФ) [2], что требует совершенствования критериев разграничения смежных составов преступлений. Отдельную проблему представляет доказывание субъективной стороны преступления, в частности установление специального мотива, связанного именно с профессиональной деятельностью потерпевшего, поскольку действующая редакция ст. 317 УК РФ [2] не содержит четких критериев оценки данного признака. Криминалистические аспекты расследования также сталкиваются с существенными трудностями, связанными с латентностью отдельных видов посягательств, недостаточной разработанностью методик раскрытия преступлений, совершаемых с использованием современных технологий, и необходимостью обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в соответствии с положениями ст. 11 УПК РФ. Указанные проблемы требуют комплексного научного осмысления и поиска эффективных механизмов их решения в рамках совершенствования как материального, так и процессуального законодательства.

Актуальность решения обозначенных проблем обусловлена необходимостью создания эффективного правового механизма защиты жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов как гарантии стабильности всей системы государственного принуждения. Совершенствование законодательства в данной сфере требует комплексного подхода, включающего как модернизацию норм Уголовного кодекса РФ, так и развитие процессуальных инструментов доказывания. В первую очередь, представляется необходимым внесение изменений в ст. 317 УК РФ, предусматривающих более детальную дифференциацию ответственности в зависимости от способа совершения преступления (применение оружия, взрывных устройств, особой жестокости), что позволит более адекватно отражать степень общественной опасности деяния. Одновременно требует законодательного закрепления расширенное толкование мотивационной составляющей преступления через включение в диспозицию нормы таких квалифицирующих признаков, как цель воспрепятствования правосудию (ст. 294 УК РФ) [2] или мести за ранее осуществленную служебную деятельность.

Важным направлением совершенствования является разработка специальных криминалистических методик расследования, включающих алгоритмы работы с цифровыми следами (ст. 82.1 УПК РФ) и обеспечения безопасности участников процесса (ст. 11 УПК РФ). Не менее значимым представляется внедрение в правоприменительную практику механизмов превентивного воздействия, включающих усиление ответственности за угрозы в адрес сотрудников правоохранительных органов (ст. 319 УК РФ) и совершенствование системы охраны объектов правоохранительной инфраструктуры. Реализация указанных мер позволит создать комплексную систему противодействия посягательствам на жизнь сотрудников правоохранительных органов, соответствующую современным вызовам и угрозам безопасности государства.

Таким образом, можно сделать вывод, что посягательство на жизнь сотрудника правоохранитель-

ных органов является тяжким преступлением, требующим повышенного внимания со стороны законодателя и правоприменителя. Совершенствование уголовно-правовых норм и криминалистических методик расследования позволит усилить защиту представителей власти и обеспечить неотвратимость наказания за совершение данного деяния.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
5. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.03.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2019 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях против жизни» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 11.
8. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15.03.2024 № 18-АПУ24-5 // СПС КонсультантПлюс.
9. Приговор Московского городского суда от 22.05.2023 по делу № 2-125/2023 // Архив Московского городского суда.
10. Иванов П.С. Уголовно-правовая защита сотрудников правоохранительных органов: современные проблемы и пути решения // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 45-58.
11. Петров А.В. Криминалистические аспекты расследования посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов // Вестник криминалистики. 2024. № 2(54). С. 67-75.
12. Сидоров К.А. Совершенствование законодательства о противодействии преступлениям против представителей власти // Государство и право. 2022. № 8. С. 112-120.
13. Федорова Е.Л. Актуальные проблемы квалификации посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов // Законность. 2025. № 3. С. 34-42.

МОХНАЧУК АСИЯ ТАЛГАТОВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

С.А. Рогов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются правовые аспекты наказания в виде ограничения свободы, его место в системе уголовных наказаний, а также особенности исполнения. Анализируются нормы Уголовного кодекса РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ, регулирующие порядок назначения и отбывания данного вида наказания. Особое внимание уделяется правовым проблемам, возникающим в процессе его реализации, и возможным путям их решения. На основе проведенного исследования делаются выводы о необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: ограничение свободы, уголовное наказание, уголовно-исполнительное право, надзор, правовое регулирование, исправление осужденных.

Ограничение свободы как вид уголовного наказания было введено в российское законодательство в 2010 году (ФЗ № 377-ФЗ от 27.12.2009) и закреплено в ст. 53 УК РФ. Данная мера относится к альтернативным лишению свободы наказаниям и направлена на минимизацию негативных последствий изоляции осужденного от общества. Однако в правоприменительной практике возникают сложности, связанные с исполнением этого наказания, что требует детального анализа его правовой природы и механизмов реализации [10].

Ограничение свободы заключается в установлении судом определенных запретов и обязанностей для осужденного, которые должны исполняться без изоляции от общества. Согласно ч. 1 ст. 53 УК РФ [2], это наказание может быть основным или дополнительным. Основное ограничение свободы назначается на срок от 2 месяцев до 4 лет, а в качестве дополнительного – от 6 месяцев до 2 лет. Ограничение свободы предполагает ряд запретов, перечисленных в ч. 5 ст. 53 УК РФ: невозможность покидать место жительства в определенное время, выезжать за пределы муниципального образования, посещать массовые мероприятия и т. д. Контроль за исполнением наказания осуществляют уголовно-исполнительные инспекции (ч. 1 ст. 47 УИК РФ).

Порядок исполнения ограничения свободы регламентирован главой 8 УИК РФ. В соответствии со ст. 50 УИК РФ, осужденный обязан соблюдать установленные судом ограничения и являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации. Нарушение режима влечет за собой меры воздействия, вплоть до замены наказания на лишение свободы (ч. 4 ст. 58 УИК РФ).

Исполнение наказания в виде ограничения свободы сопряжено с рядом сложностей, связанных с организацией эффективного надзора за поведением осужденных. В соответствии со ст. 50 УИК РФ [3], уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) обязаны осуществлять контроль за соблюдением установленных судом ограничений, однако на практике этот процесс сталкивается с существенными проблемами [9].

Одной из основных трудностей является недостаточное оснащение УИИ современными техническими средствами контроля, такими как электронные браслеты (ЭМ-контроль) и системы видеонаблюдения. Несмотря на то, что ч. 3 ст. 60 УИК РФ предусматривает возможность применения электронного мониторинга, его использование остается ограниченным из-за высокой стоимости оборудования и отсутствия необходимой инфраструктуры в ряде регионов. В результате инспекции вынуждены полагаться преимущественно на периодические проверки по месту жительства осужденного, что не обеспечивает непрерывного контроля и создает возможности для нарушения установленных ограничений.

Еще одной значимой проблемой является игнорирование социально-экономических условий, в которых находится осужденный. В частности, отсутствие постоянного места жительства или регистрации затрудняет реализацию наказания, поскольку контроль за передвижениями лица без определенного адреса становится практически невозможным. Кроме того, некоторые установленные судом запреты (например, невозможность покидать жилье в ночное время) могут создавать препятствия для трудовой деятельности, особенно если осужденный работает в ночную смену или имеет ненормированный график.

Это не только снижает эффективность наказания, но и повышает риск рецидива, поскольку материальные трудности могут подталкивать лицо к совершению новых преступлений.

Судебная практика также демонстрирует неоднозначность подходов к замене ограничения свободы на лишение свободы в случае нарушений. Согласно ч. 4 ст. 58 УИК РФ [3], злостное уклонение от отбывания наказания может привести к его замене на реальный срок, однако критерии «злостности» не всегда четко определены, что порождает субъективизм в принятии решений. В некоторых случаях суды идут на смягчение мер воздействия, учитывая социальные обстоятельства осужденного, тогда как в других – применяют максимально строгие санкции даже при незначительных нарушениях.

Таким образом, для повышения эффективности исполнения наказания в виде ограничения свободы необходимо не только расширение использования технологических средств контроля, но и более гибкий подход к установлению ограничений с учетом индивидуальных обстоятельств осужденного. Кроме того, требуется совершенствование межведомственного взаимодействия между УИИ, органами социальной защиты и центрами занятости для снижения рисков рецидива и обеспечения успешной ресоциализации лиц, отбывающих данное наказание [11].

Повышение эффективности исполнения наказания в виде ограничения свободы требует комплексного подхода, сочетающего современные технологии контроля с продуманной социальной политикой в отношении осужденных. Технологический аспект предполагает не просто механическое внедрение электронных средств мониторинга, а создание целостной системы наблюдения, интегрированной в работу уголовно-исполнительных инспекций. Опыт передовых регионов показывает, что сочетание GPS-трекинга, биометрической идентификации и автоматизированных систем учета позволяет существенно повысить уровень контроля за поведением осужденных, минимизируя при этом затраты человеческих ресурсов. Однако технологическое оснащение должно сопровождаться соответствующей правовой регламентацией, четко определяющей пределы вмешательства в частную жизнь осужденного и механизмы защиты персональных данных.

Не менее важным представляется развитие индивидуального подхода при установлении ограничений. Судебная практика свидетельствует, что стандартизированные наборы запретов часто не учитывают профессиональную деятельность, семейные обстоятельства и состояние здоровья осужденного. Например, полный запрет на посещение определенных мест может сделать невозможным выполнение трудовых обязанностей, что противоречит целям исправления. В этой связи целесообразно внедрение системы дифференцированных ограничений, когда суд, опираясь на заключение уголовно-исполнительной инспекции и социальных работников, устанавливает режим, позволяющий осужденному сохранить социально полезные связи и трудовую занятость.

Особого внимания заслуживает вопрос межведомственного взаимодействия в процессе исполнения наказания. Сегодня отсутствие эффективного обмена информацией между уголовно-исполнительными инспекциями, центрами занятости и органами социальной защиты приводит к тому, что многие осужденные лишаются возможности получить своевременную помощь в трудоустройстве или решении бытовых проблем [10]. Создание единой информационной платформы, объединяющей данные о вакансиях, социальных программах и особенностях режима отбывания наказания, могло бы существенно улучшить ситуацию. При этом важно развивать институт социального сопровождения, когда за каждым осужденным закрепляется куратор, помогающий адаптироваться к установленным ограничениям и найти законные пути решения возникающих трудностей.

Реализация указанных мер требует не только финансовых вложений, но и изменения организационной культуры правоохранительных органов. Персонал уголовно-исполнительных инспекций нуждается в специальной подготовке, позволяющей сочетать контрольные функции с элементами социальной работы. Судебная система, в свою очередь, должна выработать более гибкие критерии оценки эффективности данного вида наказания, учитывающие не только формальное соблюдение ограничений, но и реальные успехи осужденного в ресоциализации [9]. Только такой комплексный подход может обеспечить подлинную эффективность наказания в виде ограничения свободы, превратив его из формальной меры в действенный инструмент исправления и профилактики рецидивной преступности.

Таким образом, ограничение свободы является важным элементом системы уголовных наказаний, сочетающим карательное и воспитательное воздействие. Однако его эффективность зависит от совершенствования механизмов контроля и индивидуализации исполнения. Дальнейшее развитие законодательства и правоприменительной практики должно быть направлено на минимизацию рецидивной преступности и обеспечение баланса между наказанием и исправлением осужденных.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
4. Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части введения ограничения свободы) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52 (ч. 1). Ст. 6453.
5. Приказ Минюста РФ от 20.05.2022 № 102 «Об утверждении Инструкции по осуществлению контроля за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2022. № 26.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (ред. от 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
7. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14.03.2024 № 45-АПУ24-4 по делу о замене ограничения свободы на лишение свободы ввиду систематических нарушений // СПС КонсультантПлюс.
8. Решение Московского городского суда от 05.09.2023 по делу № 1-384/2023 о правомерности применения электронного мониторинга // СПС Гарант.
9. Петрова А.В. Электронный мониторинг как средство контроля за осужденными: зарубежный опыт и перспективы в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 2. С. 18–25.
10. Кузнецова Е.М. Правовые и криминологические аспекты ограничения свободы // Lex Russica. 2024. № 6. С. 112–120.
11. Морозов Д.А. Проблемы межведомственного взаимодействия при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы // Государство и право. 2022. № 11. С. 89–97.

РОГОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

М.С. Соболевская

ДОГОВОР СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В данной статье проводится комплексный анализ договора строительного подряда как ключевого инструмента регулирования отношений в сфере капитального строительства. Исследуются его правовая природа, существенные условия и специфика субъектного состава. Особое внимание уделяется проблемам практической реализации норм гражданского законодательства, в частности, вопросам распределения рисков между подрядчиком и заказчиком, особенностям приемки завершённых работ и ответственности за нарушение качественных и временных параметров договора. Статья основывается на положениях Гражданского кодекса Российской Федерации, федеральных законов и сложившейся судебной практики, что позволяет выявить теоретические и практические проблемы и предложить пути их решения.

Ключевые слова: договор строительного подряда, подрядчик, заказчик, техническая документация, смета, приемка работ, гарантийный срок, риски, капитальное строительство, Гражданский кодекс РФ.

Договор строительного подряда занимает центральное место в системе хозяйственных обязательств, опосредующих инвестиционную деятельность в области капитального строительства и реконструкции. Его правовая регламентация, закреплённая в § 3 главы 37 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2], направлена на установление сбалансированного режима взаимодействия между заказчиком и подрядчиком, при котором интересы обеих сторон защищены, а конечной целью является создание некоего материального объекта. Теоретическая конструкция данного договора, будучи детализированной законодателем, на практике сталкивается с множеством проблемных аспектов, требующих тщательного изучения.

Правовая сущность договора строительного подряда раскрывается через его конститутивные признаки. В соответствии со статьёй 740 ГК РФ [2], по данному договору подрядчик обязуется в установленный срок построить определённый объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик – создать необходимые условия для их выполнения, принять результат и уплатить обусловленную цену. Важно отметить, что законодатель выделяет в качестве самостоятельного предмета договора не только строительство, но и реконструкцию, капитальный ремонт объектов, а также монтажные, пусконаладочные и иные неразрывно связанные со строящимся объектом работы [14]. Основным признаком, отличающим его от смежных договорных институтов (например, договора возмездного оказания услуг или простого подряда), является именно направленность на создание или преобразование объекта недвижимости, что влечёт необходимость соблюдения особого правового режима, включая градостроительные нормы и правила, а также последующую государственную регистрацию права собственности на созданный объект [11].

Существенным условием договора, без которого он не может считаться заключённым, является его предмет. Предмет включает в себя не только конечный результат работ (здание, сооружение и т.д.), но и сами действия подрядчика по их выполнению. Для его конкретизации обязательным является наличие технической документации, определяющей объём, содержание работ и иные предъявляемые к ним требования, а также сметы, определяющей цену работ (статья 743 ГК РФ) [2]. На практике часто возникают споры, связанные с изменением этих документов. Закон устанавливает императивное правило: подрядчик, обнаруживший в ходе работ неучтенные в технической документации работы и в связи с этим необходимость проведения дополнительных работ и увеличения сметной стоимости, обязан незамедлительно информировать об этом заказчика. Молчание заказчика в течение десяти дней, если иной срок не установлен законом или договором, даёт подрядчику право приостановить работы с отнесением всех связанных с этим убытков на счет заказчика. Данная норма направлена на защиту подрядчика от необоснованных расходов, однако на практике доказывание факта своевременного уведомления и обоснованности дополнительных работ часто становится предметом судебных разбирательств.

Особенностью распределения рисков в строительном подряде является правило статьи 741 ГК РФ [2] о несении подрядчиком риска случайной гибели или случайного повреждения объекта до момента приемки результата работы заказчиком. Это стимулирует подрядчика к обеспечению надлежащей

охраны и сохранности объекта. Однако данное правило является диспозитивным, и стороны могут предусмотреть в договоре иной порядок. Например, риск может быть переложено на заказчика с момента завершения определенного этапа работ, что особенно актуально при реализации крупных инвестиционных проектов [12].

Центральным элементом исполнения договора является приемка завершеного результата работ. Статья 753 ГК РФ детально регламентирует эту процедуру, предписывая ее оформление актом, подписанным обеими сторонами. Заказчик вправе отказаться от подписания акта при обнаружении отступлений от условий договора, ухудшающих результат работы, или иных недостатков, которые делают его непригодным для предусмотренного в договоре использования. На практике процедура приемки часто сопровождается конфликтами [13]. Заказчик, стремясь избежать оплаты или задержать ее, может уклоняться от приемки, формально указывая на незначительные недостатки. В этой связи важное значение приобретает институт одностороннего акта. Если уклонение заказчика от приемки является очевидным, подрядчик вправе составить такой акт, который, при условии его последующего подтверждения судом, будет иметь равную юридическую силу с двусторонним документом.

Гарантийные обязательства подрядчика представляют собой еще один сложный практический аспект. В силу статьи 755 ГК РФ [2] подрядчик предоставляет гарантию качества на результат работ, и если иное не предусмотрено договором, гарантийный срок устанавливается на пять лет. Течение гарантийного срока начинается с момента, когда результат работы был принят или должен был быть принят заказчиком. В течение этого срока подрядчик несет ответственность за обнаруженные недостатки, если не докажет, что они возникли вследствие нормального износа объекта, неправильной его эксплуатации или неправильных инструкций по эксплуатации, разработанных самим заказчиком. Бремя доказывания этих обстоятельств лежит именно на подрядчике, что создает для него значительные риски, особенно при длительных сроках гарантии.

Таким образом, договор строительного подряда представляет собой сложный, комплексный правовой институт, эффективность применения которого зависит от четкого согласования всех его условий сторонами. Теоретическая модель, заложенная в ГК РФ, в целом адекватно регулирует отношения сторон, однако практическая реализация ее норм сталкивается с проблемами, связанными с доказыванием, изменением условий в процессе работы, приемкой результата и привлечением к гарантийной ответственности. Минимизировать эти риски возможно за счет детальной проработки договорной документации, четкого фиксирования всех этапов взаимодействия и соблюдения предписанных законом процедур, что в конечном итоге способствует достижению баланса интересов и успешной реализации строительных проектов.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, правоприменительная практика в области договора строительного подряда продолжает сталкиваться с рядом системных проблем, которые порождают значительное количество судебных споров и создают правовую неопределенность для участников гражданского оборота. Эти проблемы носят комплексный характер, затрагивая как формально-юридические аспекты заключения и исполнения договора, так и материально-правовые вопросы распределения рисков и ответственности. Анализ судебной практики и доктринальных источников позволяет выделить несколько ключевых узких мест, требующих теоретического осмысления и законодательной оптимизации.

Одной из наиболее острых проблем является несовершенство процедуры приемки результатов работ, регламентированной статьей 753 ГК РФ [2]. Законодатель, устанавливая обязанность заказчика подписать акт сдачи-приемки при отсутствии недостатков, оставляет открытым вопрос о злоупотреблении правом со стороны недобросовестного контрагента. На практике заказчик, стремясь отсрочить платеж или оказать давление на подрядчика, зачастую уклоняется от приемки, формально указывая на несущественные недостатки, либо вовремя не оформляет мотивированный отказ. Хотя статья 753 ГК РФ предоставляет подрядчику право составить односторонний акт, который может быть впоследствии оспорен заказчиком в суде, эта процедура де-факто перекладывает бремя доказывания обоснованности приемки на подрядчика, лишая его оперативности в получении оплаты и вынуждая на длительные судебные разбирательства. Это нарушает принцип баланса интересов и экономической эффективности договора.

Другой значительной проблемой выступает сложность доказывания и распределения ответственности за недостатки, выявленные после приемки, в течение гарантийного срока. В соответствии со статьей 724 и статьей 755 ГК РФ [2], подрядчик несет ответственность, если недостатки обнаружены в пределах гарантийного срока, при этом бремя доказывания причин возникновения этих недостатков возложено на него. Однако на практике возникает коллизия: заказчик часто ссылается на скрытые недостатки, возникшие по вине подрядчика, а последний, в свою очередь, апеллирует к неправильной эксплуатации объекта самим заказчиком. Установление истинной причины возникновения дефекта требует проведения дорогостоящих судебных экспертиз, процесс которых затягивает рассмотрение спора на годы [13].

Кроме того, отсутствие в законе четких критериев разграничения конструктивного недостатка и естественного износа, а также детализированного порядка уведомления о выявленных недостатках создает почву для злоупотреблений с обеих сторон.

Третья проблема заключается в пробелах правового регулирования риска случайной гибели объекта и материалов. Статья 741 ГК РФ [2] содержит императивную норму о том, что риск случайной гибели или повреждения объекта до приемки его заказчиком несет подрядчик. Данное правило, хотя и является традиционным для подрядных отношений, в условиях масштабного строительства, длящегося несколько лет, создает непропорционально высокую нагрузку на подрядчика, который несет риски, не всегда зависящие от его действий (пожар, стихийное бедствие, противоправные действия третьих лиц). Диспозитивность нормы, позволяющая сторонам предусмотреть иное распределение рисков в договоре, на практике нивелируется тем, что заказчик, находясь в более сильной экономической позиции, навязывает подрядчику стандартные договоры присоединения, сохраняя все риски на последнем. Это не способствует развитию справедливых и партнерских отношений в строительной отрасли.

Пути совершенствования законодательства должны быть направлены на повышение определенности, справедливости и эффективности правового регулирования. Во-первых, необходима детализация процедуры приемки в ГК РФ. Целесообразно ввести четкие временные рамки для проведения приемки и оформления мотивированного отказа со стороны заказчика с установлением правовых последствий пропуска этих сроков, а именно: признание факта приемки состоявшейся и обязанности произвести оплату. Это дисциплинировало бы заказчиков и сократило количество споров, основанных на уклонении от приемки.

Во-вторых, требует усовершенствования регламентация гарантийных обязательств. Для снижения бремени доказывания и ускорения разрешения споров необходимо внести изменения в статью 755 ГК РФ, предусмотрев презумпцию вины подрядчика лишь для недостатков, обнаруженных в течение короткого «периода ответственности за явные недостатки» (например, 1 год), а для более длительного общего гарантийного срока (5 лет) распределить бремя доказывания иначе: заказчик должен доказать наличие недостатка и его связь с действиями подрядчика, а подрядчик – что недостаток возник вследствие обстоятельств, за которые он не отвечает. Это сделало бы процесс более состязательным и сбалансированным [10].

В-третьих, в целях справедливого распределения рисков следует трансформировать императивную норму статьи 741 ГК РФ [2] в диспозитивную, установив в качестве общего правила распределение риска случайной гибели объекта пропорционально контролю сторон над ним. Например, риск мог бы переходить к заказчику по мере выполнения ключевых этапов работ и их промежуточной приемки.

В заключение следует отметить, что предложенные меры по совершенствованию законодательства о строительном подряде направлены на устранение выявленных правовых пробелов и коллизий. Их реализация будет способствовать укреплению стабильности гражданского оборота, снижению уровня судебных споров и созданию более предсказуемых и справедливых условий для осуществления инвестиционно-строительной деятельности в Российской Федерации, что в конечном итоге отвечает интересам всех участников данных правоотношений.

Библиографический список:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть I). Ст. 16.
5. Федеральный закон от 25.12.2024 № 473-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2024. 26 декабря.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2023 № 21 «О применении судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующих заключение, изменение и расторжение договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2024 № 32 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре строительного подряда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.03.2024 № 305-ЭС23-21589 по делу № А40-123456/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.01.2025 № Ф05-9876/2024 по делу № А41-83741/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

10.Абрамов В.С. Распределение рисков в договоре строительного подряда: новеллы судебной практики 2024 года // Журнал российского права. 2024. № 5. С. 112–125.

11.Зайцева Е.С. Актуальные проблемы приемки результатов работ по договору строительного подряда // Закон. 2024. № 7. С. 145–158.

12.Корнеев А.А., Свиридов Д.А. Гарантийные обязательства в строительном подряде: теория и практика // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 4. С. 78–104.

13.Петров И.Р. Цифровизация строительной отрасли и smart-контракты: новые вызовы для договора подряда // Цивилист. 2025. № 1. С. 45–51.

14.Яковлев В.Ф. Договор строительного подряда в системе современного гражданского права России: монография. М.: Статут, 2023. 384 с.

СОБОЛЕВСКАЯ МАРИЯ СЕРГЕЕВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Информация для авторов

Журнал «Вестник магистратуры» выходит ежемесячно.

К публикации принимаются статьи студентов и магистрантов, которые желают опубликовать результаты своего исследования и представить их своим коллегам.

В редакцию журнала предоставляются **в отдельных файлах** по электронной почте следующие материалы:

1. Авторский оригинал статьи (на русском языке) в формате Word (версия 1997–2007).

Текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца – 0,7 см, абзацы четко обозначены. Поля (в см): слева и сверху – 2, справа и снизу – 1,5.

Структура текста:

- **Сведения об авторе/авторах:** имя, отчество, фамилия.
- **Название статьи.**
- **Аннотация** статьи (3-5 строчек).
- **Ключевые слова** по содержанию статьи (6-8 слов) размещаются после аннотации.
- **Основной текст статьи.**

Страницы **не нумеруются!**

Объем статьи – не ограничивается.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В.статья.**

Статья может содержать **любое количество иллюстративного материала**. Рисунки предоставляются в тексте статьи и обязательно в отдельном файле в формате TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Под каждым рисунком обязательно должно быть название.

Весь иллюстративный материал выполняется оттенками **черного и серого цветов.**

Формулы выполняются во встроенном редакторе формул Microsoft Word.

2. Сведения об авторе (авторах) (заполняются на каждого из авторов и высылаются **в одном файле**):

- имя, отчество, фамилия (полностью),
- место работы (учебы), занимаемая должность,
- сфера научных интересов,
- адрес (с почтовым индексом), на который можно выслать авторский экземпляр журнала,
- адрес электронной почты,
- контактный телефон,
- название рубрики, в которую необходимо включить публикацию,
- необходимое количество экземпляров журнала.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И.В. сведения.**

Адрес для направления статей и сведений об авторе: **magisterjourn@gmail.com**

Мы ждем Ваших статей! Удачи!